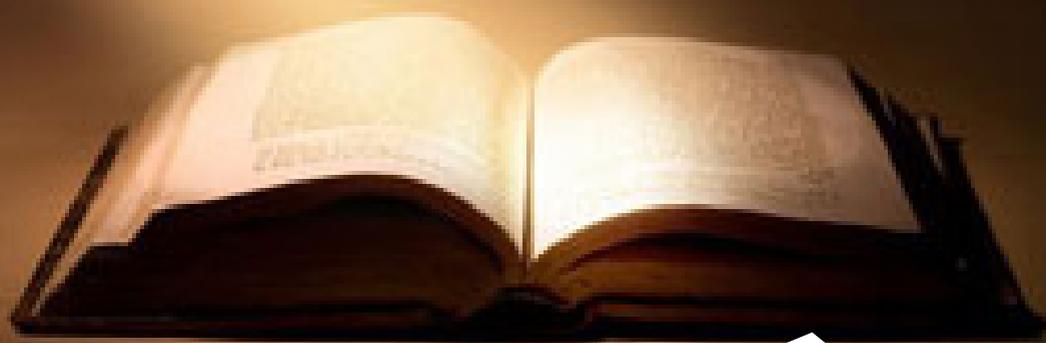

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

XX ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
4–5 ДЕКАБРЯ 2017 г., КРАСНОЯРСК**

Электронное издание

ISBN 978-5-7638-3774-2

© Сибирский федеральный университет, 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

XX ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов региональной
научно-практической конференции
4–5 декабря 2017 г., Красноярск*

Красноярск
СФУ
2017

УДК 94(571.1/5)
ББК 63.3(253)
Д853

Редакционная коллегия:

Д. Н. Гергулев, канд. ист. наук, доцент (председатель);
М. Д. Северьянов, д-р ист. наук, профессор;
А. П. Свитин, д-р филос. наук, профессор;
М. П. Яценко, д-р филос. наук;
Е. Е. Кушнаренко, канд. ист. наук, доцент

Д853 **XX Духовно-исторические чтения** [Электронный ресурс] : сб. материалов регион. науч.-практ. конф. 4–5 декабря 2017 г., Красноярск. – Электрон. дан. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 180 с. – Систем. требования : PC не ниже класса Pentium I ; 128 Mb RAM ; Windows 98/XP/7/8/10 ; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.
ISBN 978-5-7638-3774-2

Сборник содержит статьи участников региональной научно-практической конференции «XX Духовно-исторические чтения». Представленные материалы разнообразны по тематике и затрагивают такие отрасли науки, как краеведение, история, философия, культурология. Некоторые статьи носят дискуссионный характер и публикуются в авторской редакции.

Предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

© Сибирский федеральный университет, 2017

Электронное научное издание

Подписано в свет 14.12.2017. Заказ № 3070
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Содержание

<i>Бармина Е.В.</i> Татуировка – украшение или магический знак? (На примере коренных народов Сибири и Дальнего Востока).....	5
<i>Вититнева Е.В.</i> Религиозный аспект повседневной жизни сибирского студенчества в XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета)	10
<i>Горелова В.В., Новосельцев Н.Р., Тимаков Н.И.</i> Распад СССР (отечественная и зарубежная историография)	15
<i>Евстратчик А.А.</i> Провокаторы-первопроходцы: С.П. Дегаев и Г.П. Судейкин	22
<i>Евстратчик А.А., Яценко М.П.</i> Воспитательная функция истории как основа формирования нравственной личности	28
<i>Елизов А.Г., Бехлер А.Е.</i> Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны (история АлСиб).....	34
<i>Журибеда К.О., Галкина Е.И.</i> Документы избирательной комиссии Красноярского края по выборам депутатов Государственной Думы как исторический источник.....	39
<i>Задорин А.В.</i> Концепция демографического перехода в трудах красноярских исследователей.....	46
<i>Ильин Р.А., Яценко М.П.</i> Терроризм как обратная сторона в истории Российского государства	51
<i>Исакова Т.В.</i> Женщины России в войнах XIX – первой половины XX в.	57
<i>Канцерева Д.Н., Новосельцев Н.Р.</i> Миф или жестокая реальность. Разные мнения о самом жестоком и кровопролитном периоде отечественной истории – репрессиях 20–30-х гг. XX в.	63
<i>Керн И.С.</i> История возникновения и развитие фотографической деятельности в Енисейской губернии во второй половине XIX в.	67
<i>Ковалев Е.А.</i> Грамота на права и выгоды городам Российской империи и реалии Приенисейского края последней четверти XVIII в.	73
<i>Кокоулин В.Г.</i> Социально-политические процессы в деревне Западной Сибири после Февральской революции.....	80
<i>Колесник Э.Г., Тарасов М.Г., Лисина Е.А.</i> Историческая наука и образование в Сибирском федеральном университете	87

<i>Кондратьева А.А.</i> Деятельность банкирских домов в дореволюционное время как один из этапов развития банковского дела в Российской империи	92
<i>Кушнаренко Е.Е.</i> Особенности организации предприятий с коллективным собственником в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.	96
<i>Максимов С.В.</i> Военный прогресс в контексте русских революций	105
<i>Матвеева Д.Н.</i> К вопросу о государственном контроле публичных домов на примере материалов Енисейской губернии за 1880–1890-е гг.	111
<i>Новосельцев Н.Р., Каланчукова А.А.</i> Исследование формирования отношения к труду под влиянием социальных факторов в 30-е гг. XX в.	117
<i>Пантелеева И.А., Ноздренко Е.А., Мильникова Е.В.</i> Патриотизм как ценность в структуре личности современного сибиряка, или Кого воспитало наше общество? (По материалам социологического исследования)	125
<i>Песковец И.Д., Яценко М.П.</i> Особенности философии ядерной безопасности в условиях глобального мироустройства	131
<i>Пшегорский И.С.</i> Сибирь и западноевропейская экспансия на рубеже XVI–XVII вв.	137
<i>Терскова А.А.</i> Иркутский миссионерский съезд 1910 г.	143
<i>Трихаева К.Г.</i> Подземная артерия Западной Сибири: история запуска нефтепровода Шаим – Тюмень (1960–1965 гг.)	149
<i>Чернышов В.В.</i> Документы Комитета грамотности как источники изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии конца XIX в.	154
<i>Шилейкис К.С.</i> Языковая ситуация и положение отдельных народов Речи Посполитой в конце XVI – XVII в.	160
<i>Шушканова Е.А.</i> Рапорты благочинных как ценный источник реконструкции сельской приходской жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в.	166
<i>Элтеко Ю.В.</i> Книга В.Б. Бояринцева «Мы – хиппи» как исторический источник для изучения движения хиппи в СССР	171
Сведения об авторах	177

**Татуировка – украшение или магический знак?
(На примере коренных народов
Сибири и Дальнего Востока)**

Е.В. Бармина
Сибирский федеральный университет

В статье представлен краткий историографический обзор о значении татуировки в традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока. Рассмотрены функции татуировок у разных народов. На основании использованных источников представлен вывод о значении данного вида искусства в качестве исторического источника.

Ключевые слова: татуировки, народы Сибири и Дальнего Востока, традиционная культура, исторический источник, знаки на теле.

**Tattoo is a decoration, or magic sign?
(For example the indigenous peoples
of Siberia and the Far East)**

E.V. Barmina
Siberian Federal University

The article presents a brief historiographical overview of the significance of tattoo in the traditional culture of the peoples of Siberia and the Far East. The functions of tattoos in different cultures. On the basis of the used sources presents a conclusion about the value of this kind of art as a historical source.

Key words: tattoo, peoples of Siberia and the Far East, traditional culture, historical sources, symbol on the body.

Татуировка – что это: причудливое украшение тела или магический знак, символ, обладающий смыслом и удивительными способностями? Этот, казалось бы, простой вопрос создает многочисленные трудности и проблемы среди историков, этнографов и специалистов, интересующихся данной темой.

Актуальность поставленного вопроса заключается в том, что в зависимости от географического положения носителей татуировки

ответ на него не может быть однозначным. В связи с этим в данной статье будет представлен краткий историографический обзор о значении и содержании татуировок на примере традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Под определением «традиционная культура» стоит понимать совокупность материальных и духовных ценностей, которая была создана тем или иным народом и передается из поколения в поколение практически в неизменном виде [1, с. 22].

Для того чтобы приступить к анализу историографии о значении татуировки у народов Сибири и Дальнего Востока, что является главной целью данной статьи, введем само понятие этой модификации тела. В.Д. Косулин в работе «Искусство татуировки» [2, с. 3] выдвигает несколько версий происхождения термина «татуировка»: от полинезийского *tamau* 'рисовать' или таитянского *ta* 'картинка', *atu* 'дух'. Этому же взгляда на происхождение термина придерживаются многие исследователи (М.Б. Медникова, В.А. Барановский, Л.А. Мельникова и др.). И.А. Гринько [3, с. 120] добавляет, что полинезийцы связывают татуировки с именем бога Тики, который, по преданию, научил их этому искусству. В современном понимании термин «татуировка», как утверждает Л.А. Мельникова [4], в переводе с английского *tattoo* означает 'художественное изображение на коже, которое было получено путем травмирования глубоких слоев дермы'. Таким образом, замечаем, что точно установить происхождение данного термина невозможно, хотя, как было сказано, многие исследователи склоняются именно к полинезийским корням татуировки.

Вводя основные понятия термина «татуировка», укажем те народы Сибири и Дальнего Востока, у которых искусство татуирования присутствовало в традиционной культуре. М.Б. Медникова в своей работе «Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник», ссылаясь на С.И. Руденко и Б.Ф. Поршнева, сообщает, что татуировка была хорошо известна эвенкам, якутам, хантам, манси, тунгусам [5, с. 122]. А.В. Барановский пишет о том, что искусство татуирования присутствовало также в культуре эскимосов [6, с. 56]. Стоит отметить также тот факт, что В.Г. Богораз-Тан в своем труде «Чукчи. Религия» упоминает об обычае делать татуировки у представителей народа чукчей [7, с. 49]. Таким образом, в данной статье будет рассмотрено значение и содержание татуировки у следующих народов Сибири и Дальнего Востока: эвенки, или тунгусы, якуты, ханты, манси, чукчи.

В традиционной культуре народов любое действие и любой символ имеет свое значение, поэтому и к процессу нанесения татуировок на тело относились с большой серьезностью и готовились к этому, в том числе и психологически. Татуировка в культуре многих народов имела сакральное, магическое значение, определяла социальный статус человека, его принадлежность к тому или иному обществу, служила ему оберегом [5, с. 114, 117, 118, 124]. В статье «К вопросу о позитивном и негативном восприятии татуировок в древности» М.Б. Медникова пишет о том, что татуировка является одним из способов манипуляции тела, последствия которого остаются с человеком навсегда [8, с. 76]. Поэтому татуировка представляла собой нечто большее, чем просто красивый рисунок на теле.

Перейдем к описанию значения татуировок в традиционной культуре интересующих нас народов в историографии. Начнем с рассмотрения процесса татуирования у эскимосов. В.А. Барановский в работе «Искусство татуировки» сообщает о том, что татуировка у представителей данного народа имеет защитную и лечебную функцию [6, с. 56]. В случае заболевания на проблемную часть тела эскимосы наносили рисунок из прямых линий. Характерно, что от вида болезни зависело количество и форма линий. С.И. Руденко в статье «Татуировка азиатских эскимосов» указывает, что символы на теле эскимосов носили магический смысл [9, с. 152]. Татуировались в основном девушки, когда достигали половозрелого возраста. Мужчины редко наносили рисунок на тело, т.к. для них он не имел декоративных функций.

Интересны татуировки народов ханты и манси. Значение символов, наносимых на кожу этими народами, остается неизвестным и даже загадочным. Как отмечает В.Д. Косулин, значение татуировок ханты и манси является тайной женщин и зачастую о назначении тех или иных рисунков не знают даже самые близкие родственники [2, с. 42]. Однако важно отметить, что одним из основных элементов искусства татуирования этих народов является птица. В.Д. Косулин [2, с. 47] и В.А. Барановский [6, с. 57] сходятся во мнении, что по поверьям ханты и манси, птица должна была помогать душе человека после смерти попасть в лучший мир и часто сама представлялась изображением души. Отличием ханты и манси от эскимосов является то, что у первых татуировались и мужчины, и женщины. Мужчины чаще всего наносили на тело знак своего рода или семейный знак, что характеризует социальное значение татуировки, а женщины на-

носили изображение птицы, которое, как уже было сказано, имело религиозный характер [10].

Искусство татуировки у эвенков (старое название тунгусов [11]), как отмечает З.И. Иванова-Унарова, связано с декором национальной одежды [12, с. 17]. Стоит отметить, что традиционный орнамент эвенков – геометрический, с преобладанием линий, треугольников и кругов. Автор, ссылаясь на исследования И. Гмелина, указывает на то, что татуировка эвенков содержит разнообразные линии со шпорами. В доказательство этому утверждению приводится пример с антропоморфными фигурками древних предков – мугдов, на лицах которых были изображены те же резные знаки, что и татуировка представителей этого народа [12, с. 35]. В свою очередь М.Б. Медникова со слов Б.Ф. Поршнева отмечает, что у охотников-тунгусов каждый род отличался своей уникальной татуировкой [5, с. 122]. Если человек из другого рода заходил на чужую территорию, то его могли убить. Таким образом, татуировка у эвенков имела не только декоративную функцию, сходную с функцией одежды, но и являлась социальным, родовым знаком отличия.

Перейдем к историческому значению татуировок на теле у представителей народа чукчи. Как уже упоминалось, В.Г. Богораз-Тан в труде «Чукчи. Религия» сообщает о том, что изображение различных символов и фигур на теле у чукчей достаточно распространенный и древний обычай. Так, например, автор указывает на традицию накалывать татуировки на лице и руках во время болезней, чтобы дать человеку нового «защитника» [7, с. 49], который поможет ему справиться с недугом. Также к изображению простейших символов прибегают убийцы. Они накалывают точечный рисунок на своих плечах, представляя душу убитого человека, которая теперь будет ему помогать или даже станет часть его существа [4, с. 49]. Но, помимо убийц, татуировки убитого врага, как отмечает А.К. Нефедкин [13, с. 157], делали и воины. Победитель делал точку на внутренней стороне правого запястья. Встречается также упоминание о том, что бездетным женщинам наносили татуировки в виде линий и точек на щеки на равном расстоянии друг от друга [14]. В детстве девочкам наносили татуировки сначала вдоль лба и на носу, позже на подбородке, а когда девушка выходила замуж – на щеках [15]. Таким образом, татуировка у чукчей имела разнообразное значение: оберег, знак воина, защитник и др. и была неотъемлемой частью культуры этого народа.

Нельзя оставить без внимания искусство татуирования у якутов. К. Авера в статье «Шитолицы племена Якутии, или “Тигиилээх сырайдар”» сообщает о том, что татуировка у этого народа имела несколько значений: декоративное, лечебное, социально-определяющее, а также символы на коже выполняли функцию оберега [16]. Стоит также отметить, что татуировка была особым знаком отличия воина, который проявил храбрость в бою. В пример можно привести татуировки воинов Тыгына Дархана, героя якутского эпоса [16].

Таким образом, значение татуировок указанных народов Сибири и Дальнего Востока разнообразно: это ритуальный или магический знак, способный защитить и помочь своему носителю, или же знак определения социального статуса и принадлежности к тому или иному роду. Именно благодаря своей многофункциональности данные символы на коже могут претендовать на звание исторического источника, содержащего в себе информацию как о культуре, так и о жизни народа в целом.

Литература

1. Гладина И.П., Королева Г.М. Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества // Армия и общество. – 2012. – № 4 (32). – С. 22–29.
2. Косулин В.Д. Искусство татуировки. – СПб.: Изд-во ООО «Золотой век», ООО «Диамант», 2001. – С. 288.
3. Гринько И.А. Модификации тела. Эстетика и символика. Социальные модификации в традиционных обществах. – Саарбрюккен, Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – С. 157.
4. Мельникова Л.А. География распространения татуировки в историческом аспекте // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2011. – Т. 6.
5. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 216.
6. Барановский А.В. Искусство татуировки. – М.: Славянский дом книги, 2002. – С. 320
7. Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Религия / авторизированный перевод с англ. Под ред. Ю.П. Францова. – Л.: Изд-во ГЛАВСЕВМОРПУ-ТИ, 1939. – С. 211.
8. Медникова М.Б. К вопросу о позитивном и негативном восприятии татуировок в древности // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 76–95.
9. Руденко С.И. Татуировка азиатских эскимосов // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 149–155.

10. Авторская платформа Pandia.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/450/12269.php> (дата обращения: 03.03.2017).

11. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвенки> (дата обращения: 05.03.2017).

12. Иванова-Унарова З.И. Традиционное искусство народов северо-востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки). – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. – С. 192.

13. Нефедкин А.К. Военное дело чукчей. – СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2003. – С. 157.

14. Этнографический блог о народах и странах мира их истории и культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib7.com/narody-sibiri/1730-hozjajstvo-chukchej.html> (дата обращения: 05.03.2017).

15. Славянская антропология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=1296> (дата обращения: 05.03.2017).

16. NVPRESS.RU в Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nvpress.ru/science_and_life/16539 (дата обращения: 05.03.2017).

УДК37.091.21:2-184.2(571.16)(09)

**Религиозный аспект повседневной жизни
сибирского студенчества в XIX – начале XX в.
(на примере Императорского Томского университета)**

Е.В. Вититнева
Сибирский федеральный университет

В статье анализируется вопрос о роли и месте религии в повседневной жизни студентов Императорского Томского университета. Рассматриваются следующие вопросы: специфика сословного и конфессионального состава студентов, особенности работы богословской кафедры ИТУ, проблемы распространения атеизма и материализма в университетской среде и их решение.

Ключевые слова: Сибирь, студенты, Императорский Томский университет, повседневная жизнь студентов, социальный состав, численность, религия, наука.

The religious aspect of students' everyday life of Tomsk Imperial State University in the late XIX – early XX century

E.V. Vititneva
Siberian Federal University

The role and place of religion on students' everyday life of Imperial Tomsk State University are analyzed in this article. The following issues are addressed: features of social and confessional structure of students, particularity of the theological department ITU, problem questions of the spread of atheism and materialism and their solution.

Key words: *Siberia, students, Imperial Tomsk State University, students' everyday life, social structure, number, religion, science.*

Томский Императорский университет начал свою работу в 1888 г., на закате XIX столетия. Как известно, в Российской империи данный период характеризуется повышением интереса к атеизму, отрицанием классической религии, распространением материалистических учений. С другой стороны, в дореволюционной России роль религии сложно переоценить. Принадлежность к определенной конфессии фактически служила основным критерием деления населения на группы. Кроме того, не допускалось внеконфессиональное состояние, существовал ряд ограничений и запретов в религиозной сфере. Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. за выход из православия была предусмотрена ответственность в виде каторги сроком от восьми до десяти лет [7]. Именно в такой противоречивой атмосфере началось зарождение и развитие высшей школы в Томске.

Представляется интересным узнать, какое место занимала религия в жизни студентов Томского Императорского университета. Развитие атеистических учений, с одной стороны, и преобладание студентов духовного сословия, с другой, вызывает неподдельный интерес при изучении столь противоречивого вопроса. Цель настоящей работы – определить степень влияния религии на повседнев-

ную жизнь студентов Томского Императорского университета в дореволюционный период. При работе над исследованием использовались материалы ОГКУ Государственного архива Томской области (ГАТО) – фонд 102 Томский университет Министерства народного просвещения. Работа с фондом позволила проанализировать материалы университетского делопроизводства, связанные с конфессиональным вопросом. Найденные материалы, в свою очередь, помогли составить картину повседневной жизни студентов с точки зрения влияния на нее религии.

Прежде всего стоит раскрыть вопрос о социальном составе студенчества в изучаемый период. Среди томских студентов, несомненно, преобладало духовное сословие. В первую очередь, это было связано с тем, что выпускники семинарий имели возможность получить высшее образование только в сибирском вузе. Соответственно, основная часть студентов Томска в дореволюционный период – это выпускники духовных семинарий. Так, на 1902 г. из общего числа студентов – 540 человек – 393 были семинаристами [5]. Нужно сказать, что данная тенденция сохранялась вплоть до революции 1917 г. Ректор ИТУ 1913–1916 гг. М.Ф. Попов в своей работе [3] отметил, что в период 1888–1913 гг. в университете обучалось 46 % студентов – выходцев из духовного сословия. Дети чиновников и дворян составляли 20 % от общего числа студентов, мещане – 16 %, крестьяне – 6 %, купцы – 5,2 %, казаки и нижние воинские чины – 2 %, почетные граждане – 1,7 %, военные 0,6 %, инородцы – 0,4 %. Таким образом, становится ясно, что основная часть студентов – это выпускники духовных семинарий либо представители духовного сословия. Данный факт весьма положительно сказался на сохранении уважения к религии в столь противоречивый для нее период и внес значительный вклад в защиту от распространения атеистических и нигилистических учений в университетской среде.

Далее следует рассмотреть конфессиональный состав дореволюционного томского студенчества. Обращаясь к работе М.Ф. Попова, мы находим следующую информацию. Православные студенты составляли большинство – 89 %, иудеи – 7,5 % [3]. Остальные студенты были представителями иных религий: католической, протестантской, магометанского, армяно-григорианского, старообрядческого направлений, язычества [4]. Преобладание студентов православного исповедания напрямую связано с тем, что Русская православная церковь имела статус государственной. В связи с этим в данной работе

сделан акцент на влияние именно православной религии на студенческую повседневность.

Важно отметить, что на базе Томского университета функционировала кафедра богословия, которая подготавливала специальные курсы по богословию (в основном по православию) для студентов всех направлений. Студенты православного исповедания были обязаны посещать занятия кафедры богословия безусловно. Основной целью данных курсов было свести на нет влияние учений о нигилизме и атеизме, которые были распространены в студенческой среде в рассматриваемый период. Профессор кафедры богословия И.Я. Галахов пытался донести до студентов мысль о том, что религия и наука никак между собой не противоречат, а, напротив, дополняют и обогащают друг друга [6].

В связи с тем, что в российских университетах преобладали студенты православного вероисповедания, традиционно при каждом из них была церковь. Не исключением является и Императорский Томский университет. При нем с 1887 г. (за год до открытия университета) действовала университетская церковь, которая находилась в здании главного корпуса. В храме, помимо настоятеля и протодиакона, служил псаломщик, должность которого чаще всего занимал один из студентов, за что получал заработную плату в размере 150 рублей в год [4]. С 1987 г. студенты могли вступить в хор певчей университетской церкви и также получать за это денежное вознаграждение [4].

Ежегодно во время Великого поста в одной из аудиторий по вечерам для студентов и прихожан священнослужители читали специальные лекции по вопросам веры и нравственности, велась миссионерская работа среди населения [1]. В начале каждого учебного года совершался торжественный молебен, в котором принимали участие не только студенты, но и профессора. Они просили благословления на предстоящий учебный год. Торжественный молебен также ежегодно совершался 22 октября (4 ноября) в день празднования Казанской Божьей Матери и День томского студенчества. Обычно студенты посещали церковь во время воскресной службы и в свое свободное время.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на активное развитие антирелигиозных настроений в университетах европейской части Российской Империи, среди сибирских студентов атеистические учения воспринимались с меньшим энтузиазмом. В первую очередь, на это влиял факт преобладания представителей духовного

сословия среди томских студентов. Кроме того, кафедра богословия активно вела пропаганду в защиту православия: составляла специальные курсы, проводила лекции, устраивала встречи со студентами всех специальностей. Университетская церковь также вносила значительный вклад в искоренение нигилистических взглядов посредством проведения служб, литургий, молебнов. И даже День томского студенчества был приурочен к религиозному празднику – дню Казанской Божьей Матери. Таким образом, религия естественным образом вошла в повседневность студентов как в университетской жизни через призму аудиторных занятий по богословию для всех студентов, так и в аспекте досуга – посещение церкви, участие в праздниках, приуроченных к началу учебного года, Дню томского студенчества и т.д.

Литература

1. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 122. Д. 8.
2. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х – 1919 г.) – Томск: Издательство Томского ун-та, 2011. – 598 с.
3. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). – Томск, 1913.
4. Хаминов Д.В., Некрылов С.А. Православие в жизни дореволюционного Российского университета (на примере Императорского Томского университета). – Сибирский медицинский журнал. – № 3. – 2009. – С. 134–141.
5. Отчет о состоянии Томского университета за 1902 год. – Паровая типолитография П.И. Макушина. Благовещ. пер. – 1903. – 186 с.
6. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 г. // Российское законодательство X–XX вв. / Чистяков О.И. – М.: Юридическая литература, 1988. – Т. VI. – С. 174–276.

**Распад СССР
(отечественная и зарубежная историография)**

В.В. Горелова, Н.Р. Новосельцев, Н.И. Тимаков
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается распад СССР с точки зрения отечественной и зарубежной историографии. Выделены причины распада. Дана характеристика экономики СССР того периода.

Ключевые слова: СССР, Россия, распад, развал, Ельцин, Горбачев, США, холодная война.

**Disintegration of the USSR
(domestic and foreign historiography)**

V.V. Gorelova, N.R. Novoseltsev, N.I. Timakov
Siberian Federal University

The article is considered the collapse of the Soviet Union in terms of domestic and foreign historiography. The reasons of the decay are elicited. The characteristic of the Soviet economy of the period is given.

Key words: USSR, Russia, decay, collapse of, Yeltsin, Gorbachev, the United States, the Cold War.

Так уж совпало, что именно в декабре текущего 2016 г. исполняется 25 лет со дня распада СССР, который произошел 25 декабря 1991 г. Но процесс развала некогда могущественной сверхдержавы был не неожиданным и даже не случайным, все это – результат системного кризиса, который продолжался довольно продолжительное время.

Предпосылкой распада Советского Союза, который, по данным отечественной историографии, длился в период с 1988 по 1991 г., являлась перестройка. Но сложно утверждать, что именно Горбачев и его реформы стали единственной причиной. Цель нашей работы – рассмотреть все причины и предпосылки государственного переворота и поразмышлять о том, возможно ли было этого избежать.

Когда мы говорим об экономике СССР, то не можем не упомянуть о либеральных реформах в 70-х гг. XX в. В экономике существовал инвестиционно-политический цикл, который заключался в относительном расширении самостоятельности предприятий, что приводило к повышению темпов экономического роста, но при этом подталкивало к либеральным реформам политического аппарата. Но государство, опасаясь за свое положение, раз за разом сворачивало их.

В 1973 г. принятие новых либерализирующих экономических реформ было остановлено из-за скачка цен на нефть, именно в 70-е гг. XX в. появилась зависимость советской экономики от нефтяных доходов и импорта продовольствия, одежды и машиностроения из развитых стран.

Структура импорта товаров СССР (1913 – 1990), проценты										
Товары	1913	1940	1950	1960	1970	1975	1980	1985	1990	
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	
Машины, оборудование и транспортные средства	16,6	32,4	22,4	31,1	35,6	36,3	33,9	37,1	44,8	
Топливо и электроэнергия	7,1	6,5	11,8	4,2	2	3,6	3,0	5,3	2,6	
Руды и концентраты, металлы и изделия из них	6,9	26,6	14,1	15,6	9,6	10,8	10,8	8,3	5,1	
Химические продукты, удобрения, каучук	7,9	4,3	6,9	6	5,7	4,3	5,3	5	4,1	
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	3,3	2,6	3,8	1,9	2,1	1,8	2	1,3	1	
Текстильное сырье и полуфабрикаты	18,3	6,7	7,8	6,5	4,8	2,3	2,2	1,7	1,1	
Продовольственные товары и сырье для их производства	21,2	14,9	19,7	13,1	15,8	22,8	24,2	21,1	15,8	
Промышленные товары народного потребления	10,3	1,4	7,4	16,9	18,3	12,6	12,1	12,6	17,7	

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в развитии народного хозяйства СССР стала обнаруживаться тенденция к заметному снижению темпов роста национального дохода. Если в 8-й пятилетке его среднегодовой прирост составлял 7,8 % и в 9-й – 5,7 %, то в 10-й он снизился до 4,3 %, а в 11-й составил около 3,6 % [2].

Венгерский экономист Янош Корнаи пояснил, почему произошло снижение экономических показателей. В «социалистической» экономике есть цены, которые, однако, фальсифицированы и не отражают реальных издержек производства; финансовые ограничения для госпредприятий очень мягки, поскольку государство отпускает им средства практически независимо от результатов их деятельности. Этот государственный патернализм ведет к ускоренному экс-

тенсивному росту при хроническом дефиците товаров и ресурсов. Фактически речь идет о том, что рыночные формы при «социализме» имели весьма поверхностный характер [6].

Темпы прироста национального дохода и промышленного производства в СССР в 1961-1985 годах, %

На апрельском пленуме ЦК КПСС была выдвинута задача перестройки и ускорения социально-экономического развития страны.

25 февраля – 6 марта 1986 г. состоялся XXVII съезд КПСС, на котором была принята новая редакция программы партии.

На пленуме 1987 г. М.С. Горбачев заявил, что перестройка возможна только на основе демократии, и призвал к расширению гласности.

После январского пленума стали публиковаться ранее запрещенные на территории СССР произведения, начала реформироваться экономическая политика, в том числе стало появляться предпринимательство в форме кооперативов, которые, по мнению ряда аналитиков, скорее были прикрытием для нелегальной деятельности, чем новой формой производственных отношений. В январе 1987 г. страна стала вновь привлекать иностранные инвестиции, чего не наблюдалось со времен НЭПа. Сначала поток иностранных инвестиций был весьма скромным: к концу года он составил лишь 89,3 млн долл. [4]. Предусматривались серьезные изменения в инвестиционной политике: сокращение дорогостоящего капитального строительства и ускорение технического перевооружения предприятий. Капиталовложения в машиностроения увеличились на 80 %.

Наметилась тенденция на глобальный раскол политических элит. С одной стороны – консерваторы, с другой – демократы (сторонники дальнейшего расширения гласности и реформ политической системы).

Лишь некоторые руководители КПСС понимали, что необходимо менять экономическую систему, и предлагали децентрализовать управление, расширить права предприятий, внедрить хозрасчет. Значительная же часть государственного и партийного руководства полагала, что реформы не нужны, что можно решить проблемы лишь укреплением дисциплины силовыми методами. Но, по сути, и реформаторы не имели четкого плана реформ. Представления о путях преобразования экономики не выходили за рамки возвращения к хозяйственной реформе 60-х гг.

Январский пленум 1987 г. произвел демократизацию политической жизни страны. Избиратели, впервые получили возможность проголосовать на «альтернативной основе», проявив исключительную активность, нередко голосовав против действующей власти.

Тем не менее в целом по стране аппарат сумел получить удовлетворяющее его большинство на выборах 1989 г.

В Москве победил Б.Н. Ельцин, который выступал за ускорение темпов перестройки, против него Горбачев и Лигачев скооперировали все административные ресурсы, но несмотря на это Борис Николаевич получил почти 90 % голосов. Это означало, что будущий президент РФ был очень популярен в народе [1].

Важным тезисом демократов на первом съезде народных депутатов было введение поста президента и всеобщие выборы. Группа радикальных реформаторов стала именоваться Межрегиональной депутатской группой (МДГ) во главе с Б.Н. Ельциным, А.Д. Сахаровым, Г.Х. Поповым, Ю.Н. Афанасьевым.

На втором же съезде МДГ требовали отменить 6-ю статью Конституции СССР о главенстве КПСС в политической жизни страны, но предложение было отвергнуто большинством съезда, хотя отмену статьи поддерживали около половины граждан страны.

В то же время на территории СССР разгорается ряд международных конфликтов.

Первым проявлением напряженности в период перестройки стали события в Казахстане. 16 декабря 1986 г. в Алма-Ате состоялась демонстрация протеста после того, как утром того же дня Пленум ЦК Компартии Казахстана отправил на пенсию многолетнего партийного лидера республики Динмухамеда Кунаева и «единогласно избрал» на его место Геннадия Колбина.

В июне 1989 г. вспыхивают межэтнические столкновения в Новом Узене между казахами и выходцами с Кавказа, для подавления которых были задействованы бронетранспортеры, танки, боевые вертолеты и другая военная техника.

15, 16 июля в Сухуме произошли столкновения между грузинами и абхазами.

Наибольшей остротой отличался разгоревшийся в 1988 г. карабахский конфликт. Происходят взаимные этнические чистки, начинается исход армян из Азербайджана и азербайджанцев с курдами-мусульманами из Армении.

Первой территорией СССР, объявившей независимость в январе 1990 г., была Нахичеванская АССР. С ноября 1990 г. Нахичеванская Автономная Республика является автономным государством в составе Азербайджанской Республики.

В некоторых странах Восточной Европы советское правительство было смещено силой.

Парад суверенитетов принято считать той самой точкой невозврата, после которой развал СССР был делом времени.

В течение 1990–1991 гг. все союзные (одной из первых была РСФСР) и многие из автономных республик приняли Декларации о суверенитете, в которых оспаривался приоритет общесоюзных законов над республиканскими. Также республиками были приняты действия по контролю над местной экономикой, включая отказы выплачивать налоги в союзный и федеральный российский бюджеты. Эти конфликты перерезали многие экономические связи, что еще больше ухудшило экономическое положение в СССР. Так, например, из-за громадного товарного дефицита, властям пришлось вводить систему талонов [1].

Экономические проблемы также были связаны с нерешительностью руководства при переходе с уже разрушающейся командно-административной системы к рыночной. Разные группы экономистов разрабатывали планы по успешному переходу к рынку, но многие прогрессивные идеи лишь продолжали разрушать экономику, так как экономисты все еще не рассчитывали на полный отказ от государственного регулирования. Но более утопичные программы демократов не были поддержаны консервативным руководством из-за политических причин.

К концу 1991 г. экономическая ситуация стала катастрофической, для ее преодоления требовались радикальные меры, которые не могли пройти без огромных социальных последствий.

В марте 1991 г. состоялся референдум, на котором за «сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик» проголосовали более 76 % от числа принявших участие в референдуме (в том числе более 70 % в РСФСР и в Украинской ССР) [3]. На основе концепции референдума, с учетом его результатов, предполагалось заключение 20 августа 1991 г. нового союза – Союза Суверенных Государств как мягкой федерации.

Подписание Союзного договора стало предпосылкой к так называемому «августовскому путчу», когда ряд государственных, партийных и общественных деятелей предприняли попытку сохранения единства страны.

Началом путча принято считать уход М.С. Горбачева в отпуск и создание заговора против него, в группу заговорщиков вошли Г.И. Янаев, В.С. Павлов, Д.Т. Язов, А. Крючков, Б.К. Пуго и ряд других политических деятелей. Их целью было введение в стране чрезвычайного положения. Это было нужно для захвата власти и прекращения антисоциалистической деятельности партий и изданий. В Москве было введено военное положение, были отданы приказы на арест разного рода демократических деятелей, в том числе Б.Н. Ельцина [1].

Однако в день переворота ни один человек не вышел поддержать советский режим. Вместо этого десятки тысяч москвичей вышли на улицы, соорудили баррикады и приготовились отстаивать свои новые свободы [5]. В свою очередь Б.Н. Ельцин назвал режим ГКЧП незаконным и временно подчинил себе боевые структуры СССР на территории РФ. В защиту российской власти пришли многотысячные толпы митингующих, в том числе и с военным опытом. Заседание Верховного совета России поддержало действие Ельцина, а неудавшийся переворот закончился отказом штурма Белого дома со стороны ГКЧП и бегством его членов.

По возвращении из Крыма Горбачев потерял всю власть, она была сосредоточена в руках нового российского руководства. Указом Б.Н. Ельцина была прекращена деятельность КПСС на территории РСФСР, Горбачев отказался от поста Генсека ЦК КПСС, а само ЦК приняло решение о роспуске.

Путч резко ускорил процесс становления независимости бывших союзных республик. Сначала о своей независимости объявили Латвия и Эстония, затем Украина, а после Белоруссия, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Молдавия. Все республики надеялись решить экономические проблемы самостоятельно. При этом действия

республиканских правительств имели достаточную поддержку у местного населения во всех бывших союзных республиках.

Что же касается основных причин распада СССР, то их выделяют несколько. Одной из основных причин считают деятельность Е.Т. Гайдара и А.Д. Чубайса, которые полагали, что распад СССР был неизбежным и вполне закономерным, общий кризис социалистической системы повлек за собой кризис экономический и социальный. Некоторые историки и политические деятели, такие как Д.Е. Фурман, С.С. Шушкевич, полагают, что в развале виноваты политические элиты и конфликт между Горбачевым и Ельциным. Самая популярная причина развала СССР — влияние сил Запада; так, например, В.В. Серебрянников выделяет воздействие внешних сил, политические, информационные и экономические действия, которые принимали США в ходе холодной войны [4].

Литература

Кацва Л.А. История Отечества. — М., 2012. — С. 65.

Мау В. Экономика застоя: путь в никуда // Неприкосновенный запас. — 2007. — № 52 // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/mau5.html>.

Полунин А. Референдум краха: Двадцать лет спустя // URL: <http://svpressa.ru/politic/article/40536/>.

Inside the bear // The Economist. — Oct. 20. 2016.

Kornai Janus. The socialist system. The political economy of communism. —1988. — P. 137.

Rodriges H.L. CubaDebate, La desaparición de la URSS 25 añosdespués: Algunasreflexiones (IV).

**Провокаторы-первопроходцы:
С.П. Дегаев и Г.П. Судейкин**

А.А. Евстратчик
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается деятельность секретного агента Департамента полиции С.П. Дегаева и его непосредственного начальника Г.П. Судейкина. Анализируются причины, побудившие революционера стать тайным сотрудником полиции. Автор приходит к выводу о многоплановости агентурной работы Дегаева. Обосновывается идея о малоэффективности метода провокации в противостоянии терроризму и пользе его применения для карьерных перспектив конкретных сотрудников полиции.

Ключевые слова: провокатор, секретный сотрудник, Департамент полиции, дегаевщина, политический сыск.

**Pioneers of provocation:
S.P. Degayev and G.P. Sudeikin**

A.A. Evstratchik
Siberian Federal University

The paper is concerned the activities of the secret agent of the Police Department S.P. Degayev and his immediate superior G.P. Sudeikin. Concerns the motives that prompted the revolutionary to become a secret police officer. The author comes to the conclusion that Degayev's agency work was a multifaceted. It substantiates the idea ineffective method of provocation in countering terrorism and the benefits of its application for the career prospects of specific police officers.

Key words: The provocateur, secret officer, Police Department, degaevschina, political investigation.

Конец XIX в. стал тяжелым временем для Российской империи. На этот период приходится рост революционного движения, в связи с которым происходит усиление контроля за обществом со стороны государства.

Неслучайно именно в 1880-е гг., когда после убийства Александра II наступила эпоха контрреформ и новый царь Александр III боялся находиться в столице, правоохранные органы начинают выработать новые, более эффективные, чем прежние, методы борьбы с революционным движением. Если до 1881 г. упор делался на наружное наблюдение и перлюстрацию писем, то после этого времени получает распространение провокаторство. Одним из самых известных мероприятий с применением полицейской метода политической провокации было дело С.П. Дегаева, члена партии «Народная воля», секретного сотрудника Департамента полиции. Дегаев стал первым крупным русским политическим провокатором.

Изучение дегаевского дела *актуально* по следующим причинам:

1. Комплексный анализ «дегаевщины» позволяет глубже понять не только причины внедрения метода провокации в систему политического сыска, но и условия, необходимые для возникновения провокаторства.

2. Изучение дегаевского дела помогает лучше разобраться в психологии провокаторов и определить значение их деятельности для политической полиции и общества в целом.

Таким образом, *целями* данной работы являются:

1. Установить путем анализа деятельности С.П. Дегаева и его непосредственного начальника инспектора Департамента полиции Г.П. Судейкина причины, по которым Дегаев начал сотрудничать с полицией и стал провокатором.

2. Опираясь на историю работы Дегаева в качестве внутренне-го агента полиции под руководством Г.П. Судейкина, дать объективное определение понятию «провокатор».

3. Выяснить значение провокаторской работы С.П. Дегаева и Г.П. Судейкина в деле борьбы с политическим терроризмом.

Провокацию как инструмент борьбы с революционным движением впервые систематически стал использовать Г.П. Судейкин, подполковник Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Успешные разгромы народнических кружков помогли Судейкину сделать блестящую карьеру. Еще до смерти императора Александра II он начал набирать свою базу секретных сотрудников.

В 1881 г. был арестован народоволец В.П. Дегаев. Попытка Судейкина завербовать его потерпела неудачу. Владимир Дегаев согласился сотрудничать с полицией, но рассказал об этой сделке члену Исполнительного комитета (ИК) партии «Народная воля» С.С. Зла-

топольскому, который был в то время одержим идеей восполнить для партии потерю Н.В. Клеточникова [1].

Н.В. Клеточников был агентом Исполнительного комитета партии «Народная воля», работавшим в III отделении Его Императорского Величества канцелярии. Его деятельность оказала неоценимые для партии услуги: сведения, предоставляемые им, помогали народолюбцам избегать готовящихся арестов, получать секретную информацию о перлюстрации писем революционеров и многое другое.

Но статья вторым Клеточниковым В. Дегаеву было не суждено. Игра на два фронта, которую он попытался вести, была неубедительна, и Судейкин быстро раскрыл его. Союз В.П. Дегаева и Г.П. Судейкина оказался недолгим и практически бесполезным для обеих сторон. Однако фамилии Дегаева еще было суждено прогреметь на всю страну.

С.П. Дегаев, старший брат В.П. Дегаева, родился в 1857 г., получил военное образование, однако в 1879 г. был отчислен из Михайловской артиллерийской академии как политически неблагонадежный. К этому же периоду относятся его первые контакты с революционерами. Вопреки широко распространенному мнению о том, что С.П. Дегаев был завербован во время своего пребывания в Одесской тюрьме в декабре 1882 г. (Ж. Лонге, Г. Зильбер [2], Ю.Ф. Овченко [3], Н.В. Слепкова [4], Л.А. Тихомиров [5], В.Н. Фигнер [6]), российский историк Ф.М. Лурье утверждает, что Дегаев стал полицейским агентом в марте 1881 г., когда был схвачен полицией за организацию поджога под Малой Садовой для покушения на Александра II [7]. Сам же Дегаев в своем признании члену Исполнительного комитета «Народной воли» Л. Г. Тихомирову говорил, что был завербован в декабре 1882 г. Документальных подтверждений точки зрения Лурье нет, однако аргументы, приводимые историком, все же заставляют думать, что агентурную деятельность С.П. Дегаев начал уже в марте 1881 г. Момент отсчета начала службы С.П. Дегаева на Департамент полиции очень важен не только для установления точной хронологии событий, но и для понимания истинных причин краха партии «Народная воля»: повлияла ли на это совокупность внутренних и внешних причин или ответственность за развал русской революционной организации в большей степени лежит на С.П. Дегаеве? На сегодняшний момент вопрос о начале агентурной работы Дегаева остается открытым, единого мнения в историографии на этот счет не существует.

Еще одним спорным аспектом в деле Сергея Дегаева остаются мотивы, которые побудили его начать сотрудничество с Депар-

таментом полиции. Ряд исследователей утверждают, что причины предательства Дегаева были самыми примитивными – страх перед тюрьмой, жажда богатства и власти (Ф.М. Лурье [7], Ж. Лонге и Г. Зильбер [2], В.М. Жухрай [8] и др.). Мнение о том, что Дегаев поступил на службу к Судейкину ради спасения жены Л.Н. Дегаевой, которая была арестована, находит место в работах современного отечественного историка Ю.Ф. Овченко [3]. Еще одной оригинальной точкой зрения на этот счет стала позиция Е.И. Щербаковой. Исследовательница утверждает, что истинными причинами стало самолюбие Дегаева. «Невозможность реализовать свой героический порыв в будничной революционной работе вызывала неудовлетворенность. Партийный диктат и жесткие ограничения существования в подполье угнетали. Некоторые и провокаторами становились из-за того, что их индивидуальность, инициатива, эмоции оказывались под гнетом партийной дисциплины – возникало ощущение, что настоящая жизнь проходит где-то в стороне» – пишет Щербакова [9].

Объяснение мотивов начала сотрудничества Дегаева с полицией его желанием спасти из-под ареста жену выглядит весьма наивным. Этим можно было бы истолковать обычное предательство. Страх за свою жизнь, за жизнь своих близких всегда являлся фактором, толкающим людей на подобного рода поступки. Однако важно понимать, что благодаря провокации Сергей Дегаев приобрел авторитет и влияние в партии, которого до этого у него не было. Он создавал нелегальные типографии, затем открывал их Судейкину, который в свою очередь производил их арест. Дегаев вербовал новых революционеров, которых также впоследствии выдавал властям. Поэтому спасение жены могло выступать лишь поводом, но точно не истинным мотивом.

Дегаев желал иметь власть и владеть богатством, не обладая особыми организаторскими способностями и лидерскими задатками., свою мечту он смог воплотить только через провокаторскую деятельность.

Благодаря информации Дегаева в 1882 г. были арестованы члены Центрального кружка «Народной воли». На свободе остались лишь В.Н. Фигнер, М.Н. Ошанина и Л.А. Тихомиров. 10 февраля 1883 г. Вера Фигнер также была арестована, а перед этим она передала Дегаеву все явки и полномочия. После этого Дегаев стал практически руководителем всей партии. Суть провокаторской деятельности Сергея Дегаева сводится отнюдь не к тому, что он мастерски выдал полиции всех, кого называл друзьями и товарищами. Речь даже не

идет о том, что подобного рода двойную игру может вести человек, лишенный всяких принципов. Ведь если Судейкин с помощью Дегаева смог обезвредить такую крупную революционную организацию, как «Народная воля», то, безусловно, следует вывод о необходимости провокаторства Дегаева для государства. Но так ли все однозначно? Пользу политическому сыску принесло не провокаторство, а доносительство Дегаева. Провокация в чистом виде всегда приносит лишь вред, и дело Дегаева это только подтверждает.

Расправившись с центром партии и фактически тем самым уничтожив ее, Судейкин и Дегаев не остановились. Дегаев продолжил налаживать связь с периферийными кружками, он все так же набирал молодежь в ряды революционеров и создавал подпольные типографии, более того, он выпускал воззвания к убийству министра внутренних дел Д.А. Толстова и самого Г.П. Судейкина. В том, что Судейкин знал об этом, не может быть сомнений. Для чего была необходима эта деятельность, ведь партия «Народной воли» фактически уже перестала существовать? Сосредоточив в своих руках большую власть, Судейкин и Дегаев не желали с ней расставаться.

Для Судейкина окончание борьбы с революционерами означало бы постепенное завершение его карьеры, в скором времени он перестал бы быть необходим для правительства. Более того, пока он сосредотачивал в своих руках секретную агентуру, он имел большое влияние. Многие станут бояться человека, под руководством которого работает агент-провокатор. В любой момент можно ожидать покушения, которое устроят революционеры, подстрекаемые на это преступление таким агентом.

Для Дегаева развал партии «Народная воля» означал бы потерю власти. Кем бы стал руководить Дегаев, если бы партия окончательно распалась? Но страх за жизнь оказался сильнее. Роль двойного агента измотала Дегаева, он постоянно нервничал и отлично понимал, что вскоре больше не сможет так успешно продолжать свою деятельность. Дегаев боялся, что Судейкин постарается избавиться от него, как только он станет бесполезен, поэтому решил устранить Судейкина первым.

В начале 1883 г. Дегаев приехал к Л.Г. Тихомирову и сознался ему во всем. Члены партии обещали ему помилование, если он совершит убийство Судейкина. 16 декабря 1883 г. С.П. Дегаев совместно с киевскими народовольцами В.П. Конашевичем и Н.П. Стародворским убили Г.П. Судейкина, после чего Дегаев уехал с женой в США, где прожил до конца жизни под именем Александра Пелла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что провокаторство С.П. Дегаева, безусловно, ускорило ликвидацию партии «Народная воля». Оно привело к ослаблению революционного движения с одной стороны, но, с другой, помогло сосредоточить большое влияние и власть в руках инспектора Департамента полиции Г.П. Судейкина и С.П. Дегаева, фактически возглавлявшего партию «Народная воля». Несмотря на то что центр партии был уничтожен в 1882 г., еще около года существование народовольческих организаций искусственно поддерживалось действиями Дегаева и Судейкина, что, естественно, приносило вред как государству, так и обществу.

Литература

1. Засулич В.И. Воспоминания. – М.: Изд-во политкаторжан, 1931. – С. 135.
2. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. – М.: Советская Россия, 1991. – 208 с.
3. Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. – 2003. – № 1. – С. 28–46.
4. Слепкова Н.В. Историк зоологического музея Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938) // Историко-биологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 43–71.
5. Тихомиров Л.А. Воспоминания Льва Тихомирова. – М.: Гос. изд-во, 1927. – 515 с.
6. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – 433 с.
7. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. – СПб.: Час Пик, 1992. – 413 с.
8. Жухрай В.М. Тайны царской охранки: Авантюристы и провокаторы. – М.: Политиздат, 1991 – С. 157.
9. Щербакова Е.И. От террора к провокации и обратно [Электронный ресурс] // Телеграф «Вокруг света». – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/1183/>. – Загл. с экрана.

Воспитательная функция истории как основа формирования нравственной личности

А.А. Евстратчик, М.П. Яценко
Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются основные аспекты воспитательной функции истории. Авторы доказывают тезис о всеобъемлющем значении истории, универсальности исторического знания. Особое внимание уделено одной из важнейших задач истории -

Ключевые слова: история, воспитание, идеология, нравственность, глобализация.

The educational function of history as the basis for the formation of a moral personality

A.A. Evstratchik, M.P. Yatsenko
Siberian Federal University

The article deals with the main aspects of the educational function of history. The authors prove the thesis of the universality of historical knowledge. Particular attention is paid to one of the most important tasks of history – the formation of a moral personality. It substantiates the idea that history is designed to perform an ideological function

Key words: history, education, ideology, morality, globalization.

История учит даже тех, кто у нее не учится.
В.О. Ключевский

В различные времена история использовалась людьми по-разному, но одно было общим из века в век: история выступала и выступает базисом нравственности и воспитания, закладывает черты характера, мотивирует, формирует личность. По нашему мнению, важно опираться на справедливое мнение В.И. Вернадского: «Воспитывать не значит только выкармливать и вынянчивать, но и дать направление сердцу и уму, – а для этого разве не нужно со стороны

матери характера, науки, развития, доступности ко всем человеческим интересам?» Поэтому прежде всего нужно начать с самих себя, изучать историю и осмысливать, воспитывать себя с помощью ее уроков и лишь потом требовать их усвоения от детей.

Если говорить о древности, то она мифологизировалась, передавалась в форме преданий для наставления и воспитания молодого поколения. В Средние века история приобретает религиозный образ. Новое время на примере истории стремилось доказать, что перешло в качественно новый этап исторического развития. В новейшее время разные страны использовали историю для становления и укрепления создаваемых ими политических режимов (большевистская Россия, нацистская Германия, фашистская Италия и т.д.). Сегодня же в рамках всеобщей гуманизации и демократизации, а также опираясь на критику советского периода в истории России, развернувшуюся в постсоветской историографии, российское правительство проводит курс на деидеологизацию образования, история остается одним из важнейших структурных элементов формирования нравственности. История заполняет то пространство, которое в настоящий момент покинула идеология [1].

Идеология дает направление в жизни, то есть помимо своих прочих, зачастую критикуемых функций, выполняет также и воспитательную. Практика последних десятилетий свидетельствует о том, что полный отказ от идеологии предполагает исключение из образовательного процесса воспитательной функции, повлекшее за собой много негативных последствий. Это приводит в замешательство незрелые умы молодых людей, которые, не имея еще никаких жизненных установок, не знают, что взять в жизни за ориентир, на что опереться. У них забрали почву из-под ног, они плывут по течению, которое размывало само понятие нравственности.

Современный глобальный мир доказывает необходимость возвращения к подобным формулам, которые аккумулировали бы весь противоречивый исторический опыт России. В данном отношении М. Мамардашвили высказал важную мысль: «Молодые люди, которые жили не эту жизнь и не так... в историческом смысле лишние. Поэтому А.С. Пушкин чуть ли не собственноручно, единолично хотел создать историю в России, пытаясь на деле доказать свою антитезу некоторым мыслям П.А. Чаадаева. Например, утвердить традицию семьи как частного случая дома, стен обжитой культуры, «малой родины». Как автономного и неприкосновенного исторического уклада, в который никто не может вмешиваться, ни царь, ни церковь,

ни народ...» [2, с. 185]. Вместе с тем возвращение к полной идеологизации общества вряд ли возможно, поскольку приводит к догматизму. В такой ситуации само понятие нравственности отходит на задний план, приводя, по сути, к синонимизации понятия мораль и нравственность. В таком обществе мораль как продукт идеологии доминирует над нравственностью, а история становится служанкой политики и власти. Нравственность не исчезает, но вынуждена подчиняться нормам морали.

Именно универсальность исторического знания делает его мощным оружием в руках власти, и именно универсальность может послужить инструментом для воспитания любой личности. История всеобъемлюща; используя это свойство, она в состоянии удовлетворить любого, познающего ее, независимо от национальных, религиозных, гендерных или других отличий. Каждый человек, прикоснувшийся к историческому прошлому, может найти те примеры, которые будут соответствовать его нравственному развитию. Однако для этого на первоначальном этапе необходимо заложить базовые основы нравственности.

Многие даже не догадываются, как часто им приходится обращаться к истории если не на научном, то на бытовом уровне. Существует два уровня исторического знания – макро и микро, однако при более подробном делении можно выделить международный, национальный, региональный, родовой уровни (здесь мы остановимся на упрощенной классификации). Макроуровень включает в себя международный (история всего мира в целом), национальный (история конкретной страны), региональный (история одного субъекта конкретно взятой страны) компоненты и представляет собой наиболее научно обоснованный слой исторического знания. Микроуровень – это история одного рода, которая является начальной ступенькой в формировании нравственности, так как история семьи рождает наиболее значимых и уважаемых авторитетов для каждого из ее членов. Это то, чем люди гордятся, что они предпочитают сохранять, даже если вырывают из нее запятнанные страницы. В формировании каждой личности эта история имеет первостепенное значение.

По мнению В. Семенкова, для процесса воспитания важно учитывать важный тезис: «Парадигма современности, в свою очередь, формирует дискурс. В рамках такой парадигмы мы дистанцируемся от общности переживания, так как в приватной сфере мы не должны быть носителями убеждений, но мы должны быть в согласии с самим собой, адекватны окружающему миру» [3, с. 56]. Кроме того,

аксиологические проблемы современной системы образования детерминированы тем фактом, что пропагандистская кампания под лозунгом «за правду истории» породила новую мифологию, направленную на духовно-ценностную ориентацию, дезориентацию общественного сознания.

Дальнейшее развитие дает макроуровень, чаще всего история своей Родины, так как это то, что человек прежде всего уважает и любит. Более того, она формирует национальную память: молодежь, сама не видевшая войны, однако представляющая страну, на долю которой пришлось большое количество войн, будет бояться военных конфликтов намного больше того народа, который в своей истории их не встречал. История родной страны заставляет человека чувствовать себя частью целого, связанного одним прошлым, а значит, и будущим. Светлые страницы истории учат любить свою страну, а темные – не совершать прежних ошибок. Даже тот, кто заявляет, что не интересуется историей, всегда хочет испытывать гордость за свою страну, так как при этом он гордится и самим собой. Таким образом, через собственное эго он все равно касается истории.

Вместе с тем важно помнить слова Т. Рузвельта: «Дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих», т.е. изучать мировую историю и выносить из нее уроки. Более того, важно не только выносить уроки из дифференцированной истории, но и из интегрированной. Таким образом, необходимо, чтобы человек чувствовал себя причастным не только к конкретной нации, но и ко всему мировому сообществу; для того чтобы учиться у истории, нужно чувствовать себя частью ее целостности, а не только одного конкретного раздела.

Возвращаясь к вопросу об универсальности истории, необходимо отметить, что всегда можно найти свое зеркальное отражение в прошлом, однако нужно помнить, что «история учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее» [4, с. 265–266]. Каждая жизнь и судьба неповторимы, поэтому воспитание нравственной личности должно проходить через уникальность бытия. Невозможно полностью скопировать чью-либо жизнь, поэтому, проводя ассоциации между собой и историческими персоналиями, необходимо подходить к этому взвешенно. На наш взгляд, история – это один из тех предметов, которые должны изучаться с предупреждением: «Не пытайтесь повторить!». Действительно, не получится. И прежде всего потому, что каждая судьба складывается так или иначе в зависимости от времени, в котором живет человек, потому что не только

характер, амбиции и способности оказывают влияние на его жизнь, но и эпоха.

Анализируя воспитательную функцию истории, многие историки и философы совершают распространенную ошибку: они судят людей по законам своего времени. Такие исследования заведомо ложны, ведь нам не придет в голову говорить, например, о парижской моднице XVIII в., что она одета безвкусно. По этой же причине мы не имеем права говорить о чрезмерной жестокости войн XVI в. или о династическом братоубийстве как об аморальных явлениях, так как для тех времен это было нормой, являющейся инструментом для достижения определенных целей. Однако, перенося подобные стандарты на современность, мы, безусловно, должны подчеркивать, что в нынешнее время эти качества или приемы не должны находить себе места. Используя предыдущий пример, важно подчеркнуть: можно долго восхищаться нарядами Елизаветы Петровны, но современная девушка вряд ли рискнет надеть подобное. Только учитывая тот факт, что у каждого времени свои герои, мы можем экстраполировать историю на себя. Кроме того, необходимо помнить о необратимости исторического процесса. Каждая жизнь, несмотря на ее уникальность и неповторимость, конечна. История это объективно доказывает. Усвоив этот, один из важнейших уроков истории, намного серьезнее относиться к остальным. Таким образом, жизнь должна восприниматься не как черновик, в котором можно исправить многое, поскольку ее нельзя начать с нового листа, а можно только продолжить. Необратимость исторического процесса учит более взвешенному отношению ко всем своим шагам в жизни.

Итак, воспитание нравственности с помощью истории имеет ряд особенностей:

- воспитание должно проводиться через призму уникальности и неповторимости жизни;
- историю не нужно и нельзя копировать; ей нет смысла подражать, но у нее можно учиться;
- история выставляет на передовую позицию нравственность, но в силу универсальности исторического знания она может быть сформирована по-разному. Из данного тезиса следует востребованность идеологических установок, которые могут выступать в качестве моральных ориентиров для формирования нравственности;
- история должна задавать аксиологическую направленность личности;

- история призвана формировать патриотизм так же, как семейная история создает гордость за свой род.

История должна возродить отношение к себе как к учительнице жизни и вызывать интерес у молодого поколения, которое затем передаст его своим детям. Ведь главная проблема слабой усвояемости исторических уроков заключается отнюдь не в слабом интересе детей к событиям прошлого, а в недостаточно серьезном отношении к истории у самих родителей. Как отмечает М.П. Яценко, «трансформация исторического прошлого, выступающая как оправдание глобализации, предшествовала фальсификации истории в условиях европоцентризма» [5, с. 102]. Эта проблема приобретает цикличность, и полностью искоренить ее не удастся, однако уменьшить степень ее остроты вполне реально.

Таким образом, в современном противоречивом глобализирующемся мире важно выработать новое отношение к воспитанию, которое не должно принимать характер лишь удовлетворения физических потребностей учащегося, но и задавать цель и ориентиры в жизни, а также формировать соответствующие нравственные установки.

Литература

1. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания введение. – Томск, 1978.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 185.
3. Семенков В.Е. Философия как идеология: о возможных модулях идеологической проекции философского знания // *Credonew*. – 2006. – № 3 (47). – С. 56.
4. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М., 1968. – С. 265–266.
5. Яценко М.П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – № 110: научный журнал. – 2009. – С. 102.

Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны (история АлСиб)

А.Г. Елизов, А.Е. Бехлер
Красноярский филиал Санкт-Петербургского университета
гражданской авиации

В статье рассматривается история Красноярской секретной воздушной трассы, особенности ее функционирования и влияния на развитие Красноярского региона, выделена ее роль в Великой Отечественной войне. Также в данном исследовании выявлены перспективы дальнейшего изучения истории АлСиб.

Ключевые слова: *Восточно-Сибирский регион, авиационный ленд-лиз, секретная трасса, военная авиация.*

Aviation lend-lease during the Great Patriotic war (the story of the AISib)

A. G. Elizov, A. E. Behler
St. Petersburg University of Civil Aviation (Krasnoyarsk branch)

The article discusses the secret history of the Krasnoyarsk air route, peculiarities of its functioning and impact on the development of the Krasnoyarsk region, highlighted its role in the great Patriotic war. Also, this study revealed perspectives for further study of the history of the AISib.

Key words: *Eastern-Siberian region, aviation lend-lease, the secret track, military aircraft.*

История Второй мировой войны и в наши дни остается одной из наиболее важных тем как в научном, так и в духовном измерении. Авиационный ленд-лиз стал уникальной страницей истории советско-американского военного и дипломатического сотрудничества. Открывшийся два десятилетия назад интерес к этой теме обусловлен рассекречиванием новых документов, а также обновлением исследовательских аспектов в отечественной историографии. Наконец, исто-

рия Красноярской секретной трассы интересна и в ее краеведческом контексте.

В начальный период войны поставки американских боевых машин играли большую роль для советских ВВС. Летом 1941 г. советская авиация потеряла сотни самолетов – в боях и на аэродромах – в результате бомбардировок. Гитлеровская авиация тогда полностью господствовала в небе. Советско-англо-американская конференция в Москве, проходившая осенью 1941 г., ознаменовала становление антифашистской коалиции и начало поставок оружия и военного снаряжения Советскому Союзу. За время войны наша страна получила из США по ленд-лизу более 14 тысяч самолетов, и примерно половина из них была доставлена по этой трассе.

Помощь союзников по ленд-лизу проходила по нескольким маршрутам. Один из них («Северный маршрут») пролегал от восточного побережья США до Мурманска и Архангельска, перевозка сопровождалась большими потерями от нападения подводных лодок и истребителей Германии. «Персидский коридор» пролегал через Индийский океан до иракского порта Басра и дальше к советской границе. Этот путь был относительно безопасным, но очень длинным (16 900 километров). Стало ясно, что нужны более надежные и бесперебойные пути доставки боевых самолетов. Путь через Чукотку, Колыму, Якутию и Восточную Сибирь находился далеко от фронта, соответственно – от вражеских самолетов. Такой вариант авиатрассы был предложен Сталину начальником полярной авиации И.П. Мазуруком, опытным летчиком Арктики [1].

9 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о строительстве воздушной трассы Красноярск – Уэлькаль (поселок на берегу Чукотки), обязав «Аэрофлот» и местные хозяйственные организации в кратчайший срок обеспечить строительство авиалинии. Ответственным за строительство трассы был назначен начальник Главного управления ГВФ СССР В.С. Молоков.

Местным руководителям предлагалось для выполнения работ в указанные сроки мобилизовать население, чтобы ежедневно на строительстве каждого аэродрома работало не менее 300 человек. Руководство Якутской Республики держало под особым контролем ход строительства и реконструкцию аэродромов, а также другие мероприятия, связанные с авиацией. К осени 1942 г. на огромном пространстве между Уэлькалем на Чукотке и Красноярском в небывало сжатые сроки, всего за 10 месяцев, в основном были закончены

строительство и реконструкция 16 аэродромов. В мирных условиях на строительство трассы потребовалось бы около пяти лет. Командиром 1-й перегонной авиадивизии был назначен И.П. Мазурук. Управление Красноярской трассы и штаб дивизии располагались в Якутске.

В ноябре 1942 г. по воздушной трассе Красноярск – Уэлькаль началась перегонка в нашу страну из США боевых и транспортных самолетов. Американские летчики вылетали из города Грейт-Фолса в штате Монтана, делали посадку на канадских аэродромах, затем достигали Аляски – Номы или Фэрбенкса, где базировалась наша военная миссия по приему самолетов (Фэрбенкс был предпочтительнее, поскольку Ном менее защищен от возможной японской атаки – японцы тогда оккупировали Алеутские острова). На Аляске американцы передавали машины русским летчикам, перегонявшим самолеты до Красноярска через районы Чукотки и Якутии.

Это были истребители Р-39 «Аэрокобра», бомбардировщики А-20 «Бостон», штурмовики В-25 «Митчелл» транспортные самолеты Си-47 и другие машины, не уступавшие германским аналогам [2]. «Аэрокобра» достигала скорости 650 километров в час, превосходя скорость немецких истребителей. Бомбардировщик «Бостон» имел четыре 20-миллиметровые пушки и два крупнокалиберных пулемета, мог нести одну или две крупные бомбы (500 или 1000 кг). Бомбардировщик-штурмовик «Митчелл» располагал внушительной огневой защитой: 6 пулеметов калибра 12,7, имел бомбовую нагрузку до 2500 килограммов, некоторые модели могли нести в носовой части 75-миллиметровую пушку, предназначенную для борьбы с кораблями или танками. Транспортный «Дуглас» Си-47 брал на борт 28 пассажиров или 14 раненых, достигал потолка высоты 7300 метров, максимальная дальность полета составляла 6100 километров. Все эти машины показали превосходные летные и боевые характеристики на советско-германском фронте.

Была также организована перегонка самолетов, изготовленных на авиазаводах Иркутска и Улан-Удэ. Общая длина трассы от Фэрбенкса до Красноярска составляла 6400 километров. Трасса делилась на пять участков: Фэрбенкс – Уэлькаль (1493 км), Уэлькаль – Сеймчан (1450 км), Сеймчан – Якутск (1167 км), Якутск – Киренск (1330 км), Киренск – Красноярск (960 км). При перегоне летчиков ожидали очень сложные погодные условия: летом над тайгой стояла непроглядная завеса дыма от лесных пожаров или туманы, зимой – снегопады или низкая облачность. Летчики летали при очень плохой

видимости. Карты были неточными. Почти на всех истребителях не было отопления, поэтому 4–5-часовой полет с обмерзшими стеклами кабины и без автопилота становился для летчиков серьезным испытанием. В зимнее время за бортом самолета температура воздуха могла достигать минус 60°, кабины не отапливались. Ампутация обмороженных пальцев была на трассе обычным делом, «при вдохе из зубов выпадали пломбы», было немало случаев обмораживания легких, а одному страдальцу ампутировали обмороженную губу. «Летают даже при 68 градусах!» – отмечал военный корреспондент, побывавший на самой холодной трассе [3]. Все это делало пилотирование чрезвычайно опасным. Неудивительно, что на первый год перегонки пришлось наибольшее количество летных происшествий, катастроф и потерь: 58 из 81 самолета, потерянного за три года действий АлСиб.

Раньше считалось, что на советском участке трассы произошло 279 летных происшествий, в которых погибло 114 или 115 человек. В действительности погибших было больше. По найденным в Центральном архиве Министерства обороны РФ сведениям, в 1941–1945 гг. на территории Красноярского края при перегоне, переучивании на новую авиатехнику, при обучении в авиашколах и при межкрупных перелетах в 59 авиакатастрофах погиб 121 человек – летчики, штурманы, бортмеханики, бортрадисты, авиамеханики. Многие летчики, несмотря на имеющиеся акты расследования катастроф, по документам Центрального архива Министерства обороны РФ до сих пор числятся пропавшими без вести [4].

Крупнейшая авиакатастрофа на трассе произошла в Красноярском аэропорту 17 ноября 1942 г.: самолет Ли-2, предназначенный для доставки экипажей перегонщиков в Киренск, сразу после взлета накренился, опустил нос и с высоты примерно 200 метров вертикально врезался в землю, унеся жизни 30 человек. Причиной катастрофы считали обледенение и перегруз. Эта авиакатастрофа стала крупнейшей в Красноярске и второй в СССР по числу погибших (первой была катастрофа «Максима Горького» в 1935 г.).

В конце августа 1945 г. американцы прекратили поставку самолетов по ленд-лизу. Первый перегонный авиаполк передислоцировался из Фэрбенкса в Марково на Чукотку (этот аэропорт стал базовым) и включился в перегонку американских самолетов на Дальний Восток. 7-я эскадрилья 8-го транспортного полка в составе 9-й Воздушной армии 1-го Дальневосточного фронта принимала участие в боевых операциях по высадке наших десантов в тылу японской

Квантунской армии на аэродромах Харбин, Гирин, Мукден. Самолеты Си-47 этой эскадрильи доставляли боеприпасы и горючее нашим войскам, сражавшимся в Маньчжурии.

В начале 1946 г. перегонная трасса Аляска – Сибирь прекратила свою деятельность. Только американских самолетов прошло через красноярский аэропорт 7906 единиц (также через Красноярск перегоняли самолеты советского производства, произведенные на авиазаводах Иркутска и Комсомольска-на-Амуре) [5]. Всего за три года через трассу Аляска – Сибирь была доставлена половина всех отправленных союзниками самолетов. Много это или мало? В годы войны в Советском Союзе было произведено 137 тысяч самолетов, доля импортной авиатехники колебалась в пределах 10–17 % от производства в СССР. Следовательно, количество самолетов, доставленных по АлСибу, составляло около 5 % от общего количества выпущенных в годы войны единиц ВВС. Но в начальный период войны эти поставки могли составлять и больший процент в отдельных частях советских ВВС. В целом эти поставки способствовали уничтожению сил противника, приближая день разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии. Кроме этого, во время функционирования Красноярской секретной трассы полным ходом шла подготовка авиационных специалистов для фронта в авиашколах, переучивание фронтовых полков на новую авиатехнику на базе 45-го запасного авиационного полка. Создание такой мощной сети воздушного сообщения в самых северных, неосвоенных районах нашей страны стало основой для развития воздушного транспорта на территории Сибири и Дальнего Востока после окончания войны. Это предопределило дальнейшее освоение Красноярского края как экономического и промышленного региона.

Авторы статьи сделали вывод, что для будущих исследований необходимо детальное изучение следующих аспектов истории Красноярской секретной трассы: историографические и источниковедческие аспекты: документальные материалы по истории АлСиба как источник изучения вклада Красноярья в дело Победы, как материал музейных выставок, патриотических программ в образовательных учреждениях; предстоит рассмотреть роль трассы как источника комплектования фронта – какое количество поставленных самолетов участвовало в конкретных частях ВВС, каким образом поставки повлияли на качественное комплектование этих частей, их боеготовность, результативность военных операций и т.д.; также предстоит изучить связь АлСиба и послевоенного развития воздушного транс-

порта Красноярья – каким образом функционирование красноярского участка АлСибА повлияло на профессиональный состав авиаработников края, на развитие красноярских авиапредприятий и аэропорта, на общее развитие воздушных путей сообщения в регионе; необходимо исследовать экономические аспекты функционирования трассы, связь военной и послевоенной промышленности Красноярья с работой авиаремонтных заводов и предприятий, действовавших для обслуживания авиапарка АлСибА.

Литература

1. Бровцина М.А. Роль Восточно-Сибирского региона в осуществлении авиационного ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны 1942–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – 25 с.
2. Кацура А.В. Люди и небо. Кн. 2. Авиация Красноярья. – Красноярск, 2008. – 448 с.
3. Над Енисейским меридианом. Очерки о ветеранах гражданской авиации Красноярья. – Красноярск, 1989. – 232 с.
4. Филиппов В. Забытый «Дуглас». Поиск: из 1940-х в 2000-е // Новая университетская жизнь. – № 6. – 2015. Режим доступа: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/4530>.
5. История гражданской авиации СССР. Научно-популярный очерк. – М., 1983. – 376 с.

УДК 930.253; 324.

Документы избирательной комиссии Красноярского края по выборам депутатов Государственной Думы как исторический источник

К.О. Журибеда, Е.И. Галкина
Сибирский федеральный университет

В статье представлен анализ избирательной документации по выборам депутатов Государственной Думы, хранящейся в Государственном архиве Красноярского края. В статье рассматривается круг вопросов, которые решают избирательные документы. Для подготовки статьи при-

влечены как опубликованные, так и неопубликованные источники (материалы Государственного архива Красноярского края).

Ключевые слова: Красноярский край, Государственный архив, выборы, Государственная Дума.

Documents of the election commission of the election commission of Krasnoyarsk region on elections of deputies of the State Duma as a historical source

K.O. Zhuribeda, E.I. Galkina
Siberian Federal University

This article deals with the analysis of election documents at elections of deputies of the State Duma, stored in storage in the State archive of the Krasnoyarsk territory. The article discusses the range of issues that decide the election documents. For writing the article involved both published and unpublished sources (specifically, the materials of the State archive Cost edges).

Key words: the Krasnoyarsk Krai State archives, elections, State Duma.

Избирательные кампании являются важным событием в общественно-политической жизни государства, региона, муниципального образования. Каждый год в стране проводится несколько тысяч избирательных кампаний разного уровня: каждые 6 лет проходят выборы президента, каждые 5 лет выбираются депутаты Государственной Думы, главы регионов, депутаты региональных парламентов и муниципальных органов власти. В 2016 г. исполнилось 110 лет российскому парламентаризму и состоялись выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания 7-го созыва.

Государственная Дума является представительным органом власти, депутаты которого представляют практически все субъекты Федерации. Поэтому важность Государственной Думы, в том числе и в жизни жителей края, очень высока.

Документы по избирательным кампаниям разного уровня являются, безусловно, историческим источником, поскольку отражают информацию по волеизъявлению народа.

В соответствии с Постановлением Центральной избирательной комиссии № 6 от 21.04.2011 документы избирательных комиссий

субъектов Федерации по федеральным и региональным выборам передаются на хранение в государственный архив субъекта РФ.

В Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) в фонде Избирательной комиссии Красноярского края представлены документы по всем выборным кампаниям на территории региона с 1993 по 2010 г. В частности, освящены и выборы депутатов Государственной Думы первого – пятого созывов (1993–2007).

История становления и развития современной избирательной системы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации началась в 1993 г., когда Указом Президента Российской Федерации от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» была прекращена деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации и были утверждены Положение о федеральных органах власти на переходный период и Положение о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Кроме того, Указом Президента России от 11.10.1993 № 1626 было принято Положение о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В это же время были изданы Указы Президента России «Об утверждении основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа», «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления». Тогда же, в октябре 1993 г., была сформирована избирательная комиссия по выборам в Совет Федерации и Государственную Думу, преобразованная в декабре того же года в Центральную избирательную комиссию. С 12 декабря 1993 г. по июнь 1994 г. в России в результате выборов были сформированы все представительные органы – Федеральное Собрание Российской Федерации, органы законодательной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Избирательная комиссия Красноярского края ведет свою историю с января 1994 г., когда была сформирована временная избирательная комиссия по выборам депутатов Законодательного собрания Красноярского края. В мае 1995 г. она была преобразована в постоянный орган исполнительной власти.

В фонде избирательной комиссии представлены следующие виды документов: решения и постановления избирательной комиссии, протоколы окружных и территориальных избирательных комиссий по итогам, сводные таблицы по итогам голосования, финан-

совые отчеты кандидатов. Собственно эти документы и называют избирательной документацией [2].

Протоколы и решения избирательных комиссий затрагивают вопросы назначения и освобождения членов избирательной комиссии, формирования избирательных участков, регистрации кандидатов и партийных списков и их отмены, проведения агитации в СМИ, информации по нарушениям в ходе голосования, утверждения итогов выборов.

Наиболее распространенным видом избирательных документов является протокол региональной, окружной и участковой избирательной комиссий и сводная таблица по итогам голосования. По этому виду документов можно сформировать общую картину о выборах: об участии избирателей, о составе участников выборов (избирательных объединениях или конкретных кандидатах), о протестном голосовании (голосование «Против всех», испорченные бюллетени), а также о голосовании на определенных территориях [1].

Что касается участия избирателей в выборах, то этот показатель постоянно менялся.

Как видно на рис. 1, в 1990-е гг. интерес к выборам в регионе был достаточно высоким. Возможно, это связано с их новизной, возможностью выразить свою позицию, надеждой, что голос участника что-то решает. С нарастанием экономических трудностей

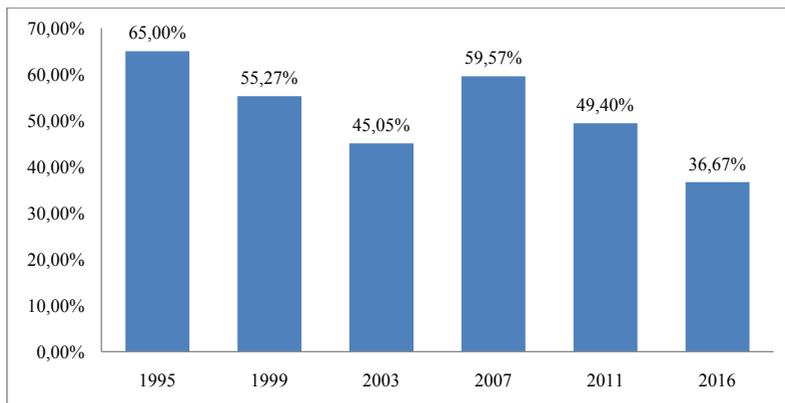

Рис. 1. Динамика участия жителей Красноярского края в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, 1995–2016 гг.

снизилась и активность избирателей. В 2000-е гг. вместе с некоторым улучшением уровня жизни населения выросла и активность избирателей, однако уже в 2010-е гг. вновь наметилась тенденция на снижение явки на выборы. Причин здесь может быть несколько: вышеупомянутая социально-экономическая ситуация, потеря веры людей в то, что их голос что-то решает, и как следствие – утрата доверия к власти. Также сюда относится нарастающая аполитичность людей, выраженная в том числе и в отсутствии достойных партий или кандидатов.

Что касается состава партий – участников выборов в Госдуму, то во всех семи выборах в Государственную Думу участвовали три партии: Коммунистическая партия РФ, Либерально-демократическая партия России и партия «Яблоко», причем партии КПРФ и ЛДПР всегда получали представительство в Госдуме. В четырех выборах участвовали партии «Единая Россия» (2003–2016), причем во всех четырех выборах с ее участием она занимала первое место; Аграрная партия России (1993, 1995, 2003, 2007); Российская экологическая партия «Зеленые» (1993, 1995, 2003, 2016). В трех выборах в Госдуму участвовали партии «Справедливая Россия» (2007–2016), «Союз правых сил» (1999–2007), «Демократическая партия России» (1993, 2003, 2007), «Женщины России» (1993–1999), Российская партия пенсионеров (1999, 2003, 2016), «Патриоты России» (2007–2016).

Необходимо отметить, что в 1990-е и начале 2000-х гг. доля партий, впервые участвующих в выборах, была очень высокой в основном за счет либерального избирательного законодательства, в том числе позволяющего создание избирательных блоков (запрещены с 2006 г.). Так, на выборах 1995 г. доля избирательных объединений, впервые участвующих в выборах, составляла 35 избирательных объединений из 43, или 82 % от состава участников; на выборах 1999 г. – 15 объединений из 26, или 58 % от состава участников; на выборах 2003 г. – 14 объединений из 23, или 61 % [5].

В середине 2000-х гг. произошло резкое ужесточение партийного законодательства, выразившееся в увеличении минимальной численности партий, запрете на создание избирательных блоков и т.д. Так, уже на выборах 2007 г. впервые, по сравнению с выборами 2003 г., участвовали в выборах только 3 партии из 11, или 27 % от числа участников, а на выборах 2011 г. из 7 партий впервые участвовала только одна, что составило 14 % [6].

Однако уже после выборов 2011 г. произошла резкая либерализация партийного законодательства, сократившая минимальную

численность партий до 500 человек вместо 40 тысяч ранее, что привело и к росту числа партий, впервые участвовавших в выборах. В 2016 г. впервые участвовали 5 из 14 партий – участников выборов, что составило 35 % от числа участников. Все это говорит о том, что в стране установилась определенная стабильность среди партий, участвующих в выборах.

Еще один показатель, который можно исследовать по протоколам комиссий, это доля протестного голосования (рис. 2). Она выражалась в голосовании «против всех» (до 2006 г.) и порче избирательных бюллетеней.

Как видно из графика, протестные настроения в крае в течение 1990-х – первой половины 2000-х гг. были достаточно сильными. Данный фактор, как и в случае явки, можно объяснить социально-экономическими причинами. Однако порчу бюллетеней еще не до конца можно рассматривать как вариант протестного голосования, большая часть жителей края старается голосовать за конкретных кандидатов, а не портить бюллетень, лишая тем самым себя права голоса. Тем не менее с ростом протестных настроений растет и количество испорченных бюллетеней.

Таким образом, избирательные документы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края, содержат информацию о ходе выборов, об участии населения в них, о составе участников

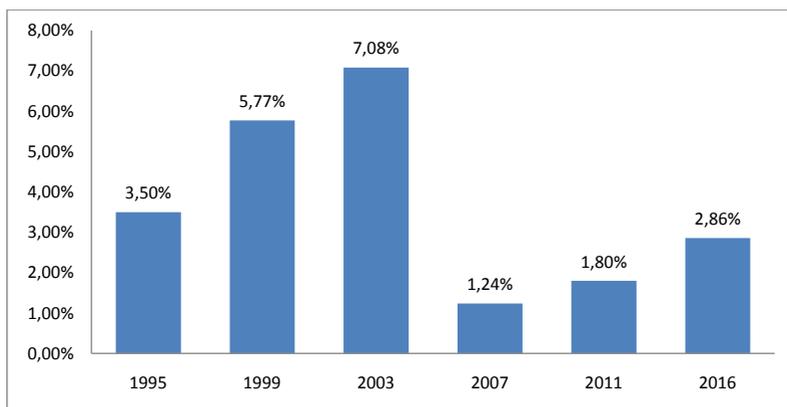

Рис. 2. Динамика протестного голосования жителей Красноярского края в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, 1995–2016 гг.

выборов, о протестном голосовании. Они, несомненно, являются историческим источником, поскольку содержат информацию о волеизъявлении населения путем выборов.

Литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 2410 Избирательная комиссия Красноярского края.

2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: Федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

3. Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18.05.2005 № 51 в ред. от 05.10.2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

4. Выборы и референдумы в Российской Федерации. Красноярский край, 1993–2008 / Избирательная комиссия Краснояр. края [предисл. А.Г. Хлопонина; отв. ред. К.А. Бочаров]. – Красноярск: Знаки времени, 2009. – 159 с.

5. Кынев А.В., Иванченко А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. – М.: Аспект Пресс, 2005.

6. Белонучкин Г., Лаврентьев П., Прибыловский В. Есть такие партии! 2011/2012. Путеводитель избирателя. – М.: РОО Центр «Панорама», 2012. – 168 с.

Концепция демографического перехода в трудах красноярских исследователей

А.В. Задорин
Сибирский федеральный университет

В статье с критических позиций рассматривается ряд тезисов красноярских историков-демографов, в частности трансформация института семьи за одно десятилетие – 1960-е гг., изменение роли женщины в семье и обществе как решающий стимул в репродуктивной сфере. Обосновывается иная причинно-следственная связь демографических процессов.

Ключевые слова: концепция демографического перехода, Красноярский край, урбанизация, воспроизводство населения.

Concept of demographic transition in works of the Krasnoyarsk researchers

A.V. Zadorin
Siberian Federal University

In article some theses of the Krasnoyarsk historians-demographers are criticized. In particular, transformation of the institution of the family in one decade – the 1960th; also change of a role of the woman in family and society as a decisive incentive in the reproductive sphere. Other cause-effect relations of demographic processes are proved.

Key words: concept of demographic transition, Krasnoyarsk region, urbanization, reproduction of the population.

В исторической демографии популярна концепция «демографического перехода». В отечественной науке ее разрабатывал А.Г. Вишневский с коллегами [3]. Суть концепции состоит в переходе от прежнего равновесия высокой рождаемости и высокой смертности к новому равновесию низкой рождаемости и низкой смертности в экономически развитых странах. Смена типов воспроизводства населения обуславливалась урбанизацией, повышением культурного уровня населения, изменением положения женщины в обществе.

На концепцию «демографического перехода» в своих исследованиях опираются и некоторые красноярские исследователи, например, Л.Н. Славина и Я.Н. Бегизардов, изучающие демографические процессы в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. Однако знакомство с их публикациями порождает много вопросов. Так, Я.Н. Бегизардов констатирует переход городов края к суженному воспроизводству населения в середине 1960-х гг. [1]. Цифры таковы: в 1969–1970 гг. суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных женщиной за всю жизнь) составил у горожанок 1,81, а к 1979 г. и вообще опустился до 1,77 [1, с. 64–66], тогда как граница простого воспроизводства населения равна 2,12 рождений на одну женщину репродуктивного возраста [9, с. 209]. Сельское же население себя воспроизводило. В 1969–1970 гг. СКР составлял там 2,584, а в 1979–1980 гг. – 2,697 [10, с. 222].

Чем было вызвано снижение рождаемости в городах? Я.Н. Бегизардов свою позицию аргументирует так: развитие промышленности в Красноярском крае в 1960-х гг. сопровождалось миграцией из деревень в города, особенно в краевой центр. В городских условиях переселенцы, в том числе и выходцы из села, заимствовали городские нормы репродуктивного поведения. Поэтому массовый приток мигрантов из деревни, где рождаемость традиционно выше городской, существенно не повлиял на уровень рождаемости [2, с. 270].

Наибольшее значение из последствий урбанизации для воспроизводства населения, по мнению Я.Н. Бегизардова, имела трансформация института семьи в 1960-е гг. Сформировался новый демографический идеал семьи – родители с одним или двумя детьми. Свою точку зрения исследователь аргументирует так: во-первых, семья утратила функцию производственной ячейки, и ее благосостояние теперь мало зависело от ее размеров. С формированием в стране пенсионной системы дети перестали быть страховкой в старости. При этом с увеличением сроков обучения и ростом ценности образования соответственно росли и расходы на детей. Во-вторых, женщины все более вовлекались в общественное производство, и появление каждого нового ребенка становилось обременительным.

В таком же ключе выстроена логика изложения причин снижения рождаемости у сельского населения в монографии Л.Н. Славиной «Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.)» [11, с. 418–423]. Исследователь выделяет пятнадцать причин снижения рождаемости у сельчанок, при этом решающим стимулом в репродуктивной сфере считает изменение роли женщины в семье и обще-

стве [11, с. 419]. Но далее ей приходится сделать оговорку: «Число факторов, определявших репродуктивные нормы и скорость их изменения... невозможно перечислить» [11, с. 422]. И это неудивительно, «поскольку каждый человек испытывал влияние индивидуального «набора» из огромного числа факторов, и структура этого «набора» постоянно менялась – появлялись новые факторы, исчезали старые, сила действия каждого увеличивалась или снижалась и т.д.» [11, с. 422]. Вывод же следует такой: «В 1960-х гг. в системе жизненных ценностей сельчан свершился исторический переворот: многодетность перестала считаться признаком человеческого благополучия» [11, с. 422]. И через несколько абзацев дополнение: «Эволюция прокреативного поведения и формирование уровня рождаемости относительно слабо чувствительны как к отдельным конъюнктурным факторам социально-экономической ситуации, так и к мерам демографической политики» [11, с. 423]. Надо сказать, это мнение принадлежит демографу А.Г. Вишневному [5, с. 487], а Л.Н. Славина с ним солидарна. Однако в Заключении монографии она указывает: «Из многих факторов, определявших модернизацию сельской подсистемы общества, важнейшими были **политика государства и индустриализация территории региона** (выделено мной. – А.З.)» [11, с. 449]. То есть социально-экономические условия все же первичны.

Представляется сомнительной трансформация института семьи за одно десятилетие. Как известно, представления, мнения людей о желаемом, даже «модном», числе детей, отличаются особой инерционностью и с трудом поддаются внешним воздействиям. Поэтому изменения социально-экономических условий, особенно если они происходят постепенно, а не скачкообразно, далеко не сразу ведут к изменению «демографических идеалов» семьи и, стало быть, числа детей в семье. Сначала меняются социально-демографические условия, потом демографические идеалы, а далее сам (часто с большим разрывом во времени) характер демографических процессов [7, с. 11].

Для Красноярского края 1960-е гг. – это действительно «время ускоренной урбанизации и индустриализации», но в полную силу эти процессы развернулись в 1970-е гг., на что указывают, в частности, Н.В. Гонина и Г.А. Реут [4]. Именно красноярская десятилетка стала мощным стимулом к притоку людей в регион. А так как население сосредотачивалось в основном в Красноярске, к 1979 г. он становится крупнейшим городом Восточной Сибири. Так, в 1959 г. в столице соседнего региона – г. Иркутске – проживало 365 893 человека, в Красноярске – 408 999 человек, в 1970 г. – 450 491 и 647 225 че-

ловец, а в 1979 г. – 549 787 и 795 178 человек соответственно. За 1959–1969 гг. население Иркутска выросло примерно на 85 тыс. человек, Красноярска – на 240 тыс., за 1970–1978 гг. – на 100 тыс. и 150 тыс. соответственно. Оба города являлись промышленными центрами со схожей специализацией, но Красноярск поглощал намного больше людских ресурсов. Однако уровень рождаемости там существенно не изменился.

Репродуктивные установки изменяла сама городская среда. Существует прямая зависимость характера отношений между людьми от величины и концентрации поселений [8; 12]. Удовлетворение потребностей горожанина больше зависит от других людей, поэтому он связан с большим числом людей и групп, чем житель села, что отвлекает от семьи. Кроме того, в городе перестают действовать многие традиционные нормы поведения, увеличивается «степень свободы», варианты удовлетворения духовных и материальных потребностей. Откладывая рождение очередного ребенка или вовсе отказаться от него вынуждают стесненные жилищные условия, нехватка образовательных учреждений, дефицит товаров, неразвитость социальных-бытовых служб, а также желание «пожить для себя».

В 1970–1980-х гг. именно территориальный фактор определял интенсивность демографических процессов в городах и районах края. Обусловили такую взаимосвязь сверхиндустриализация и ускоренная урбанизация. Более подробно данная точка зрения автора рассмотрена в монографии «Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение» [6, с. 48–76].

Литература

1. Бегизардов Я.Н. Динамика естественного прироста городского населения Красноярского края в 1959–1991 гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений; ред.: В.И. Федорова, Т.Л. Савельева. – Красноярск: ГУНБ Краснояр. края, 2005. – С. 63–67.
2. Бегизардов Я.Н. К вопросу о динамике и факторах рождаемости городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: материалы III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 19–21 августа 2009 г. – Новосибирск, 2009. – С. 267–273.
3. Вишневецкий А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. – М.: Наука, 2005. – Т. I: Демографическая теория и демографическая история. – 368 с.

4. Гонина Н.В., Реут Г.А. Демографические процессы в городах Красноярского края и Иркутской области (без национальных регионов) в 1950–1970-х гг. // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 12. – С. 277–284.

5. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое изд-во, 2006. – 608 с.

6. Задорин А.В. Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 178 с.

7. Кваша А. Я. Что такое демография? – М.: Мысль, 1985. – 126 с.

8. Куцев Г.Ф. Социалистическая урбанизация и образ жизни // Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни: сб. науч. тр. / отв. за вып. В.В. Павловский. – Красноярск, 1977. – С. 46–64.

9. Медков В.М. Введение в демографию. – М.: Акад. проект; Фонд «Мир», 2006. – 432 с.

10. Славина Л.Н. Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири // Историческая демография Сибири: сб. науч. тр.; отв. ред. Р.С. Васильевский, Н.Я. Гуцин. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 215–237.

11. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): монография.– Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – 472 с.

12. Файзуллин Ф.С. Сущность и основные особенности городского образа жизни // Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни: сб. науч. тр. / отв. за вып. В.В. Павловский. – Красноярск, 1977. – С. 79–94.

Терроризм как обратная сторона в истории Российского государства

Р.А. Ильин, М.П. Яценко
Сибирский федеральный университет

В статье исследуется взаимозависимость террористической и революционной деятельности. Анализируется роль террористических организаций и лидеров в подготовке революции. Показано, что не всегда либеральные реформы в состоянии предотвратить революционную активность масс. Авторы анализируют влияние исторических традиций и менталитета на развитие революции.

Ключевые слова: либерализм, терроризм, исторический прогресс, революционная деятельность, социальный кризис.

Terrorism as the reverse side in the history of the Russian state

R.A. Ilyin, M. P. Yatsenko
Siberian Federal University

The article examines the interdependence between terrorist and revolutionary activities. Examines the role of terrorist organizations and leaders in the preparation of the revolution. It is shown that not always liberal reforms able to prevent revolutionary activity of the masses. The author analyzes the influence of historical traditions and mentality on the development of the revolution.

Key words: liberalism, terrorism, historical progress, revolutionary activities, social crisis.

Актуальность статьи обусловлена тем фактом, что в последнее время в публицистике и в средствах массовой информации терроризм часто используется как термин для обозначения экстремистских, хорошо организованных, обученных и законспирированных групп преступников, которые совершают наиболее опасные преступления, как правило убийства. Более того, понятию «террористы»

уже стали созвучны такие определения, как «экстремисты», «боевики», «сепаратисты» и т.п.

Трагические события в истории России во многом были связаны с попыткой немедленного решения назревших политических проблем посредством использования террористических актов для запугивания властей и общественных масс. Однако если в истории террор был уделом одиночек, то начиная со второй половины XIX в. он приобретает более-менее организованный характер, поскольку является следствием определенных идеологических установок политических организаций, партий и т.п.

Неоднократные попытки решения политических вопросов посредством террористических актов свидетельствуют о том, что российские революционеры, террористы, а тем более террористические организации возникали не на пустом месте. Однако нельзя рассматривать терроризм исключительно с позиций заранее продуманных политических проектов, в основе которых устоявшиеся идеологические установки. Это во многом объясняется тем, что само понятие предполагает спонтанность, поскольку конечной целью любого террористического акта является запугивание местного населения и властей. Анализ кризисных ситуаций в Российской империи показывает, что основным видом террора в XIX в. были индивидуальные убийства радикальными революционерами высокопоставленных чиновников. Это означало, что в этот период общество столкнулось с духовным ценностным кризисом, который отличается от экономических, экологических, политических кризисов, поскольку «...человек как бы потерял самого себя, то, с чем он себя идентифицировал, веровал, что то, что является для него ценностью, это и есть он сам в его глубинном существе, и, потеряв которое, как бы впору уже покончить с этой жизнью, ставшей пустой, лишенной сути своей» [1, с. 143]. Однако нередко при этом страдали сопровождающие их лица и случайные свидетели.

Серия самых известных терактов была совершена в эпоху правления Александра II, когда активно росло подпольное влияние организации «Народная воля», вошедшей в историю как террористическая организация благодаря серии покушений на царя. Хотя многие современные историки указывают, что террор не занимал главного места в программе и в практической деятельности этой организации. Эти события, по нашему мнению, можно рассматривать как зарождение так называемого революционного терроризма в России, который в своем развитии имел два выраженных пика: на рубеже 1870–1880-х гг. и в начале XX в. с особым кризисным периодом 1905–1907 гг.

Окончание эпохи революционного терроризма, с нашей точки зрения, можно отнести к сентябрю 1911 г., когда в Киевском оперном театре был смертельно ранен П.А. Столыпин, хотя имеют резон и концепции, согласно которым окончание активного террористического периода в истории дореволюционной России связано с расстрелом царской семьи в Екатеринбурге (июль 1918 г.).

В прошлые века предпринимались попытки оправдать террор тем, что якобы подобные акты являлись единственным средством восстановить справедливость, поскольку они были направлены против конкретных представителей власти. Террористы считали, что они совершили конкретные преступления, но не существовало законных и доступных способов наказать их в рамках существующих законов. Подобная мотивировка понятна на уровне массового сознания и часто подобные акты оправдываются обществом. Например, Октябрьский переворот 1917 г. имел свою специфику, поскольку большевики пошли другим путем и устроили массовый государственный террор, пытаясь найти оправдания подобным акциям на уровне идеологических догм.

Терроризм представляет собой наиболее опасный способ политической дестабилизации общества. Естественно, что кучка несогласных с чем-либо людей не может действовать сама по себе, назвать себя террористами и совершать беспорядки. Террористические организации имеют определенную иерархию, обладают строгой дисциплиной, должны иметь место дислокации для поддержания и укрепления идеологического мышления, тренировок и т.п. Все это требует достаточно больших трудовых и материальных затрат. Создается впечатление о наличии определенной материальной и идеологической базы, способной поддерживать терроризм на плаву. Скорее всего, это небольшие группы согласных на все крайних радикалов, частных лиц, имеющих достаточно мотивации на такое преступление. Терроризм получает материальную поддержку посредством теневой экономики и своими действиями подрывает власть, стремясь к разрушению политической системы государства. Юристы относят террористические действия к категории «преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства». Терроризм является, прежде всего, преступлением, причем, по мнению большинства правоведов, одним из наиболее опасных. Данное преступление, а также наказания, предусматриваемые за него, описаны в соответствующих статьях УК РФ.

Не только историков, но и представителей остальных социально-экономических дисциплин давно волнует вопрос: в какой степени можно говорить о допустимости терроризма в качестве эффективного средства для достижения поставленной цели. В частности, определение «борец за свободу» характеризует цель, а термин «террорист» – средство, которое борец за свободу использует для достижения намеченной цели. Тем не менее во все времена возникал вопрос об оправданности методов, которые используются в качестве базиса терроризма, ведь многие западные учения проповедают агрессию. Например, в концепции Милтона Фридмана пропагандируется худшее в человеке: «Обычное состояние человечества – это тирания, рабство и страдания. Западный мир XIX в. и начала XX представляет собой разительное исключение из этой тенденции исторического развития» [2, с. 43].

Еще более трагические последствия несет в себе современный терроризм, что во многом обусловлено глобальными процессами. Благодаря социальным сетям удается даже на расстоянии заманить молодых людей в террористические организации. Современные информационные технологии поднимают на новый уровень террористические угрозы, в результате чего погибают ни в чем не повинные дети в школах или посетители рынков и жители домов. Именно поэтому террор нельзя оправдать с моральной точки зрения, тем более что иногда по ошибке убивали не тех, кого наметили. Более того, некоторые теракты по замыслу были индивидуальными, а по исполнению получались массовыми. Такими были взрыв в Зимнем дворце, произведенный Халтуриным, а также террористический акт на даче Столыпина на Аптекарском острове. В обоих случаях было много жертв, хотя люди, на которых покушались, не пострадали.

Опыт возникновения терроризма и борьбы с ним в России дает основание сделать следующие выводы. Во-первых, возникновение терроризма очень часто связано с произволом властей, отсутствием условий для проведения реформ. Во-вторых, важно, чтобы власти вели пропаганду намечаемых реформ и объясняли населению их возможные последствия. В-третьих, необходимо создавать условия для реализации политики мирной борьбы мнений, противодействуя зарождению терроризма и направляя активность масс в мирное русло. В-четвертых, мощное силовое противодействие не приводит к полной победе над террористами, поскольку в ответ на репрессии ряды террористов все время пополняются. В-пятых, русской интеллигенции не удалось создать идеологию, которая стала бы действенным противовесом радикальным устремлениям масс; более того, большая

и лучшая часть интеллигенции увлеклась крайними революционными идеями, допуская возможность террористических актов в качестве средства для взятия и удержания власти. Часть из них была уверена, что терроризм в российских условиях является единственно возможным методом борьбы. Специфика современного терроризма состоит в том, что представителями его являются не социальные маргиналы, прозябающие в беспросветной нищете. «Речь идет о людях, которые не могут найти себе места в «информатизированной» экономике, по разным причинам конфликтуют с принятой большинством системой ценностей и общественных отношений» [3, с. 16].

Таким образом, террористический акт:

1. Призван продемонстрировать обществу бессилие власти.
2. Создает прецеденты активного неповиновения и сопротивления властям. Подобная политика получила среди идеологов терроризма название «пропаганды действием». В этом плане теракт является наглядным призывом к силам, сочувствующим делу террористов, присоединиться к активному противостоянию власти.
3. Зачастую катализирует любые имеющиеся силы и настроения, оппозиционные власти, в том числе достаточно далекие от тактики терроризма. Такое явление, как теракт, в большинстве случаев трактуется как признак имеющегося кризиса в обществе, что может подтолкнуть общество и власть пойти на уступки политическим силам, использующим тактику терроризма.
4. Практически всегда ударяет по экономике, ухудшает ее имидж, снижает инвестиционную привлекательность страны, поток международных туристов, а также нарушает психологическое равновесие в настроениях общества и пр.
5. Подталкивает страну к радикализации политического курса, к авторитарным формам правления, и подобная эволюция соответствует целям террористов.

А. Корольков справедливо утверждает: «...пока духовное здоровье русского человека будет определяться его произвольным выбором, при том что информационная машина государства, вся система воспитания будет насаждать бездуховные или исторически чуждые русскому человеку ценности, ни о каком здоровье отдельных людей и нации в целом говорить не приходится... Чуждебесие в духовной сфере более губительно, чем в телесной» [4, с. 21].

Терроризм охватывает достаточно много сфер общественно-политической жизни, вследствие чего трудно предусмотреть все его формы, его природу, причины возникновения, сферы и способы проявления.

Проблема борьбы против терроризма усугубляется отсутствием четкого определения этого явления, что создает проблемы в правоприменительной практике, ведь наказание за то или иное преступление может быть определено только при детальном описании в статье закона этого преступления. Государство стремится обезопасить себя на правовом уровне от проявлений терроризма, однако эти статьи, к сожалению, вступают в силу, как правило, постфактум. А ведь важно для формирования адекватного общественного мнения иметь возможность предотвратить террористические акты, уберечь граждан от этого зла, а не только судить исполнителей. Тем не менее терроризм стоит на одном из первых мест по значимости в осуществлении внутренней и внешней политики России. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации слово «терроризм» встречается довольно часто, что не только подтверждает существование подобной проблемы в России и в мире, но также подтверждает признаки ее обострения. «В настоящее время для современного российского общества одной из высших ценностей стал успех, выраженный прежде всего в материальном достатке, карьере и социальном признании» [5, с. 116]. К сожалению, в современных исследованиях мало внимания уделяется тому факту, что между проявлениями терроризма и реформаторской деятельностью государственных органов существует определенная связь, которая часто носит неоднозначный характер. Частично проблему террористических угроз могут решать институты гражданского общества, оценивая и блокируя антинародную сущность отдельных правительственных актов.

Таким образом, можно заключить, что терроризм очень редко встречается в чистом виде. Часто он представляет собой довольно пеструю смесь этнических, региональных, политических, конфессиональных мотивов. Кроме того, важно учитывать тот факт, что методы террористов самые разные и совершенствуются прямо пропорционально развитию науки и техники. Именно поэтому ближайшей задачей человечества является искоренение массового террора.

Литература

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 140–146.
2. Восканян М. Монополизация свободы // Однако. – 2011. – 2 мая. – С. 42–48.
3. Загладин Н. Глобальное информационное общество и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 7. – С. 14–17.

4. Корольков А.А. Духовная антропология и тенденции современного образования // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 20–24.

5. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В. и др. Влияние экономических факторов на демографический процесс рождаемости в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – 2015. – № 11 (61). – В 3 ч. Ч. II. – С. 114–118.

УДК 94:355.4-055.2 (47+57)

Женщины России в войнах XIX – первой половины XX в.

Т.В. Исакова
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается участие женщин в войнах, которые вела Россия (СССР) в XIX – первой половине XX в. Показано влияние гендерных стереотипов, выявлена позиция власти в отношении роли женщины в обществе на привлечение женского контингента на военную службу в годы войны. Указаны мотивы, побудившие женщин взять в руки оружие в военное время.

Ключевые слова: женщины в вооруженных силах, Великая Отечественная война, гендерные стереотипы в российской армии, медсестры.

Women of Russia in war of the XIX – first half of the XX centuries

T.V. Isakova
Siberian Federal University

The article examines the participation of women in wars waged by Russia in the period from 19 to the middle of the 20th centuries. The influence of gender stereotypes and government policy on the role of women in society on the

recruitment of the female contingent in the military service during the war was studied. The motives that prompted women to take up arms in time of war are indicated.

Key words: *women in the Armed Forces, the Great Patriotic War, gender stereotypes in the Russian army, nurses.*

Принято считать, что военная служба – это мужское занятие. Мужчины развязывают войны, разрабатывают стратегию и тактику военных действий, а также принимают в них непосредственное участие. Вместе с тем известно, что в войнах участвовали и представители женского пола. Этому вопросу посвящено немало научных и публицистических работ. Большинство исследователей акцентируют свое внимание на изучении участия женского контингента в рядах вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. Однако стремление женщин служить в армии зародилось гораздо раньше, да и в настоящее время немало представительниц слабого пола готовы связать свою жизнь с военной профессией.

Цель работы – рассмотреть в эволюции участие женщин в войнах, которые вела Россия (СССР) в XIX – первой половине XX в.

В связи с этим поставлены следующие задачи: показать особенности использования женского контингента в рядах вооруженных сил в различные исторические эпохи, выявить факторы, побудившие власть к привлечению женщин в армию, а также проанализировать мотивы женщин, добровольно отправившихся на фронт.

Исследование основано на опубликованных документах и изданных воспоминаниях бывших участниц войн XIX–XX вв.

I период (XIX в.)

Первые упоминания о службе женщин в армии относятся к XIX столетию. В этот период господствовало представление о роли женщины как хранительницы домашнего очага, продолжательницы рода. Существовало убеждение, что в связи с особенностями женской физиологии женщина неспособна на убийство, поэтому привлечение представительниц слабого пола в армию не рассматривалось. Чтобы оказаться на поле боя женщинам приходилось скрывать свою половую принадлежность.

Так поступила *Надежда Дурова* – первая женщина-офицер русской армии. Еще будучи девочкой, она больше тяготела к отцу, который был гусарским ротмистром и обучал ее езде на лошади и военному мастерству, с матерью отношения не складывались из-за того, что она хотела мальчика. В сентябре 1806 г. Надежда, пере-

одевшись в мужскую одежду, покинула дом и вступила в казачий полк под именем Александра Васильевича Дурова (позже она носила фамилию Соколова или Александрова). В войнах с наполеоновской Францией Дурова наравне с мужчинами ходила в тяжелейшие атаки против французов. За подлинный подвиг, спасение от гибели русского офицера от французских кавалеристов, ей был дан Георгиевский крест [1, с. 15]. Именно пример Надежды Дуровой продемонстрировал способность женщин воевать наравне с мужчинами.

В годы Отечественной войны 1812 г. женщины сражались не только в регулярных войсках, но и в партизанских отрядах и даже возглавляли их. Главой одного из таких отрядов стала жена старосты Горшкова Сычевского уезда Смоленской губернии Василиса Кожина. Прямо на глазах Василисы занявшие хутор французы зарезали ее мужа. Движимая желанием отомстить за смерть мужа, защитить свою честь, семью, деревню и страну от врагов она организовала партизанский отряд, состоявший из подростков и женщин. Вооруженные лишь вилами, косами и топорами, они нападали на вражеские отряды, уничтожали обозы, захватывали пленных и передавали их регулярной армии. Однажды в село въехали французы. Василиса их встретила с почестями. Пригласила за стол, напоила, а как только французы охмелели, крестьяне закрыли окна и двери в избе и подожгли ее. Это действие стало началом народной войны. За свой героизм Василиса Кожина была удостоена денежной премии и награждена серебряной медалью [1, с. 14].

Несмотря на все эти факты, стоит признать, что в войне 1812 г. участие женщин в защите Отечества носило единичный характер, власть не инициировала привлечение представительниц женского пола в армию. И только в годы Крымской войны 1853–1856 гг. было положено начало постоянному пребыванию женщин на театре военных действий. Впервые отряд из 120 сестер милосердия Крестовоздвиженского креста прибыл в госпитали осажденного Севастополя в 1854 г. для оказания помощи раненым и больным [2, с. 346]. На эту меру власть вынуждена была пойти в связи с нехваткой врачей-мужчин.

Мотивы сестер милосердия, согласившихся отправиться на театр военных действий, довольно просты: они стремились облегчить участь раненых, помочь своему Отечеству в трудную минуту. Ими двигали сострадание, любовь, забота о ближнем, мужество и героизм. Опыт использования женского труда на войне показал его необходимость и полезность. С этого момента начинается подготовка сестер милосердия и врачей для работы во фронтовых условиях.

Уже в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на официальном уровне было организовано привлечение на фронт женщин в качестве медицинского персонала. В эти годы почти 1500 сестер милосердия находились на театре военных действий [2, с. 355]. Добровольно возложив на себя тяжелый военно-медицинский труд, женщины руководствовались все теми же мотивами, что и их предшественницы.

Усердный труд сестер милосердия поколебал мнение об отрицательном влиянии женщин на моральное состояние и боеспособность войск.

II период (Первая мировая и Гражданская войны)

В начале XX в. увеличился удельный вес женского контингента в армии, расширился круг военных специальностей, на которые стали привлекать женщин.

Во время Русско-японской войны на Дальневосточном театре военных действий женщины были включены в штат госпитальных судов российского флота и плавучих лазаретов.

С началом Первой мировой войны некоторые российские женщины включились в оказание помощи военным через Красный Крест и общины сестер милосердия, начали создавать лазареты и госпитали при своих учебных заведениях, готовили лекарства, еду, развлекали раненых. Это было проявлением общего патриотического подъема, охватившего российский народ в 1914 г. Однако уже к 1917 г. патриотизм в народных массах стал ослабевать, усилились антивоенные настроения, началось братание на фронте, дезертирство из армии. В этих условиях было принято решение создать женские воинские формирования. Это был один из методов предотвращения разложения армии. Женщины хотели своим примером пристыдить и вдохновить мужчин, заставить их воевать до победного конца. Это был главный аргумент Марии Бочкаревой, инициировавшей создание женского батальона в мае 1917 г.

Несмотря на то что власть поощряла стремление представительниц слабого пола непосредственно участвовать в защите своей Родины, такое явление как «женщина-солдат» в Первую мировую было редкостью. Женщинам приходилось проявлять чудеса ловкости и смекалки, чтобы оказаться в рядах армии. Так, по примеру легендарной кавалерист-девицы Надежды Дуровой Антонина Пальшина выдала себя за мужчину, чтобы попасть на фронт [3, с. 163].

В Гражданскую войну подобный «камуфляж» был не нужен. Суровая, кровавая, братоубийственная война стерла все грани и ценности и отбросила на задний план нормы приличия. До сих пор не-

возможно установить истинное количество женщин в РККА, по некоторым оценкам их численность доходила до 70 тыс. человек [2, с. 349]. С приходом к власти большевиков «красная рука» коснулась всего, в том числе и «женского вопроса». Советское правительство начинает поддерживать женщин в их стремлении к равенству с мужчинами перед законом. Молодых девушек приобщали к традиционным мужским профессиям, занятию военно-прикладными видами спорта. Целью такой политики было не только показать преимущество социализма, но и подготовить женщин к участию в грядущей войне. Согласно закону о всеобщей воинской повинности, принятому в 1939 г., мобилизации подлежали не только мужчины, но частично и женщины [4, с. 119].

III период (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.)

В годы Великой Отечественной войны участие женщин в защите страны приобрело невиданный ранее размах. Они служили во всех видах вооруженных сил и родах войск. По разным данным в армию было призвано от 500 тысяч до 1 млн женщин [5, с. 8].

Первоначально государство не планировало широко использовать женский контингент в армии. По мнению исследователя Н.В. Барсуковой, власть вынуждена была увеличить масштабы мобилизации женщин в ряды вооруженных сил, поскольку к середине 1942 г. накопленные ранее «военно-обученные резервы» были в основном исчерпаны, дальнейшее пополнение армии мужчинами грозило экономике крахом (нужны были рабочие руки в тылу) [5, с. 8].

Нельзя не учитывать роль женского добровольческого движения. С началом войны сотни тысяч девушек устремились в военкоматы с просьбой направить их на фронт. Женщины-добровольцы были искренне уверены, что страна нуждается в их поддержке, что они смогут наравне с мужчинами противостоять врагу. Находясь под влиянием официальной пропаганды, преподносившей советскую женщину как индивидуальность, способную мобилизовать все свои силы на укрепление военной мощи государства, девушки были готовы с оружием в руках защищать свое Отечество. В силу молодости они считали, что доказать преданность и любовь Родине можно только боевыми делами. Поэтому многие просили направить их непосредственно на фронт и огорчались распределению в тыловые подразделения. Но были и личные мотивы, побудившие женщин добровольно отправиться на фронт: стремление отомстить за погибших близких, устроить личную жизнь, решить материальные проблемы и др.

Привлечение женского контингента в армию стало возможным также благодаря появлению воинских специальностей, которые требовали не столько физической силы сколько теоретической подготовки.

Итак, к середине XX в. женщинам удалось добиться права вместе с мужчинами защищать свое Отечество. Если в XIX в. они находились на театре военных действий только в качестве медицинского персонала, то уже в следующем столетии, в годы Великой Отечественной войны, женским контингентом укомплектовывались не только тыловые войска, но и боевые. Женщины служили летчицами, танкистами, снайперами, зенитчицами, минерами и др. Были среди женщин командиры взводов, рот, полков. Это стало возможным благодаря тому, что женщины получили равные права с мужчинами во всех сферах, в том числе и военной. Однако явление «женщина на войне» не приобрело бы таких масштабов, если бы не острая необходимость в пополнении армии людскими ресурсами. Несмотря на желание женщин служить в боевых войсках, государство преимущественно направляло их в специальные войска, а также в войска тылового обеспечения. Это было обусловлено стремлением учесть специфику женского организма. Женщины нуждались в отдельном помещении, чтобы умыться, переодеться, постирать. Такие условия можно было обеспечить только в войсках, находящихся на значительном удалении от линии фронта. К тому же, несмотря на постепенное разрушение традиционных представлений о гендерной роли женщины, отношение к их службе в армии в обществе было настороженным, а порой и враждебным. Оба эти фактора и в настоящее время не позволяют женщинам получить равные права в военной сфере.

Литература

1. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 272 с.
2. Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 15.
3. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 383 с.
4. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М.: Мысль, 1979. – 272 с.

5. Барсукова Н.В. Женщины Красноярского края на фронтах Великой Отечественной войны // Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: Резонанс, 2015. – 304 с.

УДК 94

**Миф или жестокая реальность.
Разные мнения о самом жестоком и кровопролитном
периоде отечественной истории – репрессиях
20–30-х гг. XX в.**

Д.Н. Канцерева, Н.Р. Новосельцев
Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются основные причины сталинских репрессий, последствия их для развития советского общества. Мнения разных историков и политических деятелей о значимости репрессий в 20–30-х гг. XX в.

Ключевые слова: СССР, Сталин, репрессии, советское общество.

**Myth or reality hard. Different opinions
about the most brutal and bloody period
of national history – repressions of 20–30s
of the twentieth century**

D.N. Kantsereva, N. R. Novoseltsev
Siberian Federal University

The article is discussed the main causes of Stalinist repression, their implications for the development of Soviet society. The views of different historians and politicians about the importance of repression in the 20–30-ies.

Key words: USSR, Stalin repressions, soviet society.

Иосиф Виссарионович Сталин – яркая личность и значимая фигура в истории Отечества. Это российский революционер, советский

политический, государственный, военный и партийный деятель, генералиссимус. Его заслуги перед страной и миром неоспоримы, например: победа в Великой Отечественной войне, ядерный щит державы, возникновение ООН. Но имя Сталина ассоциируются именно с репрессиями 20–30-х гг. XX в. Что такое репрессия? Репрессия – это наказание, карательная мера, применяемая государственными органами с целью защиты и сохранения существующего строя. Любые политические репрессии являются проявлением политического насилия.

Что же послужило причиной такого количества репрессированных людей в этот период? Некоторые ученые считают, что причинами стали жестокость советской системы и логика тоталитарного общества. Молотов объяснял репрессии, как действия по подготовке к войне. Многие другие – личными качествами Сталина и его проблемами со здоровьем [1]. Однако основной причиной была, по нашему мнению, опасность возникновения войны в связи с увеличением количества государственных шпионов, предателей, саботажников, диверсантов, так называемой пятой колонной потенциальных предателей, которые могли подорвать политический строй страны. В СССР считали, что внутренний враг может быть куда опасней внешнего. Репрессиям подверглось свыше 3 млн людей, они были заточены в тюрьмы, расстреляны. Это было ужасным явлением в советское время [2].

Чтобы узнать истинное число казненных советских граждан при Сталине, достаточно ознакомиться с рассекреченными документами. Наиболее известным из них является докладная записка на имя Н.С. Хрущева от 1 февраля 1954 г. Как явствует из документа, всего с 1921 по начало 1954 г. по политическим обвинениям было приговорено к смертной казни 642 980 человек, к лишению свободы – 2 369 220, к ссылке – 765 180 [3].

На сегодняшний день имеется много мнений по поводу сталинских репрессий. Одни считают, что советский вождь проявил сверхжестокость по отношению к собственному народу, проводя «зачистку» страны. Другие же утверждают, что Сталин, как великий руководитель, создавал более сильную и прочную политическую систему.

Историк Олег Хлевнюк, говоря о репрессиях Сталина, придерживается обвинительной позиции. Он считает, что большая часть жертв в годы репрессий оказалась осуждена необоснованно. Чтобы объяснить мотив таких действий, Хлевнюк придерживается вер-

сии о сталинской превентивной чистке страны от пятой колонны в условиях обострения военной угрозы. «Но здесь нужно понимать важный факт: арестованные и расстрелянные люди в подавляющем большинстве не были реальными врагами не только своей страны, но даже сталинского режима. Это Сталин считал их врагами, а поэтому приказал уничтожить» [4].

Андрей Калганов, доктор экономических наук, профессор не придерживается либеральной трактовки репрессий, не считает, что диктаторская природа советской власти вообще и сверхдиктаторские личные замашки Сталина в частности являются основной причиной сталинских репрессий. Его позиция заключается в том, что массовые репрессии того периода были связаны с тем, что не удалось построить социалистическую систему в целом завершённом виде. «Необоснованных репрессий был целый вал. И если посмотреть на то, какая часть партийно-государственной верхушки была обвинена в том, что они шпионы, то получается, что вообще 60–70 % советского партийно-государственного руководства были иностранные шпионы и заговорщики» [5].

Мнение профессора государственного университета Монтклер (США) доктора Гровера Ферра отличается. Он считает, что репрессии Сталина не были столь жестокими и ужасными, как нам представляют либеральные политики. «Ничто в речи Хрущева не выглядит столь отвратительно, как обвинения Сталина в подстрекательстве к массовым и необоснованным репрессиям». Он говорит о том, что не стоит всю вину за репрессии 30-х гг. возлагать на Сталина, так как многие другие партийные деятели имели к этому непосредственное отношение [6].

Александр Андреевич Проханов, советский и российский политический деятель, писатель, главный редактор газеты «Завтра», считает, что Сталин – это великое явление, которое до сих пор имеет отголоски и которое необходимо повторить. «Сталин создал грандиозное государство, выхватив «русскую цивилизацию» из кромешной бездны, из Гражданской войны, из кровавой бесконечности, в которую ухнула русская история после краха Романовых». Сталин для А.А. Проханова – эталон правителя российского государства. «Сталин в русском сознании – великий государственный деятель, потребовавший от народа огромную плату за воссоздание территорий от Курил до Минска и от Крыма до Шпицбергена» [7].

И все же нужны были репрессии в тот период или можно было вершить историю и без них, справедливо ли страдали люди, заклю-

ченные в тюрьмах, или это лишь дело случая и удачи? Ответить однозначно будет трудно. Потому как сколько существует историков, столько существует и мнений по данному вопросу. Но одно ясно точно: сталинские репрессии оказали большое влияние на состояние всех сфер жизни общества в тот период и на развитие страны в целом. Также сложно отрицать тот факт, что массовые репрессии дезорганизовали жизнь страны. Постоянные аресты среди руководителей предприятий и колхозов привели к падению дисциплины и ответственности на производстве, что тоже влияло на экономическую сферу общества. В результате преследования командного политического состава Красной Армии в 1937 г. возник огромный дефицит кадровых военных, что, несомненно, сказалось во время Великой Отечественной войны.

Литература

1. Самыгин П.С. История. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. – 477 с.
2. Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. – 1989. – 245 с.
3. Пыхалов И. О масштабах сталинских репрессий. – URL: <http://red-sovet.su/post/28731/masshtaby-stalinskih-repressij-tochnye-tsifry>.
4. Хлевнюк О. Кто-то назовет это коммунизмом. Кто-то казармой. – URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/10/stalin/>.
5. Чем были репрессии 1937 г.: неизбежностью или преступлением. – URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26509.7/3378021/>.
6. Ферр Г. Антисталинская подлость. – 2007. – 137 с.
7. Проханов А.А. Уверять, что кризис позади, крайне неосторожно. – URL: <http://politobzor.net/show-75747-prohanov-bud-stalin-nichego-etogo-ne-bylo-by.html>.

**История возникновения и развитие
фотографической деятельности
в Енисейской губернии во второй половине XIX в.**

И.С. Керн
Сибирский федеральный университет

В статье анализируются особенности становления фотографического дела в Енисейской губернии в период от 1845 г. до конца XIX в. Рассматриваются особенности организации предоставления права на открытие фотографического заведения. Статья основана на архивных источниках Архивного агентства Красноярского края.

Ключевые слова: Енисейская губерния, фотография, дагеротипия, фотографические заведения.

**The History of the formation and organization
of photographic activities in the Yenisei Province
in the second half of the XIX century**

I.S. Kern
Siberian Federal University

The article deals with features of the formation of photographic activity in the Yenisei province during the period of 1845 year until the end of the 19th century. The content provides information about features of the organization of the right for opening of a photographic institution. Article is based on archival sources of the Archival agency of the Krasnoyarsk Territory.

Key words: the Yenisei province, photography, daguerreotype, photographic institutions.

Практически сразу после того, как мир узнал о таком явлении, как дагеротипия, возникшем 7 января 1839 г. во Франции, или феномене фиксирования изображения на покрытой слоем пористого серебра металлической пластинке, фотографический процесс успешно распространился по разным странам, плотно закрепившись в культурно-общественном сознании и научно-технической среде Российской

империи в 1840-х гг. XIX столетия. В дальнейшем фотография характеризуется периодическими изданиями как новый источник информации, объективно отражающий действительность, а также как художественно-изобразительное искусство, позволяющее посредством постановки кадра и урегулирования разного рода установок преобразовать привычный образ в продукт творческой деятельности.

Раскрывая историю формирования фотографического дела в Енисейской губернии, важно обратиться к истокам.

Енисейскую губернию волна знакомства с фотографической деятельностью как новым веянием посетила спустя 6 лет после изобретения дагеротипии и калотипии, когда один из первых владельцев дагеротипных фотографических заведений в Санкт-Петербурге, французский поданный А. Давиньон, посетил Сибирь в целях съемки политссыльных и ссыльнокаторжных. Так, в 1845 г. ему удалось снять негативы портрета с декабриста В.Л. Давыдова и его семьи [1], однако, несмотря на то что до законодательного закрепления цензурного контроля за деятельностью фотографов-профессионалов и любителей еще 20 лет, жандармское управление расценило данную самостоятельность неугодной, арестовало и изъяло фотокарточки для дальнейшего разбирательства. В результате данное обстоятельство можно расценивать как начало фотографической эпохи в Енисейской губернии.

Тем не менее в архивной источниковой среде первым документальным доказательством, фиксирующим факт заинтересованности рядовых жителей Енисейской губернии в образовании фотозаведений, была выдача разрешений заниматься фотографической деятельностью в г. Красноярске прусскому подданному Г.Х. Кеппелю и коллежскому регистратору А.Е. Нитраму в 1872 г. [2]. Собственно, именно г. Красноярск стал эпицентром развития и генерализации всех имеющихся на территории губернии открытий, достижений, общественных объединений и коллекционных собраний негативов и отпечатков видов и типов (окрестностей уездных городов, пейзажей, портретов, репортажей с места событий, студийных снимков представителей различных сословий, власти и управы, тюремных заключенных и ссыльных).

Однако, согласно статистическим данным за более поздний период, помощником полицеймейстера был подготовлен сводный документ «Ведомость о фотографиях, находящихся в городе Красноярске», составленный в 1877 г., в котором имеется отметка, оставленная нетипографским способом и указывающая на то, что Г.Х. Кеппелю ранее было выдано Енисейским губернским правлением свидетель-

ство на открытие фотографического заведения, а именно в октябре 1865 г. Документов, указывающих на достоверность представленных сведений, по настоящий момент не обнаружено.

Что могло послужить основанием считать 1872 г. годом официальной закладки первого фотоателье в городе? Можно предположить, что Генрих Христианович Кеппель, получив свидетельство на открытие фотозаведения, счел нерациональным открывать мастерскую по экономическим соображениям, однако после выхода в общегосударственный реестр нормативно-правовых актов Полного собрания законов Российской империи реализация права на открытие фотоателье стала недействительной, поскольку законом устанавливался порядок, согласно которому фотограф обязан воспользоваться разрешением на открытие заведения в течение двух лет, в противном случае по окончании срока подать прошение на выдачу свидетельства повторно [3].

Другим обстоятельством для ликвидации права владения законом установлена смена местонахождения фотографического заведения, требующая оформления обновленного свидетельства на владение студией [4].

Таким образом, уже в 1860-е гг., при зарождении фотографического дела в Енисейской губернии, наблюдаются причины для замедления процесса учреждения фотоателье ввиду параллельного установления контроля государственной власти за развитием фотографического ремесла в стране.

Как именно решался вопрос о предоставлении абсолютного права на занятие фотографическим делом и владение фотографическим заведением?

Внеочередным подспорьем в системе многоуровневого процесса выдачи промыслового свидетельства на владение фотографическим заведением выступали критерии, предъявленные Временными правилами о цензуре и печати, согласно которым далеко не каждый житель Енисейской губернии мог претендовать на право заниматься данного рода деятельностью. Владеющий фототипией должен иметь соответствующий достаток, поскольку фотография подлежала налогообложению, а значит и наличие возможности отплатить гербовый взнос, промысловый налог и прочие отчисления в казну.

При подаче заявления на владение фототипией обязательным условием являлось предоставление в Енисейское губернское правление трех основных документов, предопределяющих исход искового расследования (на примере дела о рассмотрении прошения Е.Г. Гарнов-

ской): удостоверение («под судом и следствием не была», выдавалось мещанской управой [5]), уведомление («не была замечена в политических конфликтах», выдавалось Енисейским губернским жандармским управлением [6]), рапорт («о благонадежности», об образе жизни и поведении [7], выдавалось Красноярской городской полицией).

Именно поэтому далеко не каждое рассмотрение прошения завершалось успехом.

Стоит отметить, что за вторую половину XIX в. в материалах фонда о Енисейском губернском правлении хранятся 6 дел о прошении лиц разных должностей и сословий, среди них ранее отмеченный Г.Х. Кеппель, по большей части акцентирующий внимание на прибыльности процесса, нежели духовно-творческой составляющей (подряды на производство снимков с политических арестантов, незаконные перепродажи отпечатков с портретов ссыльных из альбомов, снятие фотокарточек с иностранных подданных с дальнейшей попыткой продажи в Посольство, Ассоциацию и другие учреждения стран).

Коммерческий характер, как правило, носили фотографические заведения, принадлежавшие крупным держателям фирм, получившим право на владение фотографическим заведением в 1880-е гг. XIX в. Представителями данной группы выступают крестьянский мещанин из ссыльных Мендель Борухович Аксельрод с 1881 г. (позднее с женой Региной Осиповной Аксельрод); томский мещанин А.М. Злобков с 1879 г., имевший дополнительное фотозаведение в г. Минусинске; фотографическое заведение семьи Лухтанских с 1885 г.; енисейский мещанин Х.И. Левицкий [8]; Г.Х. Кеппель.

Несмотря на распространенную тенденцию воспринимать фотодело как предмет дохода, прошения на владение промысловым свидетельством выдавались обычным гражданам, одухотворенным идеей эстетического наслаждения и визуального написания памятной истории своих городов и уездов (округов), накопления коллекций видов и типов природных пейзажей губернии.

Так, неоднократно обращался томский мещанин Н.Ф. Прокопьев к господину Енисейскому губернатору с прошением о выдаче нового свидетельства в связи со сменой деятельности или расширением спектра действия – с уездных городов Ачинска и Минусинска на все города и уезды Енисейской губернии [9], а в дальнейшем, ввиду крайней заинтересованности, высылал на имя губернского начальника телеграмму, в которой предпринимал попытки ускорить процесс исследования прошения [9]. Из мещан с аналогичным обращением выступала вдова Е.Г. Гарновская (1894 г.), представительница

узкого круга женщин фотографов-профессионалов, претендующая на право увлекаться фотографическим ремеслом [11].

Уникален случай, когда просящий ходатайствовал енисейскому губернатору о возможности организовать фотоателье в собственном доме [12]. Однако после выхода Временных правил о цензуре и печати в губернии были разосланы рекомендации Министерства внутренних дел, где указывалось, что при вынесении решения о выдаче свидетельства на приоритетную значимость располагать заведения на многолюдных центральных улицах; в результате подобные прошения имели весьма длительный срок рассмотрения.

Крестьяне, как и представители других сословий, имели одинаковое право на открытие своего фотографического заведения, однако общие правила для успешной выдачи дозволения накладывали тягостные критерии (уровень дохода, недвижимая собственность, общее образование сверх специального знания своего дела, полная гражданская правоспособность). Интересен случай крестьянина Д.М. Доминина, жителя Минусинского округа, предоставившего в 1884 г. удостоверение о неподсудности, выданное Минусинским окружным полицейским управлением и гербовую марку в 60 коп. (до 1880-х гг. размер гербового сбора составлял 40 коп.) через Степную думу соединенных разнородных племен [13], однако удовлетворения прошения не получил. Выполнение формальных обязательств не всегда было достаточным основанием для принятия решения начальником губернии.

Иначе обстояла ситуация с еврейским поданным Лейбой Шлеймовым Шиндерманом, который в том же 1884 г. для получения разрешения на выдачу промыслового свидетельства [14] представил в Енисейское губернское правление тождественные документам Д.М. Доминина удостоверение Мещанского старосты и гербовый налог в 60 коп. достоинством. Как следствие, в отношении еврейского мещанина проводились проверки сведений о политической принадлежности и благонадежности в виду предписания губернатора [15], увенчавшиеся успехом.

Таким образом, несмотря на классовую непредвзятость, оглашенную контрольными органами, помимо политической культуры, важное место занимала благонадежность, гарантирующая предпринимательскую стабильность и достойную репутацию в обществе.

Поводя итоги, можно сказать, что фотографическое дело получило распространение в Енисейской губернии с середины XIX столетия – на раннем этапе формирования и развития, что способствовало заинтересованности со стороны общественности и активному

участию в процедуре рассмотрения кандидатур на осуществление фотографической деятельности и владение фотографическим заведением. В занятии фотографией представители разных сословий находили как дополнение к бюджету за оказание услуг, так и творческую самореализацию, однако государственные органы акцентировали внимание на правовой стороне вопроса, выделяя цензуру на вершину зарождающегося фотографического искусства, и лишь позднее – авторского права.

Литература

1. Чагина В.В. Красноярск, каким он был полтора века назад // Красноярский рабочий. – 2013.
2. Гюнтер О.А. История фотографического дела в Енисейской губернии // Россия – Сибирь – Красноярский край: сб. материалов VIII краеведческих чтений. – 2016. – С. 135–139.
3. ПС32 – Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии. 1867. Т. 40. // Государственная публичная историческая библиотека России. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/396-t-40-1865-v-2-h-otd-niyah-1867>.
4. Идрисова Р.Р. Государственное регулирование фотографической деятельности в России во второй половине XIX – начале XX в. // Ученые записки Казанского ГУ. Гуманитарные науки, 2010. – Т. 152. – С. 49–56.
5. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 5212. – С. 2.
6. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 5212. – С. 5.
7. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 5212. – С. 6.
8. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 2. Дело 3489. – С. 2.
9. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 1. Дело 1481. – С. 12.
10. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 1. Дело 1481. – С. 3.
11. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 5212. – С. 1.
12. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 4491. – С. 2.

13. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 3. Дело 5112. – С. 2.

14. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 1. Дело 1452. – С. 3.

15. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 2. Дело 1858. – С. 2.

16. Архивное агентство Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Т. 2. Дело 1858. – С. 3.

УДК 94 (57)

**Грамота на права и выгоды городам
Российской империи и реалии Приенисейского края
последней четверти XVIII в.**

Е.А. Ковалев
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается специфика реализации положений Грамоты на права и выгоды городам Российской империи от 1785 г. на территории Приенисейского края.

Ключевые слова: Приенисейский край, купечество, мещане, казачество, город.

**Charter about rights and benefits of towns
of the Russian Empire and Yenisei region realities
in XVIII century**

E.A. Kovalev
Siberian Federal University

This article deals with specific traits of Yenisei region for realizing of Charter about rights and benefits of towns of the Russian Empire condition.

Key words: Yenisei region, merchant class, philistine, the Cossacks, the city.

О том, какой смысл вкладывала в «городскую» политику Екатерина II, можно судить на основании Наказа уложенной комиссии от 1767 г. В главе XVII «О городах» была представлена классификация городов, включавшая [1]: ведущие активную внешнюю торговлю, хранящие привезенные товары, специализирующиеся на обороте «своей» продукции (ярмарочные, цеховые), столичные. Даже если принять во внимание выделение столицы в отдельный тип города, преобразования городской среды базировались скорее на экономических интересах государства. Это было вполне оправдано, поскольку именно в городах проживало наиболее экономически активное население.

Анализ Грамоты на права и выгоды городам Российской империи от 1785 г. показывает, что в ней сделана попытка упорядочить именно экономическую сторону городских взаимоотношений.

Можно говорить, что Приенисейский край в некоторой степени соответствовал обозначенной Екатериной II классификации. Однако в целом все перечисленные виды функций городов здесь были представлены. Ярмарки имели города Ачинск [2], Красноярск [3], Енисейск, Туруханск. Купечество Енисейска и (хоть и намного меньшую) Красноярска осуществляло активную внешнюю торговлю [4]. Впрочем промышленность развита в Красноярске [5], Енисейске, зарождающемся Минусинске [6].

На основании Наказа можно составить некоторые представления о том, на какие городские пункты в первую очередь ориентировалась Екатерина II. Так, встречаются упоминания об Астрахани, Ревеле, Оренбурге и т.п. [7]. Как видно, это экономически развитые города с большим населением. В Приенисейском крае не было подобных городов. Г.Ф. Быконя выделил всего 4 пункта – Енисейск, Красноярск, Туруханск и Ачинск [8]. К ним следует добавить Канск, который с 1780-х гг. становится волостным центром [9] и отчасти с. Минусинское, которое только к концу XVIII в. начало приобретать черты волостного города. Немногочисленность источниковых данных не позволяет точно установить численность каждой из групп.

Из табл. 1 видно, что в как минимум в двух городах численность представителей категорий, установленных в Грамоте, не превышает трети городского населения. В основном доминируют крестьяне и служилые контингенты. Здесь сказывается специфика освоения региона – частые столкновения с коренным населением. Исключение представляет только Енисейск, что связано с активными внешнеторговыми связями [12].

Таблица 1

**Численность групп населения в городах Приенисейского края
в начале 1780-х гг. – накануне реформы (по 4-й переписи) [10]**

	Настоящие обыватели*	Купече- ство	Посад- ские	Цехо- вые	Итого	% от всего населения города
Енисейск	-	301	675	494	1470	60
Красноярск	-	71	165		236	23
Туруханск	13	13	69		94	27
Канск	41		-	-	-	-

* К обывателям в данном случае принадлежит прослойка разночинцев [11]

В то же время для Енисейска во второй половине XVIII в. характерны упадочные тенденции. С одной стороны, это связано с потерей им статуса основного центра колонизации, благодаря которой он появился, с другой стороны, с запретом на кяхтинскую торговлю (до 1792 г.), служившую основным источником импортных товаров [13], а позднее переориентацией ее на Московский тракт [14]. В данной связи необходимо отметить, что развитие приенисейских городов зависело не только от экономической составляющей, но и от места, которое они занимали в процессе освоения новых земель. С этим были связаны упадок Туруханска, специализировавшегося в основном на промысловых отраслях [15], подъем Канска и Ачинска [16]. Нельзя сказать, что реформа не была актуальна для Приенисейского региона, однако не она стала причиной развития местных городов.

Обращает на себя внимание структура городского населения, сформулированная в Грамоте: настоящие обыватели, купечество, мещане, цеховые, посадские, иностранцы и иногородние. Вызывает вопрос возникновение термина «мещане». Утверждают, что термин возник искусственно и не был подкреплён исторической традицией [17]. Можно говорить, что он выступает практически аналогом посадского населения. В любом случае, наиболее распространёнными группами городского населения в Приенисейском крае становились разночинцы и крестьяне [18], а последние горожанами не считались. Этому способствовала официальная переселенческая политика. В формирующиеся города предпочитали отправлять крестьян как основную рабочую силу [19].

С другой стороны, выделение 6 категорий населения считается попыткой разобщить городскую среду [20]. Однако в условиях вы-

сокой социальной мобильности в Приенисейском крае сделать это практически не представлялось возможным [21]. Разоряющиеся купцы часто переходили из купеческого сословия в мещанское, а после могли вернуться обратно. Этому в немалой степени способствовала специфика учрежденных по Грамоте органов самоуправления – их казна складывалась из «добровольных» взносов городского общества. Такая ответственность легла на мещан и купцов [22]. Дефицит средств был характерен и для 1790-х гг. [23].

Уже к XVIII в. в Приенисейском крае складывается производственная специализация городов. «У енисейских ремесленников в 1775 г. насчитывали 38, а у красноярских – 24 специальности» [24]. То есть основа торгово-ремесленной городской прослойки сформировалась. Позже она трансформировалась в посадское и цеховое население. Соотнося эти цифры с данными таблиц, можно отметить определенную зависимость степени развития данной городской прослойки от степени развития ремесел накануне реформы. Однако большая часть торгово-ремесленного (посадского) населения проживала не в городах даже накануне реформы. Существовала практика разделения посада на сельский и городской, причем первый существенно преобладал – в 1784 г. он составлял 92,4 %, а в 1895 г. – 79,1 % [25].

Купеческое сословие оказывалось в наиболее уязвимом положении. Часто купеческие семьи не могли оставаться в данной категории. Так, в Красноярске наблюдается сокращение количества купеческих семей с 39 в предреформенный период (по переписи 1782 г.) до 35 в пореформенный (по переписи 1795 г.), причем из них только 20 – старые. К середине XIX в. лишь 18,2 % из них продолжали принадлежать к купечеству. [26]. Численность состоятельного купечества была невысокой. В Красноярске первые купцы второй гильдии оформились уже в 1786 г., но всего два брата с капиталом в 5 тыс. руб. [27]. К началу XIX в. их стало пятеро, причем один из братьев остался только один. В то же время купцы вставали во главе образованных по Грамоте органов. Так, например, купец И.В. Скорняков возглавил Енисейскую градскую думу. Именно от взносов купцов зависела их жизнеспособность, как и неправительственных учреждений.

Остро стоял инородческий вопрос. Кочевой характер жизни и устоявшиеся связи с соседним Китаем осложняли внутреннюю обстановку. С этим связана проблема контрабанды, преимущественно пушной [28]. Это сильно ударяло по интересам купечества.

Зачастую в положении сословий большую роль играл географический фактор. Например, в силу удаленности Туруханска рекрут-

ская повинность здесь могла быть заменена денежной [29]. Видна задержка в сроках проведения реформы – только в 1798 г. в Енисейске были сформированы шестигласная и т.д. думы, предусмотренные Грамотой, составлены Обывательские книги [30], хотя в Красноярске это было осуществлено еще в 1786 г.

Высокая концентрация казачьего сословия предопределила столкновение с ним городских властей. Борьба велась, например, между Енисейской городской думой и казаками по земельному вопросу. Необходимо принимать во внимание, что казачество рассматриваемого периода уже оформилось в обособленную социальную группу, поэтому вело себя независимо [31]. Губернские и городские власти при этом отказывались вмешиваться в спор, перекладывая его на городское общество, в итоге он затянулся – с 1791 по 1797 г. Не в последнюю очередь это было вызвано финансовой стороной вопроса.

Итак, можно отметить, что жалованная Грамота оказывалась не вполне актуальной для Приенисейского края. Она могла успешно реализоваться только в условиях высокой степени развития городского общества. Приенисейский край в силу специфической роли в экономике и политике Российской империи не обладал подобными чертами. В большинстве своем города еще находились в стадии формирования, их численность была невелика, а единственный высокоразвитый город Енисейск к концу века уже переживал экономический спад. Население в конце XVIII в. было преимущественно не городским и не относилось к указанным в Грамоте категориям. Органы, образованные в рамках реформы, оказались слишком зависимы от взносов горожан, поэтому часто оказывались неэффективными в отпращивании своих функций. Однако реформа дала толчок к последующему обособлению городской среды. К концу XVIII в. уездные города становятся торгово-экономическими центрами [32].

Литература

1. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 [Электронный ресурс]: Российский общеобразовательный портал. – Режим доступа: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12793.
2. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – С. 93.
3. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – С. 191, 192.

4. Дацышен В.Г. Четыреста лет истории русско-китайских отношений. Ч. 1. – Москва-Берлин, 2014. – С. 182.
5. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – С. 191, 192.
6. Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. – Минусинск: Типография А.Ф. Метелкина и Ко, 1914. – VIII+182 с.
7. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 [Электронный ресурс]: Российский общеобразовательный портал. – Режим доступа: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12793.
8. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 199.
9. Шанин В.Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. – Красноярск: Тренд, 2011. – С. 287.
10. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 204, 205, 226, 236.
11. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи // пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. – М.: Логос, 2002. – С. 164.
12. Дацышен В.Г. Четыреста лет истории русско-китайских отношений. Ч. 1. – Москва-Берлин, 2014. – С. 182.
13. Шанин В.Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. – Красноярск: Тренд, 2011. – С. 295.
14. Дацышен В.Г. Четыреста лет истории русско-китайских отношений. Ч. 1. – Москва-Берлин, 2014. – С. 182.
15. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 238.
16. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – С. 93, 175.
17. Бессонова Т.В. Возникновение и развитие понятия «мещане» в России в XVIII–XIX веках // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 148–150.
18. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 209.
19. Прокушев В.И. Канск. – Красноярск: Кн. изд-во, 1986. – С. 21, 22.
20. Бессонова Т.В. Возникновение и развитие понятия «мещане» в России в XVIII–XIX веках // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 146.

21. Безруких В.А., Быконя Г.Ф., Федорова В.И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.). – Красноярск: РАСТР, 2012. – 83.
22. Катывманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / вступ. ст. Л.П. Бердникова [Таежная страна Александра Кытманова]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 136.
23. Катывманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / вступ. ст. Л.П. Бердникова [Таежная страна Александра Кытманова]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 143.
24. Безруких В.А., Быконя Г.Ф., Федорова В.И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.). – Красноярск: РАСТР, 2012. – С. 63, 64.
25. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 218.
26. Разгон В.Н. Преемственность капиталов сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. – 2005. – С. 152–155.
27. Шанин В.Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. – Красноярск: Тренд, 2011. – С. 295.
28. Потанин Г.Н. Избранное. – Томск, 2014. – С. 135.
29. ГАКК, Ф. 173. Оп. 1. Д. 12. Л. 69–72.
30. Катывманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / вступ. ст. Л.П. Бердникова [Таежная страна Александра Кытманова]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 135.
31. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 208.
32. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 220.

Социально-политические процессы в деревне Западной Сибири после Февральской революции

В.Г. Кокоулин

Новосибирский государственный университет

В статье анализируются два одновременных процесса в деревне Западной Сибири после Февральской революции: анархические действия крестьян и политическая организация крестьянства. Отмечается неравномерность этого процесса в разных губерниях Западной Сибири. Сравниваются тексты крестьянских наказов и решения съездов крестьянских депутатов. Делается вывод о том, что причиной неравномерности социально-политического развития деревни была деятельность политических партий.

Ключевые слова: Сибирь, Февральская революция, деревня, политические партии.

Socio-political processes in the village of Western Siberia after the February revolution

V.G. Kokoulin

Novosibirsk State University

The article is devoted to two simultaneous processes in the village of Western Siberia after the February Revolution: the anarchic actions of the peasants and the political organization of the peasantry. The non-uniformity of this process in different provinces of Western Siberia is noted. The texts of peasant orders and the decisions of congresses of peasants' deputies are compared. It is concluded that the cause of the non-uniformity of the socio-political development of the village was the activity of political parties.

Key words: Siberia, February revolution, village, political parties.

В деревне Западной Сибири после Февральской революции шли два одновременных процесса. Во-первых, в деревне повсеместно фиксируется нигилизм и анархизм по отношению к государствен-

ной власти, который проявился в том, что крестьяне, узнав о свержении самодержавия, стали устанавливать собственные «правила поведения» – энергично приступили к лесозаготовкам, особенно в казенных лесах; отказывались платить налоги; почувствовав себя властью, стали устанавливать свои порядки. Во-вторых, крестьяне проявили достаточную организованность, чтобы избежать крайностей безвластия и не допустить гражданской войны в деревне. Если говорить о причинах этих явлений, то, на первый взгляд, все очевидно – в них проявился мелкобуржуазный характер крестьянства как класса. Однако эти проявления были неравномерными в разных частях Западной Сибири и не носили универсального характера. Соответственно, действовали и другие факторы, которые не столь очевидны и не вытекают из анализа классовой природы крестьянства.

Первый процесс наиболее ярко проявился в Томской губернии. Корреспондент «Народной Сибири», описывая события весны 1917 г., отмечал, что крестьяне «энергично рубили казенные леса», заготавливая строительные материалы не только для собственных нужд, но и для продажи. Несмотря на то что Томский временный комитет общественного порядка и безопасности объявлял о наказаниях за самовольную порубку леса, крестьяне все эти решения просто игнорировали. Точно так же они не обращали внимания на решения Томского губернского земельного комитета о недопустимости самовольных захватов земель. На Алтае в селе Петровском в марте 1917 г. появилось несколько солдат – местных жителей, которые вели агитацию среди крестьян за захват кабинетского имущества. Крестьяне под влиянием агитаторов стали собираться толпами около лесничества и кричать, что «кабинетских служащих следует бить». В донесении начальника Алтайского округа Кабинету при министерстве двора 15 марта сообщалось о массовых случаях самовольной порубки дров в ряде лесничеств. Подобные сообщения в адрес Томского Совета, губернского Народного собрания и других органов власти поступали всю весну и лето 1917 г. Когда речь шла о жизненных потребностях крестьян, они могли проявить и организованность. Так, в селе Феодосиха Новониколаевского уезда крестьяне постановили проверить у всех местных торговцев наличный товар и установили предельные цены на него. В Бийске крестьяне сами устанавливали цены и принуждали бийских торговцев продавать по ним товары [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Если сравнить эту ситуацию с Акмолинской областью, то там подобные явления наблюдались значительно реже. Дело, возмож-

но, в том, что сразу после Февральской революции Омский коалиционный комитет отправил по деревням и станицам Акмолинской области комиссаров, которые помогали крестьянам организовывать новые органы власти. Так, 16 марта на общем собрании 150 жителей станции Мариановки и поселка Курганской степной станицы по предложению присутствовавшего комиссара было решено организовать коалиционный комитет. Председателем комитета был избран местный крестьянин Л.Ф. Федоров. Также организовывались местные комитеты и в других селениях и станицах. Но и здесь фиксировались те же самоуправления крестьян, что и в соседних губерниях. Так, в тех селениях, куда комиссары не доехали, крестьяне сами организовывали местные комитеты. Однако характерно, что крестьяне, соглашаясь на создание комитетов, вовсе не собирались выполнять все их требования. Более того, они вскоре начали диктовать власти свои условия, отказываясь от прежних повинностей и податей. Так, 10 марта на заседании Омского коалиционного комитета было заслушано сообщение представителя Калачинского коалиционного комитета о том, что крестьяне отказываются сдавать зерно по нормированной цене, находя ее слишком низкой. Представитель Калачинского комитета предлагал повысить ее до 2 руб. за пуд, поскольку до повышения цены крестьяне хлеб не повезут, несмотря на достаточные запасы. Затем представитель заинтересовался, потребуется ли реквизиция хлеба в случае дальнейшего отказа сдавать зерно. Представителю было разъяснено, что реквизировать хлеб на станции Калачинской может только уполномоченный по заготовке хлеба для армии [8].

Об организованности крестьян свидетельствуют съезды крестьянских депутатов, проходившие в разных городах Западной Сибири весной – летом 1917 г. Однако здесь возникает проблема: насколько решения Советов крестьянских депутатов отражали интересы крестьянства? Для ее решения можно сравнить наказания крестьян и решения крестьянских съездов.

В Томске I крестьянский съезд представителей от волостей Томского и Кузнецкого уездов открылся 25 марта. Присутствовало 170 крестьян от 31 волости. Большинство приехали с наказами (или, как их называли, приговорами) о крестьянских нуждах, среди которых были требования демократической республики, земли, агрономической помощи населению, устройство школ, больниц, аптек по деревням, отделения церкви от государства, свободы слова, печати, собраний, союзов, совести и т.п. В повестке дня были

следующие пункты: самоуправление, продовольственная проблема, земельный вопрос, подготовка к выборам в Учредительное собрание, организация крестьянского союза. Центральным на съезде был, естественно, земельный вопрос. В принятой резолюции отмечалось, что земля должна быть передана в общенародное достояние с запретом купли и продажи; до созыва Учредительного собрания все кабинетские, удельные и прочие казенные земли передавались в распоряжение местных народных собраний, которые должны были установить порядок пользования ими на «трудовых началах»; помещичьи и частновладельческие земли передавались в общенародное достояние без выкупа. Съезд утвердил устав Крестьянского союза, предложил создать общесибирский автономный крестьянский союз, который входил бы в состав всероссийского крестьянского союза на федеративных началах. На местах должны были быть созваны народные собрания вплоть до губернских, которые подчиняются Государственной Думе, созданной для управления государством [9; 10; 11]. Как видно, в решениях съезда, помимо собственно крестьянских требований, можно увидеть эсеровские и областнические лозунги, которые были включены в резолюции под влиянием доминировавших на съезде эсеров.

Обратимся теперь к Акмолинской губернии. Так, в марте 1917 г. в наказе Троицкого волостного Совета Тюкалинского уезда в создаваемый Совет крестьянских депутатов в Омске зафиксированы следующие требования крестьян: 1) немедленный созыв Учредительного собрания, 2) всеобщее обязательное обучение, 3) отчуждение всех земель в пользу трудящихся, 4) замена по окончании войны армии народным ополчением, 5) введение подоходно-прогрессивного налога, 6) освобождение на сельские работы солдат из местных дружин для обсеменения полей. В наказе жителей поселка Ольгинского территории Сибирского казачьего войска были изложены требования демократической республики, передачи земли в собственность народа, войны до полной победы, уничтожения сословий, бесплатного обучения, организации лавки для «понижения appetитов коммерсантов», избрания милиции из местных жителей, народного суда [12]. Поступали наказания от других селений с аналогичными требованиями.

Посмотрим, как это было реализовано на I Западно-Сибирском съезде Советов крестьянских депутатов, который открылся в Омске в конце марта 1917 г. На нем присутствовали представители от Омского, Петропавловского, Тюкалинского, Тарского, Павлодарского

и Каинского уездов. На съезд явились Коалиционный комитет в полном составе, командующий войсками округа генерал-майор Григорьев, правительственный комиссар Степного края И.П. Лаптев, члены исполнительного комитета Совета рабочих и военных депутатов. Всего было 336 делегатов с решающим и 39 делегатов с совещательным голосом. В повестке дня съезда значились следующие пункты: 1) о местном самоуправлении, 2) продовольственная проблема, 3) земельный вопрос, 4) об отношении к войне, 5) об отношении к Временному правительству, 6) об отношении к Коалиционному комитету. Были зачитаны указы об Учредительном собрании, демократической республике, принудительном отчуждении церковных, монастырских, кабинетских, удельных и частных земель, уничтожении института крестьянских начальников, перестройке областного и уездного управлений [13]. Если сравнить повестку заседаний съезда, то видно, что все экономические и политические требования крестьян она отражает полностью.

По первому пункту повестки выступило почти 30 ораторов, причем все отмечали, что необходимо создать сельские и волостные комитеты. Говорилось и о создании районных комитетов в существовавших до революции районах действия крестьянских начальников и станковых приставов. Но большинство высказалось против создания этой лишней надстройки, и было решено связать волостные исполнительные комитеты с уездными. Представители Омского Совета рабочих и военных депутатов социал-демократы Ф.Г. Виноградов, Н.Н. Суслов и А.Н. Гладышев настаивали на организации так называемой Областной думы, органа государственной власти в области. О том, как эта конструкция власти виделась им, можно судить по рекомендации исполкома Омского Совета рабочих и военных депутатов, переданной в президиум съезда. В ней разъяснялось, что «необходимо создать особую временную Областную думу из представителей Советов рабочих и военных депутатов, Совета крестьянских депутатов и городского самоуправления, пополненных демократическими элементами, определив район ее действий районом действий Омского Совета крестьянских депутатов». К ее ведению должны были относиться «все вопросы общеобластного характера и вопросы, связанные с проведением в жизнь по области мер общегосударственного характера, принимаемых Временным правительством». Эта Временная Областная дума должна была включать 100 человек: от Совета крестьянских депутатов – 50, Омского Совета рабочих и военных депутатов – 20, Омского городского

самоуправления – 10; 20 мест отводилось городским общественным самоуправлениям и Советам рабочих и военных депутатов округа действия Областной думы. Однако когда эта рекомендация была зачитана на съезде, эсер П.Я. Дербер стал возражать, что это есть способ подчинить крестьян рабочим, а крестьянам нужен свой орган. В итоге съезд постановил отклонить предложение о создании Областной думы [14]. Характерно, что предложение о создании Областной думы выдвигали социал-демократы, а не эсеры, как это было в Томске; а отклоняли ее эсеры, в то время как в Томске против нее выступали социал-демократы.

По земельному вопросу выступил П.Я. Дербер. Он вкратце изложил три основные программы: социал-демократов, социалистов-революционеров и кадетов, причем старался втолковать крестьянам, что социал-демократы прежде всего смотрят на крестьян как на мелкую буржуазию, которая «не может идти к новой жизни». Эсерами была предложена резолюция об отмене частной собственности на землю и переходе ее в пользование народа на уравнильно-трудовых началах. Однако до созыва Учредительного собрания «пользование землей остается на старых законах», не допускается захвата как казенных, так и частных земель, лесов, а также самовольного пользования ими. Эта резолюция была принята делегатами съезда [15; 16].

На заседании 31 марта была принята предложенная эсерами резолюция об отношении к войне, которая «во имя укрепления нашей свободы должна продолжаться до победного конца» [17]. Таким образом, съезд крестьянских депутатов остался на оборонческих позициях. Однако это вовсе не означало готовность непосредственно участвовать в войне, которая шла где-то далеко, а было лишь риторическим проявлением «патриотизма», от которого не осталось и следа через некоторое время, когда стал популярным лозунг «Долой войну».

Если сравнить решения этого съезда с решениями, принятыми в Томске, то видна очевидная разница – в Омске областнические лозунги оказались непопулярными даже среди эсеров, хотя те же эсеры реализовывали эти лозунги в Томской губернии.

Уездный съезд Советов в Барнаульском уезде прошел в середине июня 1917 г. Съезд постановил организовать волостные Советы крестьянских депутатов, главной задачей которым ставилась подготовка к выборам в Учредительное собрание. В резолюции съезда крестьянских депутатов Славгородского уезда, проходившего 18–

24 июня, требовалось установить народное самоуправление на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов; выборность и сменяемость всех должностных лиц; бесплатное обучение детей; создание вместо постоянного войска народного ополчения; передачу всех земель в общее достояние всего трудового народа на началах уравнительного землепользования; окончание войны и заключение мира без аннексий и контрибуций. Отмечалось, что до Учредительного собрания власть должна принадлежать Временному правительству под контролем Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. На съезде представителей от волостей и Советов крестьянских депутатов Бийского уезда 25–26 июня были организованы уездные и волостные земельные комитеты и одобрен доклад о недопустимости самовольного захвата земли [18; 19].

Этот съезд проходил уже в иных условиях, когда первый революционный порыв в значительной степени угас, однако и здесь были сформулированы те же требования, что и в соседних губерниях. Однако эсеровских и областнических лозунгов не звучало вовсе.

Таким образом, мы видим неравномерность развития политических процессов в деревне в разных губерниях Западной Сибири. Очевидно, что схожесть требований определялась социально-классовой природой западно-сибирского крестьянства, а разница в требованиях – лозунгами политических партий, их активностью и организованностью, умением работать в деревне и среди крестьянских депутатов на съездах.

Литература

1. Известия Новониколаевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. 18 июля.
2. Народная Сибирь (Новониколаевск). – 1918. 27 окт.
3. Свободная Сибирь (Новониколаевск). – 1917. 21, 23 марта.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 17. Л. 27, 56.
5. Борьба за власть Советов на Алтае: Исторический очерк. – Барнаул, 1957. – С. 39, 63.
6. Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917–1919 гг. – М., 1959. – С. 23, 24, 29, 30.
7. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917–1919 гг.). – Барнаул, 1957. – С. 29–31, 36, 38, 39.
8. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 32. Л. 42–47.

9. Известия Совета солдатских депутатов томского гарнизона. – 1917. 29 марта.

10. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 746. Л. 1–14.

11. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 г. – ноябрь 1918 г.). – Томск, 1992. – Ч. 1. – С. 15, 16.

12. ИАОО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 35. Л. 68, 133.

13. ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 191. Л. 17.

14. ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 191. Л. 17–20.

15. ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 191. Л. 22, 23.

16. ИАОО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 90.

17. ГАО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 191. Л. 23, 24.

18. Борьба за власть Советов на Алтае: Исторический очерк. – Барнаул, 1957. – С. 64.

19. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 г. – ноябрь 1918 г.). – Томск, 1992. – С. 21–25, 27.

УДК 378.174:94

Историческая наука и образование в Сибирском федеральном университете

Э.Г. Колесник, М.Г. Тарасов, Е.А. Лисина
Сибирский федеральный университет

Статья посвящена истории формирования и развития исторической науки и исторического образования в КрасГУ – СФУ на протяжении последних пятидесяти лет. Авторы рассматривают кадровый состав и руководство структурных подразделений университета, ответственных за научную и преподавательскую работу. Особое внимание уделяется процессу формирования научных направлений и школ, научной специализации профессиональных коллективов и отдельных исследователей.

Ключевые слова: Красноярский государственный университет, Сибирский федеральный университет, историческая наука, историческое образование.

Historical science and education in the Siberian Federal University

E.G. Kolesnik, M.G. Tarasov, E.A. Lisina
Siberian Federal University

The article is devoted to the history of formation and development of historical science and historical education in KSU – SFU for the last fifty years. The authors consider the staffing and management of the university's structural units responsible for scientific and teaching work. Particular attention is paid to the formation of scientific trends and schools, the scientific specialization of professional collectives and individual researchers.

Key words: *Krasnoyarsk State University, Siberian Federal University, historical science, historical education.*

Историческая наука и образование в Сибирском федеральном университете имеют богатые традиции. Хотя сам СФУ был создан в только в 2006 г., его ядро – Красноярский государственный университет (КрасГУ) существовал с 1963 г. сначала как филиал Новосибирского государственного университета, а с 1969 г. – как самостоятельное высшее учебное заведение. В силу специфики того периода отечественной истории все студенты в обязательном порядке должны были овладеть господствующей идеологией – коммунизмом и знать историю строительства социализма в нашей стране. Для этого в каждом вузе существовала кафедра истории КПСС, преподаватели которой несли студентам политические знания. В Красноярском государственном университете ситуация была несколько другая. В 1963 г. здесь была создана кафедра общественных наук, которая объединила преподавателей отечественной истории, истории КПСС, философии и социологии. Длительное время ее заведующим был В.В. Гришаев, выпускник Московского государственного университета и Института общественных наук при ЦК КПСС, доктор исторических наук, профессор. Именно кафедра общественных наук стала центром исторической науки не только в Красноярском государственном университете, но и в Красноярске в целом. Здесь рабо-

тали такие известные в Красноярске ученые-историки, как доктор исторических наук, профессор В.В. Гришаев, доктор философских наук, профессор А.Я. Райбекас, кандидат исторических наук, профессор И.А. Прядко, кандидат исторических наук, доцент С.С. Ставерова, кандидат исторических наук, доцент кандидат исторических наук, доцент В.В. Головач, кандидат исторических наук, доцент А.Г. Грязнухин, доцент Г.И. Погребной и др.

В 1969 г. из кафедры общественных наук выделилась кафедра истории КПСС, собравшая всех специалистов-историков. Следует отметить, что, несмотря на столь официальное название, ученые, работавшие здесь, занимались не только политической историей XX века, но и историей экономики, историей социальных процессов, военной историей и др. [2].

В связи с изменениями, произошедшими в политической жизни страны, в 1991 г. кафедра истории КПСС Красноярского государственного университета была преобразована в кафедру политической истории, а затем, в 1992 г., в кафедру истории России. При этом и руководство кафедрой, и ее кадровый состав остался неизменным. Все это позволило сохранить преемственность в красноярской исторической науке в 1990-е гг., в период всеобщей нестабильности и пересмотра основополагающих ценностей.

В 1999 г. в рамках факультета филологии и журналистики Красноярского государственного университета было открыто отделение истории, философии и политологии. Инициаторами открытия отделения были доктор исторических наук, профессор В.В. Гришаев, доктор философских наук, профессор А.Я. Райбекас, кандидат исторических наук, профессор И.А. Прядко. В том же году прошел первый набор студентов по специальности «История России». Спустя несколько лет добавилась новая специальность – «Историко-архивоведение». В 2006 г. отделение было преобразовано в самостоятельный историко-философский факультет университета.

С начала 2000-х гг., когда ситуация в стране постепенно начала стабилизироваться и руководство России стало больше внимания уделять высшему образованию, возникла идея создания федеральных университетов, которые должны были стать центрами не только инновационного образования, но также фундаментальной и прикладной науки. В рамках этого в 2005 г. Красноярске на базе Красноярского государственного университета был создан Сибирский федеральный университет, в состав которого, помимо КрасГУ, вошли Красноярская государственная архитектурно-строительная академия (КрасГАСА),

Красноярский государственный технический университет (КГТУ), Красноярский государственный институт цветных металлов и золота (КГУЦМиЗ) (позднее, в 2016 г., в состав СФУ вошел Красноярский государственный торгово-экономический институт (КГТЭИ). Вместе с кафедрой прикладной информатики, пришедшей вместе с Красноярским государственным техническим университетом, в СФУ появилась новая специальность для подготовки студентов – «Прикладная информатика в музейном деле». Заведующим кафедрой был М.В. Румянцев, позднее директор Гуманитарного института СФУ (с 2005 г.) и проректор СФУ по учебной работе (с 2013 г.). Основным направлением научной деятельности кафедры является виртуальная реконструкция памятников истории культуры.

Создание нового вуза потребовало реорганизации всего сектора гуманитарного образования и науки. В рамках этой задачи был создан отдельный Гуманитарный институт, куда вошли историко-философский, искусствоведческий факультеты, факультет прикладной информатики. Первым директором института стала кандидат философских наук, доцент Г.У. Аминова. В этот период, в 2005 г., на историко-философском факультете и была создана новая кафедра – кафедра всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Как случилось и раньше, она выделилась из кафедры истории России. Во главе ее встал крупный ученый-востоковед, один из ведущих специалистов России по русско-китайским отношениям, доктор исторических наук, профессор В.Г. Дацышен, перешедший в Сибирский федеральный университет из Красноярского государственного педагогического университета им В.П. Астафьева. В состав кафедры вошли преподаватели кафедры истории России, чьи научные интересы были связаны со всеобщей историей, этнографией, археологией: доктор исторических наук, профессор В.П. Кривоногов, кандидат исторических наук, доцент Э.Г. Колесник, кандидат исторических наук, доцент П.В. Мандрыка, кандидат исторических наук, доцент Л.А. Кутилова, кандидат исторических наук, доцент, Т.Ш. Уметбаев и др. [1].

Признанием высокого уровня образования специалистов-историков, получаемого в КрасГУ-СФУ, является тот факт, что с 2013 г. Гуманитарный институт СФУ возглавляет выпускник отделения истории философии и политологии, кандидат исторических наук, доцент Д.Н. Гергилев.

В 1999 г. в Красноярском государственном университете при отделении истории, философии и политологии была создана лаборато-

рия археологии и этнографии Сибири. Бессменным главой лаборатории с момента ее основания является кандидат исторических наук, доцент П.В. Мандрыка. Основными направлениями научной работы лаборатории является бронзовый век, археология раннего железного века Сибири, средневековье Приенисейского края.

В 2008 г. в Сибирском федеральном университете, при Гуманитарном институте организована лаборатория естественнонаучных методов в археологии и истории. Главой лаборатории с момента ее основания является кандидат исторических наук (с 2012 г. доктор исторических наук), доцент В.С. Мыглан. Основными направлениями работы лаборатории являются дендрохронология и палеоэкология Сибири.

Историческая наука в Красноярском государственном университете – Сибирском федеральном университете прошла большой путь. За более чем полувековой отрезок времени история из второстепенной дисциплины превратилась в одно из главных направлений научной и образовательной деятельности Сибирского федерального университета. Возник Гуманитарный институт, где ведущие места занимают кафедры истории России и всеобщей истории. Появилась аспирантура, которая готовит ученых по специальностям «Отечественная история» и «Всеобщая история». В завершающей стадии находится подготовка к открытию диссертационного совета по отечественной истории. В связи с переходом на Болонскую систему была организована магистратура по специальностям «История России», «История Азии и Африки» и «История Сибири». Готовится открытие магистратуры по специальности «Археология». Налажены связи в рамках сетевой магистратуры, и наши студенты могут пройти стажировку по специальности «Отечественная история» в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), Северо-Кавказском федеральном университете (Ставрополь), Дальневосточном федеральном университете (Владивосток). Готовятся соглашения о сетевой магистратуре с Балтийским федеральным университетом (Калининград), Витебским государственным университетом (Белоруссия). По специальности «История Сибири» готовятся договоры с Тувинским государственным университетом (Кызыл), Хакасским государственным университетом (Абакан). На бакалавриате студенты традиционно проходят подготовку по базовой специальности «История России». В Гуманитарном институте успешно работают три «исторические» лаборатории – лаборатория археологии и этнографии Сибири, ла-

боратория естественно-научных методов в археологии и истории и лаборатория прикладной информатики.

Таким образом, в Сибирском федеральном университете сложилась система по подготовке специалистов-историков, начиная с бакалавриата, через магистратуру и аспирантуру до диссертационного совета. Сложилось основные направления исторических исследований, включающих социальную историю Сибири, историю русско-китайских отношений, археологию и палеоэкологию Сибири, виртуальную реконструкцию памятников истории и культуры и многие другие. Развитие исторической науки, исторического образования в Сибирском федеральном университете имеет ярко выраженную положительную динамику и ясные, большие перспективы.

Литература

1. Дудникова А.В., Колесник Э.Г. Кафедра всеобщей истории Сибирского федерального университета и изучение истории международных отношений // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции «Дипломатия на Востоке». 25.05–03.06.2015. Красноярск – Пекин. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – С. 29–30.

2. Историко-философский факультет // Красноярский государственный университет. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2004. – С. 8–9.

УДК 94:336.763.3(47+57)18/19

Деятельность банкирских домов в дореволюционное время как один из этапов развития банковского дела в Российской империи

А.А. Кондратьева
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается становление и развитие отечественных банкирских домов в дореволюционное время. Анализируется основной вид деятельности данных учреждений. Выделены основные центры развития

семейного банковского дела. Рассматривается частное банковское дело в Енисейской губернии на примере крупных семейных фирм.

Ключевые слова: *банкирские дома, конторы, дореволюционное время, предприниматели, семья, Енисейская губерния.*

The activities of banking houses in the pre-revolutionary period as one of the stages in the development of banking in the Russian Empire

A.A. Kondrateva
Siberian Federal University

The article examines the formation and development of domestic banking houses in pre-revolutionary times. The main activity of these institutions is analyzed. The main centers for the development of family banking have been singled out. Private banking in the Yenisei province is considered with the example of large family firms.

Key words: *banking houses, offices, pre-revolutionary time, entrepreneurs, family, Yenisei province.*

Навыки делового банковского дела дореволюционной России вызывают интерес в связи с переходом к рыночной системе и усилением роли частного предпринимательства в современной экономике страны. Наиболее характерным периодом в изучении банковского дела и коммерции является вторая половина XIX – начала XX в., как наиболее благоприятный период для коммерческой деятельности частных лиц в результате проведения либеральных реформ.

Специфические особенности имеет данная тематика в региональном аспекте, на примере финансовой жизни Енисейской губернии.

Банкирскими домами (конторами) всегда называли частные кредитно-финансовые учреждения, выступавшие в роли ростовщиков. Отличительной особенностью контор от домов не существовало. В большинстве случаев домами именовались более крупные и успешные организации, но порой это не означало превосходство в имеющихся капиталах. Чаще всего данные учреждения принадлежали частным лицам – банкирам или группе предпринимателей с неограниченной ответственностью. Однако подавляющее большинство банкирских домов были семейным бизнесом, семейными банковскими учреждениями.

От банкирских домов и контор, видимо, отличались меняльные лавки, также относившиеся к заведениям частного банкирского промысла, так как их основной операцией был обмен денег [1].

Первоначальными и основными функциями банкирских домов были торговые, банковские и эмиссионные операции. Сфера интересов затрагивала прежде всего международную торговлю, ценные иностранные бумаги и миграцию капиталов.

Ко второй половине XIX в. сформировалось несколько крупных центров по развитию «семейных гнезд» банковского дела. В первую очередь, стоит отметить обе столицы – Москву и Санкт-Петербург, а также Прибалтику, Одессу, Польшу.

Самым влиятельным банкирским учреждением столицы стал в 1859 г. банкирский дом «И.Е. Гинцбург», семья, разбогатевшая на винных откупах в западных губерниях России. Банкирский дом Гинцбургов имел широкую известность и банковские связи не только в России, но и за рубежом. В качестве зарубежных партнеров дом Гинцбургов выбрал Ротшильдов – семью с самым крупным состоянием в мире.

Не менее известным был банкирский дом Лазаря Полякова в Москве. Оба финансовых учреждений играли большую роль в экономике дореволюционной России и в центрах банковского дела – Москве и Петербурге.

По данным Министерства финансов в 1889 г. «обороты 24 банкирских домов составляли 1 млрд руб., 228 банкирских контор – свыше 2,1 млрд руб. и, наконец, меняльных лавок – 135 млн» [2].

Отличительной особенностью банкирских контор от других кредитных учреждений была безотчетная деятельность. Однако многие банкирские дома все же выпускали отчеты, сведения, брошюры о внутренней деятельности для привлечения капиталов от населения.

В первой половине XIX в. в Енисейской губернии особое положение занимала привилегированная верхушка податного населения – гильдейские купцы. Большинство из сибирских купцов обогатилось за счет золотопромышленности. Купцы платили гильдейскую подать казне – 4% от объявленного капитала, а также вносили 0,25 % на расходы по самоуправлению и городскому хозяйству [3].

Самой влиятельной в губернии была семья Кобычевых, их семейным делом была торговля различными российскими и китайскими товарами. Известна династия П.М. Кытманова – золотопромышленника, обогатившегося на поставках товаров на прииски. Также

к числу гильдейских купцов и предпринимателей принадлежали В.И. Базилевский, Баландины, Баргашевы, Гадаловы, Кузнецовы, Щеголевы. Гильдейское купечество занимало высокое положение в финансовой сфере губернии, присваивая значительную долю прибыли в промышленности и торговле.

В конце XIX в. в Енисейской губернии торговый капитал сливался с промышленностью, так как один и тот же человек был и купцом, и промышленником. Специфической особенностью региона было наличие семейных контор (фирм), как форма централизации бюджета. Одно из известных таких объединений в 1888 г. – «Николай Герасимович Гадалов и сыновья», сферой деятельности которого, помимо золотопромышленности, стало вино. Торговый дом Тонконоговых занимался торговлей в Туруханском крае. Существовали еще многие семейные компании: «Наследники Переплетчикова», компании «Кытманов И.А. и К°», «Данилов И.А. и К°», Товарищество Востротиных.

Несомненно, частное банковское дело Енисейской губернии отличалось от российских контор. Порой даже общий капитал всех сибирских предпринимателей не мог сравниться с капиталом одного российского банкира. По этой причине сибирские купцы продавали свои акции, либо им удавалось выйти на более высокий уровень в финансовой пирамиде.

Многие банкирские дома и конторы не были честными и ответственными учреждениями, так как из-за отсутствия официального устава и подотчетности правительству в таких учреждениях часто имели место махинации, вместо того чтобы хранить деньги вкладчиков, спекулянты часто играли чужими деньгами на биржах [4].

Развитие коммерческого дела стало снижать авторитет банкирских домов, их капиталы стали неуклонно сокращаться.

Таким образом, к началу XX в. на смену многим банкирским домам пришли крупные коммерческие и инвестиционные учреждения. Тем не менее не все конторы исчезли, некоторые возглавили крупные финансово-промышленные группы. Как правило, они оставались теми же семейными банкирскими домами, хоть и были преобразованы в акционерные банки.

Литература

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. – М., 1991.
2. Селищев А.С. Деньги. Кредит. Банки. – СПб., 2007. – С. 370.

3. Быконя Г.Ф., Федорова В.И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.). – Красноярск, 2012.

4. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М., 1997. – С. 98.

УДК 94:061.2

**Особенности организации предприятий
с коллективным собственником
в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.**

Е.Е. Кушнаренко
Сибирский федеральный университет

В статье раскрываются особенности организации и деятельности предприятий с коллективным собственником, действовавших в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. На основе опубликованных источников и архивных данных охарактеризованы такие предприятия, как торговые дома и акционерные компании. Особое внимание в статье уделено золото-промышленным акционерным обществам, игравшим большую роль в развитии Енисейской губернии в этот период.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, торговые дома, акционерные золотопромышленные компании, акционерные коммерческие банки.

**Features of the organization of enterprises
with a collective owner in the Yenisei province
in the late XIX – early XX centuries**

E.E. Kushnarenko
Siberian Federal University

In the article the peculiarities of organization and activity of enterprises with the collective owner, acting in the Yenisei province in the late XIX – early XX centuries On the basis of published sources and archival data is characterized by companies such as trading houses and joint-stock company. Special attention is

paid to gold-mining companies, which played a major role in the development of the Yenisei province during this period.

Key words: *Siberia, Yeniseisk province, trading houses, joint-stock gold mining company, joint-stock commercial banks.*

В России предприятия с коллективным собственником начали появляться с начала XIX в. В Западной Европе подобные предприятия к этому времени функционировали преимущественно в форме акционерных обществ. Как отмечает исследователь С.В. Калмыков, в Россию акционерная форма пришла уже как полностью сформировавшийся институт, который только было необходимо адаптировать к российским правовым и экономическим условиям [1].

В результате приспособления ассоциированных форм предпринимательской деятельности к местным условиям в России сформировались два основных вида предприятий с коллективным собственником – торговые дома и акционерные (паевые) общества. Торговые дома в России начали появляться после выхода в 1807 г. манифеста «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». В это время сложились две организационные формы торговых домов – товарищество полное и товарищество на вере (или, как его еще называли, – коммандитное общество). Товарищества полные представляли собой небольшие, преимущественно семейные, предприятия. Товарищества же на вере (коммандитные общества) выступали как более высокая форма ассоциирования. По мнению А.Н. Боханова, главное отличие полного товарищества от коммандитного общества заключалось в том, что вкладчики последнего доверяли свой капитал руководителям дела, при этом не участвуя непосредственно в управлении. Обычные вкладчики отвечали в случае банкротства только своими вкладами, в то время как вкладчики-учредители, которые в большинстве случаев занимались и управлением предприятия, в подобном случае несли личную имущественную ответственность [2].

С конца XIX в. количество торговых домов в России постоянно возрастало. Так, по данным, полученным Министерством финансов от городских и купеческих управ, к 1 января 1893 г. в 96 пунктах Российской империи было зарегистрировано более 1300 торговых домов, к 1911 г. их количество увеличилось до 6063, а к 1913 г. – до 9202 [2].

Товарищества полные и на вере являлись негосударственными торгово-экономическими институтами, создаваемыми по инициа-

тиве самих предпринимателей на договорной основе. Главным документом при организации торгового дома выступал заверенный нотариально товарищеский договор, в котором обговаривались все обязанности и права сторон, участвовавших в деле.

Так, в соответствии с товарищеским договором от 6 июня 1909 г. в г. Красноярске купцом А.Г. Калугиным и крестьянином С.Т. Ошкурковым был организован торговый дом «Калугин и Ошкурков» для продажи галантерейной продукции. В связи с тем, что данное торговое предприятие организовывалось в форме полного товарищества, управление и заведование делами торгового дома принадлежало обоим товарищам как полноправным представителям фирмы. В договоре стороны обязывались отвечать за долги вместе, причем не только внесенным в дело капиталом, но и всем прочим имуществом, находящимся при магазине. По вышеупомянутому договору полученная по балансу чистая прибыль распределялась поровну между товарищами, однако в связи с тем, что Ошкурков внес в общий капитал товарищества 9 тыс. руб., а его товарищ – 45 тыс. руб., последний должен был получать 8 % годовых на свою большую часть капитала до тех пор, пока часть его взноса не поравняется с частью Ошкуркова. Кроме того, договор предусматривал такие жизненные обстоятельства, как выход одного из членов из товарищества, смерть одного из товарищей и т.д. [3].

Торговые дома создавались явочным порядком, что чрезвычайно облегчало процесс их легализации. Так, 11 ноября 1913 г. на заседании Красноярской городской управы слушалось заявление Л.А. Ициксон, А.Я. Ициксон и Я.М. Ананьева об учреждении ими полного товарищества «Торговый дом Ициксон и К^о». Члены управы постановили: внести копию договора об образовании нового торгового дома в книгу торгово-промышленных товариществ, об учреждении товарищества донести Департаменту торговли и промышленности, а членам нового товарищества выдать удостоверение о явке договора [4].

Торговые дома прежде всего защищали интересы представителей средней буржуазии. Главной целью, которую преследовали предприниматели, объединяя свои усилия и капиталы в рамках одного торгового предприятия, являлось получение наибольшей прибыли от своего дела. Представители крупной буржуазии также создавали торговые дома, однако для крупных предпринимателей было характерно совмещение торговой деятельности с производственной. Данное явление было присуще всему сибирскому региону, где окон-

чительно так и не произошло отделение торгового капитала от промышленного.

Еще одна особенность развития торговых домов в Енисейской губернии – преобладание среди них семейных полных товариществ, в то время как в Европейской России уже к началу Первой мировой войны все большее значение приобретали товарищества на вере, капиталы которых превышали капиталы полных товариществ.

Наряду с торговыми домами к предприятиям с коллективным собственником можно отнести акционерные и паевые компании, которые, как отмечает А.Н. Боханов, являлись высшей ассоциированной формой капитала. Подобную точку зрения высказывает исследователь Е.П. Хорькова, которая подчеркивает, что, с одной стороны, акционерная форма ограничивала предприимчивость отдельных промышленников, вынужденных согласовывать свои интересы в единой компании. Однако, с другой стороны, «акционерная деятельность поднимала предпринимательство на более высокую ступень организации» [5].

В Енисейской губернии акционированием была охвачена самая развитая здесь сфера промышленности – золотодобыча. Данный вид промышленности по сумме вложенных капиталов, по объему производства и по числу занятых в нем рабочих занимал первое место [6]. К концу XIX в., в связи с истощением золотых запасов, которые можно было добыть, используя мануфактурную форму организации предприятия, возникла острая необходимость технического совершенствования способов золотодобычи и перехода к фабричному способу производства. Однако, как отмечает исследователь В.И. Федорова, техническое перевооружение данной отрасли «наталкивалось на нехватку капиталов, концентрация которых тормозилась общей отсталостью края» [7]. Данное обстоятельство, по ее мнению, стимулировало процесс акционирования в золотопромышленности. Именно акционерная форма организации производства, по мнению другого исследователя – С.В. Калмыкова, позволяла максимально мобилизовать и вкладывать в производство временно свободные капиталы, обеспечивая тем самым гораздо более быстрый темп развития экономики [1].

В конце XIX – начале XX в. в Енисейской губернии появляются первые паевые и акционерные общества, крупнейшими из которых в этот период становятся акционерное общество Минусинских приисков (1890 г.), Боровинская компания (1896 г.), «Драга» (1898 г.), Александровская компания (1903 г.) Северо-Енисейская компания

(1905 г.) и т.д. Золотопромышленники, объединяясь в акционерные (паевые) компании, осуществляли техническую перестройку своего мануфактурного производства в фабричное. В итоге к 1914 г. 95 % золота в Енисейской губернии было получено на фабриках при помощи драг, в то время как в целом по России при помощи драг добывалось только 25 % золота [8].

Различия между паевыми и акционерными компаниями с правовой точки зрения практически отсутствовали. Однако на практике акционерные общества имели возможность привлечения большего количества капиталов путем выпуска дополнительных пакетов акций. В связи с этим некоторые товарищества на паях стремились преобразоваться в акционерные компании. Так, в 1902 г. товарищество на паях «Драга» преобразовалось в акционерное общество. В объяснительной записке к своему уставу члены-учредители «Драги» главную причину создания акционерного общества из паевого товарищества связывали с необходимостью повышения производительности компании, которая могла быть достигнута только путем приобретения большего количества драг, для чего требовалось увеличение капитала с 155 тыс. руб. до 500 тыс. руб. [9].

Способ организации и управления акционерными (паевыми) обществами носил достаточно демократический характер. Администрация акционерных компаний состояла из правления, избиравшегося исключительно из числа акционеров, и ревизионной комиссии, в которую не могли быть избраны члены правления. Так, в 1912 г. на 13-м общем собрании акционерного общества «Драга» членами правления были избраны К.И. Кусков, Ф.А. Козловский, В.А. Савиных, а в ревизионную комиссию вошли И.И. Кусков, М.М. Самохвалов и В.Н. Сушнов [10]. Периодически предприниматели – члены той или иной компании созывали собрания для решения различных вопросов и координации своих действий. В соответствии с уставом акционерного общества «Драга» общие собрания акционеров делились на обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные собрания созывались ежегодно правлением для рассмотрения и утверждения отчета и баланса, для избрания членов правления. Чрезвычайные собрания могли быть созваны в любое время как правлением, так и самими акционерами для решения особо важных для компании вопросов [11].

Основные проблемы, которые затрагивались на собраниях, носили хозяйственно-экономический характер. Члены акционерного общества «Драга» согласовывали между собой действия по приобретению и аренде золотых приисков, обсуждали вопросы относи-

тельно разведки новых приисков, договаривались по поводу приобретения оборудования для добычи золота [12]. Собрания акционеров обсуждали и вопросы распределения доходов компании. После рассмотрения годового отчета собрания акционеров в некоторых обществах распределяли размеры прибыли и дивидендов в зависимости от дохода компании. В 1906 г. собрание акционеров общества «Драга» установило размер дивидендов в 5 %, а в 1915 г., в связи с увеличением доходов компании, – в 8 % [13].

Хотелось бы подчеркнуть, что общество «Драга» занималось не только разработкой приисков, но и комиссионной деятельностью, связанной с постройкой драг для других золотопромышленных компаний. С этой целью «Драга» установила деловые связи с иностранными машиностроительными компаниями Морган – Джеллибранд, А.Г. Бэрт-компания [14].

Необходимо отметить, что основными держателями акций были представители крупного капитала. Поэтому акционерные компании выражали интересы крупной буржуазии. Главной целью объединения предпринимателей в акционерные общества являлось получение прибыли путем привлечения дополнительных капиталов и расширения производства. Кроме того, промышленникам, объединившимся в акционерные компании, было легче отстаивать свои корпоративные интересы перед государственными органами. Так, в 1912 г. акционеры Российского золотопромышленного общества, владевшего приисками в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии, подали жалобу в Енисейское губернское по промысловому налогу присутствие, где указывали на неправомерное привлечение Российского золотопромышленного общества как акционерного предприятия, обязанного к публичной отчетности, к уплате раскладочного сбора с прибыли в сумме в 3098 руб. В результате решение о привлечении Российского золотопромышленного общества к выплате раскладочного сбора было отменено, так как отчетные предприятия по закону не подвергались данному виду обложения [15].

Акционерные компании золотопромышленников были тесно связаны с филиалами крупных коммерческих банков Енисейской губернии, развивая с ними сотрудничество.

В начале 90-х гг. XIX столетия правительство предоставило определенную свободу частной и общественной инициативе в деле создания негосударственных банков, центральное место среди которых занимали акционерные коммерческие банки. Количество данных финансовых учреждений увеличивалось быстрыми темпами.

С 1866 г. по 1874 г. в стране открылось 27 подобных банков, к 1900 г. их насчитывалось уже до 39 с более чем 240 отделениями, а к началу Первой мировой войны сеть акционерных коммерческих банков включала в себя 50 банковских учреждений с 778 отделениями [16].

Коммерческие банки создавались преимущественно в столице и наиболее крупных городах Европейской России, являвшихся промышленными, торговыми и финансовыми центрами. В Сибири так и не возникло ни одного местного частного коммерческого банка, однако здесь были созданы отделения некоторых центральных банков. Одним из первых акционерных банков, имевшим свои отделения во всей Сибири, стал Сибирский торговый банк, основанный в 1872 г. в Екатеринбурге [17]. Енисейская губерния отставала от других сибирских регионов по темпам создания и количеству отделений коммерческих банков. В пореформенный период подобные учреждения здесь все еще отсутствовали, а к 1912 г. в губернии существовало 4 отделения коммерческих акционерных банков [18], в то время как в целом по Сибири их количество примерно в этот же период (в 1914 г.) достигало 36. В Енисейской губернии были представлены отделения Сибирского торгового, Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков, которые находились в уездных городах – Красноярске, Канске и Минусинске [19].

По форме своего устройства представленные в Енисейской губернии отделения негосударственных коммерческих банков являлись *акционерными*. Высшим органом управления в них выступало общее собрание акционеров, которое избирало распорядительный орган – правление, принимало годовые отчеты банка, открыто публиковавшиеся затем в печати [20]. Данные банковские учреждения занимались кредитованием крупной промышленности и торговли. Так, Сибирский торговый и Русско-Азиатский банки прежде всего кредитовали золотопромышленные компании и отдельных крупных золотопромышленников Енисейской губернии – Гадалова, Кузнецова, Востротина и др.; Русский для внешней торговли банк, отделение которого находилось в Канске, преимущественно кредитовал хлебную торговлю.

Однако желание получить акционерными банками наивысшую прибыль при минимальном риске для себя приводило к тому, что менее доходные отрасли промышленности Енисейской губернии (лесная, стекольная, кирпичная и т.д.) были практически лишены возможности кредитования в подобных банках. Как отмечают современные исследователи, сибирские филиалы центральных рос-

сийских акционерных банков, обслуживая интересы крупного российского бизнеса, «вкладывали деньги и давали ссуды только под те проекты, где была возможна скорая прибыль и которые работали на обогащение евросибирского капитала» [21]. Акционерные коммерческие банки, отстаивая частные интересы промышленников, в большинстве своем оставались «глухи к интересам местного края, и их пожертвования в культуру, образование, здравоохранение сибирских городов были мизерны» [21].

Таким образом, наиболее развитыми предприятиями с коллективным собственником в Енисейской губернии были акционерные компании. Наибольшее распространение данная форма получила в золотодобывающей отрасли промышленности, которая занимала ведущее место в губернии. Золотопромышленные компании взаимодействовали с филиалами крупных коммерческих банков Енисейской губернии, развивая с ними сотрудничество на уровне горизонтальных связей. Золотопромышленные компании и обслуживающие их коммерческие банки отражали интересы крупного капитала и выступали самыми распространенными институциональными формами объединений крупной буржуазии.

Литература

1. Калмыков С.В. Организационные формы российского предпринимательства пореформенной эпохи // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 29.
2. Боханов А.Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 88–89.
3. ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 48. Л. 2–2 об.
4. ГАКК. Ф. 161, Оп. 1. Д. 151. Л. 255.
5. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. – М., 1998. – С. 358.
6. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 27.
7. Федорова В.И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. – Красноярск, 1999. – С. 69.
8. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 28.
9. ГАКК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

10. Протокол 13 общего собрания акционеров золотопромышленного общества «Драга». – Красноярск, 1912. – С. 5.
11. ГАКК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
12. Протокол 16 общего собрания акционеров золотопромышленного общества «Драга» в Красноярске. – Красноярск, 1915. – С. 12–14.
13. Протокол 5 общего собрания акционеров золотопромышленного общества «Драга» в Красноярске. – Красноярск, 1906. – С 4; Протокол 16 общего собрания акционеров золотопромышленного общества «Драга» в Красноярске. – Красноярск, 1915. – С. 5.
14. О-Ун-Дар К.У. Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год: дис. ... канд. истор. наук. – Красноярск, 2004. – С. 157.
15. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2369. Л. 1, 10.
16. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997. – С. 91.
17. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 260.
18. ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 68. Л. 60.
19. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 276.
20. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997. – С. 92.
21. Резун Д.Я. Финансы и деньги старой Сибири // ЭКО. – 1998. – № 10. С. 146.

Военный прогресс в контексте русских революций

С.В. Максимов

Сибирский федеральный университет

В статье анализируется роль военного прогресса в истории России. Особое внимание автор уделяет исследованию уровню военного прогресса в условиях больших социальных трансформаций. В первую очередь анализируется значение военного фактора в активизации народных масс. Показано, что под влиянием военного прогресса значительно повышается уровень радикализации населения.

Ключевые слова: *военный прогресс, армия, социальные трансформации, революция, радикализация населения, оборонительный характер.*

Military progress in the context of Russian revolutions

S.V. Maksimov

Siberian Federal University

The article examines the role of military technology in the history of Russia. The author pays special attention to the study of the level of military progress in terms of larger social transformations. First analyzes the importance of military factors in the revitalization of the masses. It is shown that under the influence of military technology significantly increases the level of radicalization of the population.

Key words: *military progress, the army, social transformation, the revolution, the radicalization of the population, defensive.*

Исследование военного прогресса как важнейшей составляющей социального прогресса включает в себя целый комплекс острых проблем современности: войны, мира, мирного сосуществования, особенностей научно-технического прогресса. Большое значение военный прогресс традиционно имеет и в революционном движении. Анализ различных концепций военного прогресса создает благоприятные условия для освещения особенностей революционных трансформаций как в истории, так и в современном обществе, которое пока не избавлено от конфликтов.

Военный прогресс представляет собой специфическую форму общественного прогресса, который отражает определенную стратегию, включающую комплекс не только военных мероприятий, но и долгосрочные программы в политической, экономической, дипломатической и других сферах общественной жизни, связанные с безопасностью страны. Выработка военной стратегии является важнейшей частью развития государства и свидетельствует о диалектическом единстве его внутренней и внешней политики. В отечественной традиции военный прогресс носил преимущественно оборонительный характер. В соответствии с определенными законами, правилами, традициями, сформировавшимися в течение многих лет, понятие «военный прогресс» раскрывает прогресс в тех областях, которые характеризуют специфику военной деятельности и развития. С этих позиций военный прогресс можно трактовать как форму обеспечения устойчивого развития общества; структурное понятие, состоящее из материальной (технической) составляющей и идеальной, духовной составляющей.

Военный прогресс несет в себе все черты социального прогресса, однако обладает и рядом специфических особенностей. Во-первых, исследователи вынуждены учитывать амбивалентность самого понятия «военный прогресс», что детерминировано традиционными представлениями о прогрессе как однозначно положительном, однолинейном процессе, в то время как «война» ассоциируется с регрессом. Во-вторых, неоднозначность понятия «военный прогресс» связана также с его сложной структурой, где, с одной стороны, принципиальную роль играет техническая составляющая, а с другой – гуманитарная (боевой дух армии, патриотизм и т.п.). В-третьих, независимо от субъектов военного прогресса, он всегда носит волнообразный характер, поскольку конечной целью его является победа, а достижение ее, как показывает историческая практика, не носит однолинейного характера. В-четвертых, военный прогресс часто не совсем правомерно ассоциируется с научно-техническим прогрессом, поскольку многие ведущие открытия, как правило, берут свое начало в военной области.

Революционное движение в России свидетельствует о том, что существуют различные типы военного прогресса, что детерминировано историческими традициями, менталитетом и уровнем социальной энтропии, складывающимся в конкретной стране под влиянием внешних факторов. Структура военных угроз предполагает определенный уровень военного прогресса, который мыслится как

совершенствование отношений между обществами на принципах единства мира и взаимосвязи явлений. Поскольку военный прогресс имеет много сторон – идеологическую, воспитательную, организационную и техническую, то его исследование предполагает не только учет теории и практики, но и состоятельности концепций и идеологических установок, а также их проверку на уровне конкретных военных операций. Революционное движение 1905 и 1917 гг. подтверждает этот тезис. В частности, неудачи на фронтах, спровоцированные большевистской пропагандой, перенаправили огромную энергию солдатских масс в революционное русло.

Ведущей отличительной чертой наступательного прогресса является потенциальное провоцирование войн различного уровня. На Западе идея военного прогресса формировалась на базе конкретных воззрений, формирующих условия для выработки агрессивного характера военного прогресса. Однако трудности исследования военного прогресса в его наступательной версии обусловлены тем фактом, что наряду с традиционной войной появились ее разновидности. Традиционная война представляет собой прямую военную конфронтацию между государствами, когда в качестве объекта основных операций выступают вооруженные силы страны. Стратегическая цель агрессора заключается в уничтожении боеспособности противника, захвате территории, обеспечении политических изменений в стране, которая является объектом нападения. Важная задача агрессора в этом случае – это минимизация вмешательства населения в боевые действия. Традиционные войны всегда являются конфликтами между суверенными государствами и подразумевают попытку со стороны одного государства поднять свой уровень жизни за счет других, несмотря на то, что лежащие в основе интересы могут быть тщательно завуалированы религиозными и политическими мотивами [1, с. 124–126].

Сложность и неоднозначность проявлений военного прогресса современности особо ярко проявилась в новом понятии «гибридная война», которое постепенно заняло ключевое место в американской военной стратегии. Гибридная война представляет собой сочетание традиционных и иррегулярных боевых действий для того, чтобы перехватить инициативу и парализовать противника. Отличительной чертой гибридных войн является ставка на партизан и бандитов, что создает неопределенность в стране, подвергшейся нападению. Постепенно гибридная война как сочетание традиционной и иррегулярной войны становится стержнем современной американской

военной стратегии и, скорее всего, сохранит свою значимость в будущем.

Важной отличительной чертой современного наступательного военного прогресса является тот факт, что политики и военные избегают использовать термин «война», заменяя его словом «конфликт», что четко проявляется, например, в новой американской стратегии. Цель – добиться постепенного размывания таких базисных для сохранения человечества понятий, как «война» и «мир», хаотизируя мировое пространство ради достижения мирового глобального господства. Кроме того, наступательный военный прогресс последовательно отражает стандарты западного сознания периода постмодерна, проявляющиеся в таких концептах, как «конфликт цивилизаций», «конец истории», «золотой миллиард», которые разрабатываются теми, кто намерен навечно закрепить свое господствующее положение в будущем мире. Военный прогресс в современном мироустройстве теряет традиционные формы, видоизменяется, приобретая новые черты путем использования таких неоднозначных концепций, как трансгуманизм, кибервойна, которые угрожают самой природе человека, что ставит новые задачи перед исследователями и практиками.

В отличие от западных стандартов военного прогресса наступления, базирующегося на консервативной или либеральной основе, военный прогресс обороны имеет свои отличительные особенности. В частности, стратегия военного прогресса обороны предполагает политику удержания противника в состоянии постоянного напряжения. Создание у противника ситуации энтропии приводит к тому, что его действия приобретают все более затратный характер и становятся максимально неудобными с позиций социального прогресса.

В современных условиях в определении национальной безопасности акцентируется внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности и нормального функционирования системы (государства, общества как социальной системы) при деструктивном воздействии на нее. А.Д. Московченко справедливо подчеркивает, что «...в международной политике такими полярными понятиями являются для вас «состояние мира» и «состояние войны» и резкий переход от одного к другому, присущий только вашей логике, но противоречащий природе» [2, с. 126].

Военный прогресс напрямую связан с теорией социальной энтропии, поскольку важная характеристика состояния социальной системы связана с неравновесностью, вызванной колебанием между

порядком и хаосом, ведь «...системный кризис тем и отличается, что система не способна адекватно реагировать на вызовы. В процессе такого реагирования система себя не лечит, а калечит» [3, с. 8]. Следствием подобных тенденций становятся региональные конфликты, грозящие перерасти в глобальную войну, что, естественно, стимулирует военный прогресс во всех его видах. Главная опасность для развития общества, которая может стимулировать военный прогресс, заключается не столько в усложнении региональных конфликтов, сколько в энтропийной тяге к усреднению. Можно констатировать, что военный прогресс это довольно наглядный пример борьбы с энтропией, ведь «порядок и беспорядок не противостоят один другому, т.е. энтропийный хаос не обязательно является хаосом в общем смысле слова, так как имеет место «стабильная иерархия». Другими словами, требование стабильности ведет к структурным неравенствам. Следовательно, неравенство (неэнтропийный порядок) неизбежно в обществе, стремящемся к однородности и устойчивости (энтропийный хаос)» [4, с. 196]. Революции с точки зрения военного прогресса представляют собой подобный энтропийный хаос.

Стратегическое сдерживание революций базируется, во-первых, на способности государства осуществлять своевременный переход страны с мирного на военное время и, во-вторых, на возможностях государства по нанесению агрессору сдерживающего ущерба, т.е. ущерба, несоизмеримого с теми выгодами, которые он хотел бы получить в результате применения военной силы. Глубинное концептуальное понимание того факта, что ни одна агрессия не останется без последствий, которые могут быть роковыми для всего человечества в ядерно-глобальном мироустройстве, является гарантом мирного сосуществования. Именно поэтому политика мирного сосуществования «...определил основные приоритеты в действиях власти, будет способствовать взаимодействию России с другими государствами. Увеличится шанс коэволюционного пути развития человеческого общества, единственно возможного пути в будущее» [5, с. 109].

Военный прогресс обороны представляет собой не простую сумму тактических ходов, из которой вырабатывается военная стратегия, а диалектическое единство, когда количественные сиюминутные результаты и отдельные противоречия являют собой основу для побед и стратегического развития конкретного государства. Военный прогресс восходит к мудрости военного искусства древности Сунь-цзы, который утверждал: «Возможность победы заключается в твоём противнике. Непобедимость – в тебе самом» [6, с. 96].

Без соответствующего уровня военного прогресса обороны говорить о нашем государстве как о реальном субъекте мировой политики не приходится. Катализатором позитивных перемен стало укрепление России, способной теперь на равных с другими ведущими державами участвовать в формировании и реализации глобальной повестки дня. «Самое верное средство, дабы запасные шли на войну с намерением служить самоотвержению, – это общий подъем настроения всей нации при объявлении войны» [5, с. 509].

Таким образом, можно заключить, что понятие военного прогресса – это такой способ обеспечения устойчивого развития общества в условиях внешних и внутренних угроз, когда они нейтрализуются военными средствами. Существует зависимость между нарастанием военных угроз и характером военного прогресса: определенность военных угроз должна быть адекватна определенности военного прогресса, что должно предупредить наступление военного конфликта. Революционное движение может быть стимулировано при помощи соответствующего уровня военного прогресса.

Литература

1. Харрис М. Происхождение войны // Война и геополитика. Альманах «Время мира». Вып. 3 / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 124–126.
2. Московченко А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: монография. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2012. – С. 126.
3. Леонтьев М.В. Идеология суверенитета // Однако. – 2013. Август–сентябрь. – С. 8.
4. Вершков А.В. Социальная энтропия // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 193.
5. Яценко М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 103–110.
6. Куропаткин А.Н. Русская армия. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2007. – 590 с.

**К вопросу о государственном контроле
публичных домов на примере материалов
Енисейской губернии за 1880–1890-е гг.**

Д.Н. Матвеева
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается эффективность организации врачебно-полицейского контроля на примере материалов Енисейской губернии в конце XIX века, приводится оценка деятельности органов, уполномоченных осуществлять медицинское освидетельствование домов терпимости, выявляются проблемы в осуществлении государственного контроля домов терпимости в Енисейской губернии.

Ключевые слова: дома терпимости, Енисейская губерния, Красноярск, XIX век, врачебно-полицейский контроль.

**On the issue of state control of brothels based
on the materials of the Yenisei province
for the 1880s – 1890s.**

D.N. Matveeva
Siberian Federal University

The article examines the effectiveness of the organization of medical and police control on the example of materials of the Yenisei province at the end of the XIX century, provides an assessment of the activities of bodies authorized to carry out medical examination of houses of tolerance, identifies problems in the implementation of state control of houses of tolerance in the Yenisei province.

Key words: tolerance houses, Yenisei province, Krasnoyarsk, XIX century, medical and police control.

Проституция возникла еще в глубокой древности. Данный термин происходит от латинского слова *prostitutio*, которое дословно имело смысл «выставлять напоказ». Однако и сегодня его значение не меняется, а вопрос легализации деятельности домов разврата является одним из обсуждаемых в российской общественности. В этом

направлении в современной зарубежной и отечественной историографии присутствует ряд работ, посвященных разбору проституции как исторического явления с фактологической и идеологической стороны.

Тема положения женщин в отдаленной Енисейской губернии широко представлена в работах О.М. Долидович, В.И. Федоровой и др. Но многие вопросы еще до сих пор остаются не исследованными, что подтверждает неисчерпаемость темы для ее исторического изучения.

Целью статьи является рассмотрение системы функционирования государственного контроля над публичными домами в Енисейской губернии в 1880–1890-е гг. Хронологические рамки работы ограничены двумя последними десятилетиями XIX в. как периода, наименее исследованного в изучаемом аспекте. В источниковую базу работы введен комплекс архивных материалов, зачастую впервые введенных в научный оборот, законодательство Российской империи и научно-справочная литература.

В Западной Европе еще в период «темных веков» проституция получила широкое распространение и позже была легализована как реальность. Во Франции в начале XIX в. была создана специальная «полиция нравов», и в 1809 г. в Париже открылся диспансер для принудительного медицинского освидетельствования проституток с целью предотвращения распространения венерических заболеваний.

В России проституция стала считаться ремеслом, но незаконным, при Петре I. Император издал несколько указов, которые разрешали проводить карательные меры для тех, кто занимался публичным развратом. Позже Екатерина II, понимая, что запрет проституции не приводил к снижению числа заболевших венерическими заболеваниями, издала ряд указов, направленных на изоляцию «непотребных девок» в работных домах, обязав их проходить медицинский осмотр [1].

Официально проституция в России была легализована только в 1843 г., когда по инициативе министра внутренних дел графа Л.А. Перовского был создан орган для надзора за публичными женщинами – Врачебно-полицейский комитет [2]. Названное учреждение находилось при губернской Врачебной управе по ведомству Министерства внутренних дел. В земских губерниях с 1865 г. Врачебно-оспенный комитет (наравне с комитетами общественного здоровья, оспенным и пр.) вошел в одно органическое целое с Губернским правлением, возглавляемым вице-губернатором [3]. Следовательно,

несмотря на либеральность преобразований Александра II, надзор за здоровьем падших женщин государство оставило за собой.

Организация надзора за проституцией в Российской империи подразделялась на три категории. К первой относились города, в которых работали врачебно-полицейские комитеты; ко второй – городские санитарные комитеты или другие не полицейские учреждения; к третьей категории относились города, где надзор фактически находился в руках исполнительной полиции [4].

Однако Сибирь имела особые условия: протяженная территория, неразвитая система коммуникаций и социальной инфраструктуры в целом, слабая заселенность, наличие уголовной и политической ссылки [5]. Так, в Енисейской губернии специального Врачебно-полицейского комитета в городе Красноярске и по округам Енисейской губернии не существовало. Наравне с другими территориями Сибири и Варшавы единственным административно-врачебным учреждением здесь была Врачебная управа, являвшаяся вплоть до 1895 г. самостоятельным органом местной власти (при Министерстве внутренних дел), а после – при Губернском управлении. В ее состав входили инспектор, оператор, акушер и ветеринарный врач [6]. Однако организация контроля за здоровьем падших женщин была в руках городского врача и полицеймейстера [7].

По статистическим данным Енисейская губерния входила в перечень территорий Российской империи с наибольшим числом зараженных венерическими заболеваниями.

Анализ архивных материалов показал, что врачебно-полицейскими обязанностями были: 1) ведение учета численности «женщин вольного поведения», домов терпимости, свиданий в домах терпимости; 2) осмотр женщин и мужчин на половые инфекции на фабриках, заводах и в других местах, а в случае выявления зараженных отправление их в больницу на лечение [7].

Полицеймейстерам иной раз приходилось организовывать медицинские кабинеты в совершенно неожиданных местах. Известен случай, что в г. Красноярске вдова надворного советника К.В. Калины подала жалобу на действия Красноярского полицейского управления, которое поместило в ее доме, арендованным управлением, так называемый Врачебный полицейский комитет по осмотру проституток [7]. Стоит отметить, что этот случай мог наделать много шума. Дом вдовы располагался в центре города, а брат усопшего, титулярный советник Леонид Васильевич Калина, в 1892 г. служил журналистом в Енисейском Общем губернском управлении. Но жа-

лоба вдовы была отклонена, так как действия полицеймейстера были признаны законными, потому что он и городской врач исполняли свои обязанности [7].

Особых помещений в городе Красноярске и в губернии в целом под осмотр проституток не выделялось. Уполномоченные на то лица должны были выходить из положения, аренды комнаты.

Судя по отчетным документам Полицейского управления, в кабинетах для медицинского осмотра иной раз отсутствовали элементарные вещи, уже не говоря о комфорте персонала. Врачи вынуждены были уведомлять Полицейское управление о необходимости обустройства комнат для осмотра проституток. Стоит отметить, что даже исполнение таких просьб, как предоставление занавесок на окна, приспособлений для умывания, стола, стульев и пр. возлагалось на Полицейское управление [8].

Однако система контроля в Енисейской губернии предусматривала профилактические меры по предупреждению распространения венерических заболеваний. Так, изначально ведомости составлялись при больницах в главных губернских городах, потом они передавались в Енисейскую врачебную Управу, а позже – в Медицинский департамент. Особый медицинский контроль присутствовал и в тюрьмах Енисейской губернии, так как заключенные были одним из первых источников распространения сифилиса в Сибири в целом [9].

Есть много различных мнений по поводу гибкости системы врачебно-полицейского контроля в Российской империи. Так, например, режим врачебно-полицейского надзора за проституцией якобы прикреплял женщин к позорному промыслу, лишая женщину, подозреваемую в проституции, гражданской полноправности и закрепляя за ней осознание, что торговля своим телом – это ее ремесло [10]. С другой стороны, оснований для негативной оценки данных полицейско-врачебных органов конкретно в то время не было, так как они выполняли исключительно врачебно-профилактические функции, направленные против распространения в крупных городах венерических заболеваний, в первую очередь, сифилиса [11]. Кроме того, медицинский и полицейский учет проституток предоставлял им возможность уйти от данного рода промысла после пребывания на медицинском освидетельствовании.

Архивные материалы показали, что одним из поводов активной организации врачебно-полицейской деятельности в Енисейской губернии стала вспышка сифилиса среди низших чинов в Красноярском кадровом батальоне в 1892 г. Дело, взятое под контроль крас-

ноярским полицеймейстером, разрешилось довольно быстро – был организован медицинский осмотр проституток, которых в дальнейшем направили на лечение [12].

В этом же году красноярский полицеймейстер предложил губернатору ввести бесплатное лечение от сифилиса «всех без исключения проституток». Получается, что реформа Л.А. Перовского 1843 г. стала актуальной для Енисейской губернии только к 1892 г. Но до этого времени каждый сезон губернатору передавались ведомости от Губернского правления о врачебно-полицейской деятельности против распространения венерических заболеваний в Енисейской губернии. Учет велся по округам губернии: Красноярскому, Енисейскому, Канскому, Ачинскому и Минусинскому. Интересно, что осмотру подлежали также люди, находящиеся в местах заключения [13]. Публичные женщины проходили еженедельные освидетельствования у городского врача [14]. Кроме того, бесплатное лечение предоставлялось «всем без исключения проституткам» [15]. Публичная женщина обязана была всегда иметь при себе медицинский билет о состоянии здоровья. Также публичная женщина была обязана выполнять правила, установленные Министерством внутренних дел в 1844 г. Данные правила касались опрятности, правил поведения при заражении, а также обязательной явки на медицинское освидетельствование. За неисполнение правил публичные женщины «подвергаются по постановлению врачебного полицейского комитета содержанию в рабочем доме. Постановление комитета производится в исполнение полицией» [16].

Таким образом, организация врачебно-полицейского контроля дала возможность своевременного предупреждения вспышек венерических болезней. Профилактические меры, которые были введены вместе с врачебно-полицейским комитетом, являлись эффективным методом борьбы с эпидемиями сифилиса и смертности от них. Публичные женщины получили больше возможностей выхода из домов терпимости. С другой стороны, система государственной регламентации данной отрасли не была совершенной. Если в западных городах Российской империи можно было говорить о наличии определенной гибкости существовавших врачебно-полицейских комитетов, то в Сибири, в том числе в Енисейской губернии, комитетов вовсе не существовало. Это тормозило работу городских врачей и полицейских в осуществлении медицинского освидетельствования публичных женщин.

Литература

1. Жукова Л.А. Деятельность женских общественных организаций России по оказанию социальной помощи проституткам в XIX – начале XX в. // Вестник университета. – 2014. – № 16. – С. 289–296.
2. Малышева С.Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX – начала XX в. // Диалог со временем. – 2010. – № 31. – С. 89–112.
3. Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона: в 86 т. Т. 7 (18). – СПб.: Типолиитография акц. общ. Брокгаузъ – Ефронъ, 1892. С. 342–343.
4. Лысенко В.В. Полиция и нравственность. – СПб., 1996. – С. 61.
5. Гергилев Д.Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 18.
6. Карчаева Т.Г. Управленцы «особых» ведомственных учреждений Енисейской губернской администрации: социальный состав сибирского чиновничества // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 100–103.
7. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
8. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
9. ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 321. Л. 2.
10. Елистратов А.И. О прикреплении женщины к проституции (Врачебно-полицейский надзор). – Казань, 1903. – С. 1.
11. Тарасова И.А. «Милость к падшим»: некоторые проблемы осуществления врачебно-полицейского надзора за проституцией в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в. // Евразийское научное объединение. – 2016. – № 10. – С. 86–91.
12. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 15.
13. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.
14. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 14.
15. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.
16. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

**Исследование формирования
отношения к труду под влиянием
социальных факторов в 30-е гг. XX в.**

Н.Р. Новосельцев, А.А. Каланчукова
Сибирский федеральный университет

Данная статья посвящена рассмотрению социальных аспектов формирования отношения к труду у рабочего класса в 30-е гг. XX в. на примере работников Черембасса. Выявленные материалы позволили наиболее глубоко изучить трудовую деятельность шахтеров советского периода, их отношение к выполняемой работе, а также синхронизировать полученные сведения с социальной стороной труда как понятия. Статья позволяет составить достоверное представление об историческом периоде, важных исторических личностях и некоторых социальных явлениях Советского Союза.

Ключевые слова: труд, социология труда, отношение к труду, Советский Союз, стахановское движение.

**Study of the formation of attitudes toward work
under the influence of social factors
in the 30s of the XX century**

N.R. Novosel'tsev, A.A. Kalanchukova
Siberian Federal University

This article is devoted to the consideration of the social aspects of the formation of attitudes toward work in the working class in the 30s of the XX century, with the example of workers in Cherembassa. The revealed materials made it possible to study the work of miners of the Soviet period, their attitude to the work performed, and synchronize the received information with the social side of labor as a concept. In the same way, the article allows us to compile a reliable picture of the historical period, important historical personalities and some social phenomena of the Soviet Union.

Key words: labor, sociology of labor, attitude to work, the Soviet Union, the Stakhanov movement.

Из выбранных нами источников мы выяснили, что «труд» – сложное, неоднозначное понятие, которое входит в качестве базисного в терминологический аппарат многих гуманитарных и социально-экономических наук: философии, экономики, социологии, психологии, антропологии. Как нам кажется, неоднородность этого понятия связана не только с многообразием научных дисциплин, изучающих различные стороны труда, но и с тем, что сама трудовая деятельность проявляется неоднозначно в различных исторических, социальных и экономических условиях, на что указывает О.В. Ромашов в статье «Социология труда» [4].

Чтобы убедиться в этом, сравним два определения. Первое дает энциклопедический словарь: «Труд – целесообразная деятельность человека, направленная на сохранение, видоизменение, приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей». Второе взято из словаря по философии: «Труд – процесс создания людьми условий и средств существования; воплощения человеческих сил, умений, знаний». Нетрудно заметить, что оба определения говорят об активности субъекта в целесообразном изменении окружающего мира. Однако в энциклопедическом словаре определение трактует деятельность так же, как форму существования общества, а в философском делается акцент на активности психической, то есть проявляющейся в субъективных отношениях человека, в его мышлении, воле. Изучение понятия «труд» с разных точек зрения позволяет понять его более глубоко [3].

Для исследования нам понадобилось разобраться еще в одном ключевом понятии, а именно в понятии «отношение к труду». В пособии «Экономика и социология труда» оно трактуется как сложное социальное явление, представляющее собой единство трех элементов: мотивов трудового поведения, фактического трудового поведения и оценки работниками трудовой ситуации – вербального поведения [2].

В своем исследовании В.С. Буланов отмечает, что охарактеризовать отношение работника к труду можно как по его результату, так и по непосредственному осознанию и участию работника в системе общественного производства. Поэтому все факторы формирования отношения к труду можно разделить на объективные условия, обстоятельства и субъективные. Объективные факторы выступают стимулами к трудовой деятельности, равнодействующими по отношению к любым видам труда и любым типам личности; субъективные – мотивами, внутренними побудителями конкретного человека. К объ-

ективным факторам относятся три основных условия – содержание труда (сложность, уровень технической оснащенности производства, соотношение исполнительских и творческих функций, задействование умственного и физического труда), условия труда (степень организации трудовых операций, безопасность рабочего места, санитарно-гигиенические нормы), оплата труда. К субъективным факторам относятся пол, возраст, ценностные ориентации, мотивы [1].

Целью нашей исследовательской части стало определение влияния социальных факторов в 30-е годы, для этого мы решили изучить особенности труда на примере Черембасса. Исследование производилось на базе архивных материалов музея г. Черемхово, газеты «За уголь» 1936 г. (всего 118 номеров). Мы рассмотрели рубрики газет, изучили ряд статей и составили сравнительные таблицы влияния объективных и субъективных факторов.

Чтобы определить, влияние каких факторов оказалось значительнее, мы решили поэтапно разобрать каждый. Первой ступенью нашего исследования стало определение объективных факторов. Для этого мы рассмотрели труд Черембасса со стороны его условий. Полученные данные занесли в табл. 1 и систематизировали в табл. 2.

Проанализировав данные двух таблиц, мы видим, что эти факторы указывают на негативную сторону проявления труда. Работа производилась в неблагоприятных условиях, не отвечала санитарно-гигиеническим нормам. Шахтерам приходилось работать с некачественным оборудованием. При анализе архивных материалов был сделан вывод о том, что заработной платой рабочие были удовлетворены только при стахановских нормах, а за свой обычный труд они получали низкий оклад и несвоевременно.

Следующей нашей задачей стало исследование отношения к труду со стороны субъективных факторов, для этого мы решили рассмотреть несколько статей, отражающих духовную сторону работы.

Итак, мы выделили три основных мотивационных критерия:

- 1) идейные вдохновители, каждое из их провозглашений звучало как стимул. Так, например, в выпуске газеты «За уголь» от 26 февраля была помещена статья о недавнем призыве И.В. Сталина: «Новые люди, новые времена – новые технические нормы». После этого в следующих номерах газеты наблюдается повышенная активность стахановцев, помещается все больше статей, названия которых звучат как «Мы и новые нормы будем перевыполнять». В подтверждение данного положения можно привести статью № 28 от 27 февраля

Таблица 1

Характеристика труда по социальным факторам

Организация труда	Документальный источник	Общие условия труда	Документальный источник	Оборудование
«Горные работы ведутся непланоно. Работа в лавах на всех участках в первой смене не производится, а концентрируется во второй и третьей сменах. Это затрудняет работу шахтового транспорта»	№ 13 от 29 января 1936 г. Начальник транспорта Лапин [5]	«Я прошел по шахте. Антисанитария режет глаза. На каждом участке есть бочки с питьевой водой, но нет кружек. Рабочие вынуждены пить воду прямо через кран... А вот еще безобразный факт. Во всей шахте нет ни одной уборной»	№ 24 от 20 февраля 1936 г. Фельдшер Бруев [5]	«Придешь в забой, надо рубить. Нет штанги. Отправляются в поиски рельсы, чтобы применить ее вместо штанги. Нет рельсы... Домкратов тоже нет. Надо поднять машину и нечем»
Документальный источник	Оплата труда	Документальный источник	Производимый продукт	Документальный источник
№ 48 от 8 апреля 1936 г. Врубамашинисты Ширяев, Якушев [5]	«У нас в мастерской с нормированием и зарплатой рабочих до сего времени дело не упорядочено. Нормовщик Евтухович, как ему вздумается, так и расценивает заказы»	№ 18 от 9 февраля 1936 г. Слесарь Чередов [5]	«Каждый год и месяц шахтеры и шахта в целом несут большие убытки на том, что дают стране не совсем доброкачественный уголь»	№ 26 от 23 февраля 1936 г. Инспектор по качеству угля Кирсанов [5].

**Оценка характеристики работы в Черембасса
относительно объективных факторов удовлетворенности трудом**

Критерии	Организация труда	Общие условия труда	Оборудование	Оплата труда	Производимый продукт
Положение	неудовл.	неудовл.	неудовл.	неудовл.	неудовл.

1936 г. Немчикова, которая начинается словами «Мощная волна стахановского движения опрокинула старые технические нормы...»;

2) подвиг Алексея Стаханова; он стал примером для всех работников Союза, шахтеры нашего города не исключение. В своем выступлении главный инженер тов. Воронов заявил: «Мы ставим перед собой задачу создать еще большие предпосылки для мощного разветвления стахановского движения» (№ 17 от 8 февраля 1936 г.);

3) социалистические соревнования; они одобрялись руководством и не раз становились объектом внимания партийных деятелей. И.В. Сталин провозгласил: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше – догоняй лучших и добейся общего подъема». Так и поступали рабочие всего Советского Союза. В газете № 38 от 17 марта 1936 г. бригадир Ерофеев вызывает «на соревнование комсомольскую бригаду тов. Запекина». В следующем номере газеты находится статья Запекина «Вызов бригады тов. Ерофеева принимаем». И в заключение бригадир пишет: «Вступая в соревнование, надо всем по-ударному взяться за дело».

Таким образом, мы выделили субъективные факторы, которые строились на духовно-идейной основе и которые могли выступать стимулами к хорошему труду.

Для того чтобы понять, какое же отношение к труду складывалось у рабочих, мы решили определить особенности труда на шахте, на основе этого сделать вывод, значимость какого фактора сыграла ведущую роль. Для этого мы проанализировали ряд статей газеты. Нам удалось найти множество ярких примеров стремления к наивысшим результатам труда, инициативности и разделения собственных знаний опытных работников с молодыми. Эти данные мы занесли в табл. 3. При этом отметили, что ударный труд отличал большое количество людей, начиная с руководителей до рядовых шахтеров.

Изучив архивные материалы, мы пришли к выводу, что шахтеры работали в неблагоприятных условиях, с ненадлежащим обо-

Таблица 3

Подтверждение ударного отношения к труду в г. Черемхово

Характеристика отношения к труду	Рабочие	Цитата	Документальные источники
Стремление к наивысшим результатам труда	Машинист электровоза Павел Михайлович Константинов	«177 вагонов в смену – это не предел. Если будут формироваться составы, то ежемесячно можно вывозить по 200 вагонов и больше»	№ 15 от 3 февраля 1936 г. [5]
Инициативность	Начальник 1-го участка инженер Санжак	«Я предлагаю: разработку панелей производить не с откаточного, а с промежуточного штреха. Это обеспечит равномерный ход добычи угля по участку и даст возможность бесперебойно загружать врубовые машины»	№ 25 от 21 февраля 1936 г. [5]
Разделение собственного опыта	Механизатор 2-го участка Бушуев	«Вот и сейчас я беру обязательство: довести знания электрика Ивлева Михаила до уровня механика участка, ознакомить его с теорией и практикой»	№14 от 1 февраля 1936 г. [5]

Таблица 4
Показатели трудовой деятельности участников стахановского движения в г. Черемхово в 1936 г.

Участники стахановского движения	Род деятельности участников стахановского движения	Информация о деятельности участников стахановского движения	Документальные источники
Костецкий	Машинист врубовой машины шахты № 7	Инициатор стахановского движения Выступал с речью на краевом слете стахановцев. На слете премирован автомашиной	№ 17 от 8 февраля 1936; № 18 от 9 февраля 1936 г. [5]
Марцинюк	Бригадир 6-го участка	Систематически перевыполняли задания	№ 12 от 27 января 1936 г. [5]
Шкатулов	Бригадир 6-го участка		
Жушман Михаил Кондратьевич	Бригадир 2-го участка	Систематически перевыполнял задания, делегат краевого слета стахановцев	№ 13 от 29 января 1936 г. № 15 от 3 февраля 1936 г. № 18 от 9 февраля 1936 г. [5]
Недогаров Георгий Александрович	2-й участок	Систематически перевыполнял задания, делегат краевого слета стахановцев. На слете премирован	

рудованием, при этом им удавалось достигать больших результатов производительности (см. табл. 4). По данным таблицы видно, что шахтеры Черембасса доказывали свою инициативность не только на словах, но и на деле. Это подтверждает перевыполнение норм и участие в различных стахановских краевых съездах.

Таким образом, мы пришли к выводу, что

- к труду на шахте было приобщено большое количество черемховцев, сведения об их деятельности широко освещались в средствах массовой информации;

- выделенные нами объективные факторы указывают на негативные условия труда на производстве;

- в качестве субъективных факторов выступали идейные ценности и примеры других рабочих, побуждающие трудиться лучше и качественнее;

- Черембассу были свойственны высокие показатели труда рабочих;

- так как рабочие высоко ценили свой труд и стремились к высокой производительности, несмотря на количественный перевес неблагоприятных условий, мы можем сделать вывод о том, что на формирование отношения к труду в 30-е гг. значительным образом повлияли субъективные факторы (духовная ценность).

Литература

1. Буланов В.С. Рабочая сила в условиях формирующихся рыночных отношений. – М.: РАУ, 1994.

2. Кибанов А.Я. Экономика и социология труда. – М.: МНФРА-М, 2009.

3. Марченко Т.А. Потребность как социальное явление. – М.: Высш. шк., 1998.

4. Ромашов О.В. Социология труда. – М.: Экзамен, 1999.

5. Газета «За уголь». – 1936.

**Патриотизм как ценность в структуре личности
современного сибиряка,
или Кого воспитало наше общество?
(По материалам социологического исследования)**

И.А. Пантелеева, Е.А. Ноздренко, Е.В. Мыльникова
Сибирский федеральный университет

Статья посвящена исследованию патриотизма как ценности в структуре личности современного человека. Представлены результаты социологических исследований, направленных на изучение иерархии ценностей в структуре личности респондента и разворачивание содержания ценности «патриотизм». Сделан вывод о необходимости актуализации ценности «патриотизм» для молодого поколения, а также наполнения ее новыми смыслами, адекватными современной социально-культурной ситуации.

Ключевые слова: патриотизм, долг, честь, формирование ценностей, культура, структура личности, социологическое исследование.

**Patriotism as a value in the structure of the personality
of a modern Siberian or “Whom did our society educate?”
(based on sociological research)**

I.A. Panteleeva, E.A. Nozdrenko, E.V. Mylnikova
Siberian Federal University

The article is devoted to the study of patriotism as a value in the structure of the modern man personality. The results of sociological research aimed at studying the hierarchy of values in the structure of the respondent's personality and unfolding the content of the value of “patriotism” are presented. A conclusion on the need to actualize the value of “patriotism” for the younger generation, and to fill it with new meanings that are adequate to the contemporary social and cultural situation was drawn.

Key words: patriotism, duty, honor, value formation, culture, personality structure, sociological research

В последние несколько лет термин «патриотизм» стал рассматриваться в качестве актуального общественного феномена, напол-

ненного определенной ценностной составляющей. Эта актуальность подтверждается изданием ряда документов на уровне Российской Федерации. Так, например, указом Президента РФ В.В. Путина от 20 октября 2012 г. (№ 1416) был введен документ «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». В истории России термин «патриотизм» в общественном сознании россиян претерпевал существенные изменения: от его понимания как «вершинного духовно-религиозного самопроявления личности, достигшей высшего уровня развития, способной испытывать божественную по природе любовь к Отечеству, обладающей готовностью к самопожертвованию и самоотречению для его блага» [1] до «...правильный подход к вопросу о патриотизме может быть только классовым» [2]. Тем не менее патриотизм всегда рассматривался как одна из ключевых ценностей, формирование которых было приоритетной задачей российского общества.

Сегодня документ предлагает определение, не акцентирующее внимание на активной религиозной или военной риторике, однако рассматривающее патриотизм как сложное, многоаспектное явление, пронизывающее все основные стороны жизнедеятельности российского социума и его членов: патриотизм – это «особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, предполагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества» [3]. Именно такой подход к пониманию патриотизма как явления, состоящего из многих аспектов (идеологии, религии, политики, культуры, истории, науки и др.), важного фактора консолидации и развития современного российского общества позволяет рассматривать его как ключевую ценность в структуре современного россиянина.

Для того чтобы понять, как осмысливается патриотизм в современном российском обществе, выявить особенности его восприятия и возможности его применения в качестве ресурса ценностного самоопределения [4] прежде всего в молодежной среде, был проведен ряд социологических исследований, направленных на выявление роли ценности понятия «патриотизм» в структуре личности современного молодого человека. Респондентами в этих исследованиях выступили жители Красноярского края, Томской и Новосибирской областей.

В 2014–2015 гг. учеными кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета проводилось большое количественное исследование, включавшее изучение влияния культуры на различные аспекты жизнедеятельности человека: человек как «творец» культуры; человек как «потребитель» культуры; человек как «продукт» культуры [5]. В рамках исследования последнего из них значительное внимание уделялось аксиологической составляющей. Исследование проводилось на территории Красноярского края и охватило выборку из жителей репрезентативных урбанизированных территорий по территориальным округам: Красноярска, Норильска, Канска, Лесосибирска, Минусинска, Ачинска (всего 926 респондентов в возрасте от 18 лет и старше).

Респондентам было предложено оценить универсальные, моральные и эстетические ценности по 10-балльной шкале. В группе универсальных ценностей наиболее значимыми признаны ценности «жизнь», «семья», «здоровье». В группе моральных ценностей наиболее значимыми для респондентов оказались «верность», «добро», «справедливость». В группе эстетических ценностей – «гармония», «красота», «культурная самобытность». Ценность «патриотизм» оказалась в последней по значимости тройке универсальных ценностей. При этом сопряженные с этой ценностью ценности «долг» и «честь» были определены респондентами как четвертая и третья с конца по значимости среди моральных ценностей. В то же время нельзя сделать однозначный вывод о девальвации патриотических ценностей, поскольку опять же сопряженные с патриотизмом ценности «верность» и «справедливость» отмечены респондентами как наиболее значимые среди моральных ценностей, а «культурная самобытность» – среди эстетических.

В 2017 г. было проведено разведывательное количественное исследование с использованием вопросов как закрытого, так и открытого типа, направленное на выстраивание иерархии ценностей в структуре личности респондента и разворачивание содержания ценности «патриотизм» с позиции респондентов. Исследование проводилось в трех регионах Сибирского федерального округа – Красноярском крае, Новосибирской и Томской областях. Респондентами выступили молодые люди – учащаяся молодежь вузов указанных регионов (всего 222 респондента в возрасте от 18 до 35 лет). Представители учащейся молодежи были выбраны в качестве респондентов данного исследования в связи с тем, что именно эта группа является наиболее социально активной, именно на нее «возлагается надежда и ответственность за продолжение патриотической традиции» [6].

Хотя проведенное исследование имеет характер разведывательного, полученные в нем результаты позволяют сделать определенные выводы, которые в случае подтверждения в рамках основного исследования заставят, во-первых, обратиться к изучению темы «патриотизма в молодежной среде и российском обществе в целом» более внимательно и, во-вторых, предпринять определенные шаги для коррекции ценностных ориентаций современной молодежи.

Респондентам были предложены три группы ценностей (универсальные, моральные и эстетические), в каждой из которых их попросили выбрать три наиболее значимые. Следует отметить, что в группе универсальных ценностей, как и в предыдущем исследовании, наибольшее число респондентов выбрали семью, здоровье, жизнь. Среди моральных ценностей в приоритете любовь, верность, уважение. Здесь еще нужно учитывать, что респонденты – молодые люди, поэтому ценность любви для них бесспорна. В группе эстетических ценностей приоритетны гармония, красота, стиль. Что же касается патриотизма и сопряженных с ним ценностей «честь», «долг», «верность» и «культурная самобытность», то сама ценность «патриотизм» по-прежнему занимает наименее значимое место для современных молодых людей. Только 17 респондентов выбрали патриотизм в тройке значимых для них ценностей. Что касается «долга», то в интегральной структуре ценностей эта моральная ценность занимает такое же место, как и «патриотизм». Ценность «чести» несколько более значима для молодых людей, еще чуть более значима «культурная самобытность». Самой значимой из ценностей, сопряженных с патриотизмом, была признана «верность» (рис. 1).

Таким образом, хотя патриотизм в среде современной молодежи и не воспринимается непосредственно как значимая ценность, но, тем не менее, опосредовано через понятия чести, верности, культурной самобытности раскрывается как значимая ценность в структуре личности.

Далее респондентам было предложено разъяснить, какой смысл они вкладывают в эти ценности.

Так, смысловой ряд ценности «патриотизм» подавляющее большинство респондентов представили в двух аспектах: «любовь к р(Р)одине, стране, государству, отечеству, нации» и «готовность защищать интересы страны». «Любовь к р(Р)одине» раскрывается респондентами следующими характеристиками: «безусловная», «уважение», «тянет», «причастность к чему-то великому», «понимание плюсов и минусов и их принятие», «желание сделать лучше». Во многих ответах отмечается сильная стереотипизация понимания этой ценно-

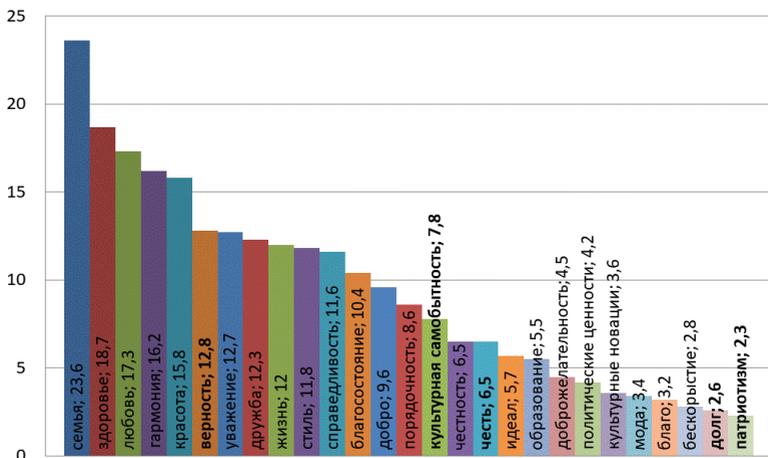

Рис. 1. Иерархия ценностей в структуре личности современного молодого сибиряка

сти: «демонстрации», «идут с флагами, кричат «ура», «революция». Возникло ощущение, что тот ассоциативный ряд, который молодые респонденты представили, достался в наследство от родителей. Это ассоциации периода позднего Советского Союза. Второй аспект – «готовность защищать интересы страны» – также сильно стереотипизирован, зафиксирована преимущественно военная риторика: «война», «военное дело», «армия», «солдат», «военный героизм», «верность воинскому долгу», «готовность пожертвовать собой» и т.д. Для нескольких респондентов важными оказались аспекты «уважение к традициям и культуре страны; знание истории», «любовь к семье» и «забота о природе». Но это единичные ответы. При этом ни для кого из респондентов патриотизм не раскрылся в аспекте «волонтерство», «общественная деятельность», «законотворчество», «спортивная борьба», «научная или культуротворческая деятельность в интересах своей страны». Таким образом, ценность «патриотизм» не является предметом активного осмысления современными молодыми сибиряками, ее смысловое содержание в большинстве случаев стереотипно и не всегда актуально для молодежи. В связи с этим необходима реализация специальных программ, которые помогали бы раскрыть для молодежи различные аспекты патриотизма (а не только военный).

Ценность «долг» в настоящее время претерпевает определенные изменения. Из ценности, близко соотносящейся с патриотизмом

(гражданский долг, воинский долг, долг перед Отечеством) или семьей (родительский долг, сыновний долг, забота о близких), она превращается в обязательство (отдать кредит и т.д.). Причем не всегда она имеет позитивную окраску – внутренне принимается, берется добровольно, понимается необходимость. Ряд респондентов указали на тяжесть, невозможность игнорировать это обязательство. Таким образом, долг как ценность сегодня девальвируется, уходит из структуры личности индивида.

Ценность «честь», в отличие от предыдущих ценностей, действительно воспринимается респондентами как ценность и понимается как «благородство», «самоуважение и уважение к другим», «воинская доблесть», «внутреннее достоинство человека» и т.д. Честь четко связывается с личностью конкретного человека и однозначно позитивно оценивается респондентами.

Таким образом, в настоящее время в молодежной среде патриотизм не воспринимается как значимая ценность, не является предметом активного осмысления современными молодыми сибиряками, ее смысловое содержание в большинстве случаев стереотипно и не всегда актуально для молодежи. Но опосредованно, через ценностное осмысление понятий чести, верности, культурной самобытности раскрывается важность и актуальность патриотизма. В связи с этим в настоящее время есть серьезная необходимость актуализации этой ценности в современной молодежной среде, причем не только в аспекте военном, но и в наполнении его иными смыслами (добровольчество, культуротворчество, научная деятельность, общественная деятельность и т.д.).

Литература

1. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *StudiaHumanitatis*. – 2013. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 30.05.2017).
2. Тавсунин Т. И все же переставим акценты... // *Советская Россия*. –1997. – 3 апреля.
3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gospatriotprogram.ru> (дата обращения: 30.05.2017).
4. Дубровин В.Л. Патриотизм как ресурс социального самоопределения в российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2015.

5. Андреева А.В., Лузан В.С., Морозова О.Ф. [и др.]. Интеллектуальный досуг как фактор устойчивого развития социально-культурной среды урбанизированной территории (на материале Красноярского края): монография / под ред. Е.А. Ноздренко. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 480 с.

6. Осокин Г.Е. Патриотизм как ресурс социального самоопределения в современном российском обществе // Человек. Общество. Инклюзия. – 2016. – № 4. – С. 162–166.

УДК 172

Особенности философии ядерной безопасности в условиях глобального мироустройства

И.Д. Песковец, М.П. Яценко
Сибирский федеральный университет

В статье исследуется характер современной безопасности, являющейся основополагающей проблемой социальной философии. Автор освещает роль ядерного оружия в условиях глобального мира. Оно выступает важным гарантом мировой безопасности, поэтому нарушение ядерного баланса приближает угрозу третьей мировой войны. Философское осмысление проблемы безопасности тесно связано с гармоничным мироустройством.

Ключевые слова: ядерная безопасность, глобальное мироустройство, ядерное сдерживание, третья мировая война, военная стратегия, ядерная монополия.

Features of the philosophy of nuclear safety in a global world order

I.D. Pescovitz, M.P. Yatsenko
Siberian Federal University

This article examines the nature of contemporary security that is the fundamental problem of social philosophy. The author focuses on the role

of nuclear weapons in the global world. It is an important guarantor of world security, thus violating the nuclear balance brings the threat of a third world war. Philosophical understanding of the problem of security is closely related to a harmonious world order.

Key words: *nuclear security, global order, nuclear deterrence, world war III, military strategy, nuclear monopoly.*

Актуальность статьи во многом обусловлена углублением глобальных антагонистических противоречий XXI в., которые выступают источником динамики всемирной, абсолютной безопасности, а также мировой динамики гуманитарных перемен [1].

Философское осмысление современных проблем безопасности базируется на интеграции многих научных направлений. Базисом западной философии выступает антропоцентризм, сторонники которого в лице Д. Локка и других философов Нового времени оправдывали войну как способ решения конфликтов. В свою очередь З. Фрейд, обосновывал идею о готовности умереть как лучшим способе продления жизни. Для иллюстрации ее философ выбрал известную милитаристскую формулу так называемого вооруженного мира: хочешь мира – готовься к войне. «Мы помним старую поговорку: если вы желаете мира, готовьте войну. Было бы своевременно таким образом перефразировать ее: если вы хотите продлить жизнь, будьте готовы к смерти» – писал он в 1915 г. О. Шпенглер попытался развить фрейдовскую идею, перенес ее на все человечество. С подобной диалектики начиналась дальняя идеологическая подготовка нравственного и психологического непротивления смертельной опасности балансирования на грани ядерной катастрофы в годы холодной войны [2].

В пространстве концепции ядерного устрашения большое значение приобретает категория страха, которая в сознании человека занимает даже более значимое место, чем категория смерти, составляя своеобразный силовой полюс его мировоззренческого напряжения. Именно поэтому восприятие страха как принципиального мотива социального поведения позволяет рассматривать его в качестве максимально эффективного средства управления обществом. На протяжении многих десятилетий подобный тезис внедрялся в сознание обществ ведущих стран, что стало ключевым элементом логики выживания и постепенно редуцировалось в определенный догмат о важности страха для оптимизации мировой политики. Мировому сообществу постепенно был внушен важный тезис: основным моти-

вом стремления к миру является страх ядерной смерти, который выступает своеобразным психологическим предохранителем, сдерживающим сползание человечества к ядерной войне. У. Черчилль был одним из первых, кто назвал послевоенный мир детищем ядерного страха, и эту неоднозначную мысль сегодня, к сожалению, разделяет большинство лидеров ядерных государств. Военные использовали подобные постулаты уже на уровне стратегии, где подобная абстрактная философская категория страха была естественно вплетена во вполне конкретные постулаты ядерных доктрин [3].

Большинство ученых и политиков доказывают, что наличие ядерного оружия в ведущих странах является главной гарантией поддержания мира. Они исповедуют принципы стратегии неприменения оружия массового поражения, для чего даже была сформулирована концепция «ядерного сдерживания». Сущность философии ядерной безопасности заключается в том, что наличие ядерного оружия, а значит и наличие ядерной опасности (страха), является залогом глобальной ядерной безопасности (мира).

В период американской ядерной монополии (1945–1949 гг.) оперативная стратегия США предполагала использование ЯО для нанесения военного поражения противнику за счет упреждающего ядерного удара по его стратегическому потенциалу средствами авиации. После создания советского атомного оружия в 1949–1951 гг. американское военно-политическое руководство было вынуждено пересмотреть свою ядерную стратегию, в результате появилась концепция «массированного возмездия», предусматривающая масштабный ответный ядерный удар, превосходящий по разрушительной мощи первый. Официально она была провозглашена госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом в его речи перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г. Однако появление у Советского Союза межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками (в 1957 г. СССР провел испытания первой МБР «Р-7») означало, что в случае ядерной войны Москва сумеет нанести ответный равноценный удар по американским городам. Эта угроза заставила американских стратегов переосмыслить роль ядерного оружия в вооруженном конфликте: неограниченная ядерная война перестала рассматриваться в качестве рационального средства для достижения политических целей. С этого момента американские военные специалисты начали усиленно изучать и разрабатывать сценарии ограниченной ядерной и неядерной войны, в результате чего администрации президента Джона Кеннеди была

предложена концепция «гибкого реагирования», допускающая «дозированное» применение ЯО, которая с 1961 г. стала новой официальной военной стратегией США.

На протяжении 1960-х гг. соотношение ядерных сил СССР и Соединенных Штатов постепенно выравнивалось. С 1966 г. в боевой состав советских ракетных войск стратегического назначения (РВСН) массово вводились МБР УР-100, имеющие повышенную защиту от поражающих факторов ядерного взрыва, и МБР Р-36, обладающие высокой боеготовностью, точностью и мощностью термоядерного заряда. В 1967 г. СССР приступил к развертыванию нового поколения ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН) типа «Навага» с 16 баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) Р-27. Несмотря на то что на тот момент США все еще превосходили СССР по численности ядерных боезарядов, а также по качественным характеристикам морских ядерных сил, американским стратегам стало очевидно, что советский ядерный потенциал достиг такого уровня, при котором уничтожить его посредством первого удара будет невозможно. В результате американские военные во главе с министром обороны Робертом Макнамарой пришли к выводу, что ядерное оружие прежде всего имеет ценность не как средство победы в войне, а как средство угрозы применения, которая может предотвратить войну, то есть сдержать войну [4].

Подобные идеи стали развиваться и в конечном итоге легли в основу доктрины «взаимного гарантированного уничтожения», смысл которой состоял в том, что ни СССР, ни США не способны с помощью упреждающего ядерного удара полностью уничтожить стратегический потенциал друг друга и избежать возмездия в ответном ударе. Неминуемость уничтожения в ответном ударе должна была удержать обе стороны от нанесения первого удара.

В 1970-х гг. происходит рост численности ядерных боезарядов обеих сторон за счет появления новых видов стратегического оружия, прежде всего баллистических ракет, оснащенных разделяющейся головной частью индивидуального наведения (РГЧ ИН). Так, в 1968 г. США завершили испытания МБР с РГЧ ИН «Minuteman III», а в 1970 г. испытали первую БРПЛ с РГЧ ИН Poseidon С-3. Через несколько лет за ними последовал СССР, в результате многозарядные советские ракетные комплексы УР-100Н, МР УР-100 и Р-36М заступили на боевое дежурство в 1975 г. Это обстоятельство мотивировало каждую из сторон к ориентации на достаточно рискованную стратегию ответно-встречного удара (ответного удара после

получения предупреждения о ракетном нападении от советующих систем), при которой ошибка системы предупреждения могла иметь катастрофические последствия.

В 1980-е гг. мощную поддержку концепции взаимного гарантированного уничтожения дала теория «ядерной зимы» – глобальной экологической катастрофы, наступающей в ситуации, когда суммарная мощность ядерных взрывов превысит 100 мегатонн. В то же время военные эксперты продолжали работать над поиском альтернативы традиционной политике ядерного сдерживания. В этот период новое военно-политическое руководство Соединенных Штатов стало проявлять повышенный интерес к теории победы в ограниченной ядерной войне.

Гарантия взаимной способности ответного удара продолжает оставаться в центре стабильности, при этом критерии нанесения противнику неприемлемого ущерба и требования к выполнению этой задачи в изменившейся военно-политической ситуации сегодня активно обсуждаются военными и гражданскими специалистами. Сторонники «гуманного», или «минимального», сдерживания считают, что объектами атаки в случае потенциальной ядерной войны должны быть только важные объекты инфраструктуры потенциальных противников.

Для любого современного государства даже ограниченный ядерный удар по гражданским целям не может быть приемлем. Важным аргументом в пользу сохранения существующего баланса оружия массового поражения является тот факт, что требования к ядерным силам, предназначенным для поражения городов, значительно ниже, чем к средствам, которые необходимы для гарантированного уничтожения объектов на вражеской территории.

Предотвращение третьей мировой войны связано не только с военным потенциалом, но и уровнем общечеловеческой культуры, которая в условиях современного информационного давления все чаще приобретает виртуальный характер. По мнению А.Д. Московченко, массовая виртуализация сознания в условиях раздробленной культуры «... неизбежно приводит к уничтожению фундамента человеческой культуры, к появлению сервисно-технологического «шизоидного» человека. Чтобы избежать негативных культурологических тенденций, ведущих к катастрофе человеческой цивилизации, необходимо обратиться к опыту русской космической школы» [5].

Таким образом, в условиях современного глобального мироустройства безопасность человечества напрямую связана с представ-

лениями о роли ядерного оружия в предотвращении третьей мировой войны. Современное внешнеполитическое использование механизма угроз детерминировано такими политическими и военными стратегиями, как «мирное насилие». В практике межгосударственных отношений политические и военные угрозы, а также контругрозы позиционируются как неизбежный инструмент обеспечения национальных интересов. В послевоенный период эти угрозы все чаще возводятся в ядерную степень, что с позиций социальной философии свидетельствует о снижении у современной цивилизации инстинкта самосохранения.

Литература

1. Кузнецова А.В. Справедливое мироустройство: становление российской политики формирующегося незападного справедливого мироустройства XXI века через культуру патриотизма. – М.: Книга и бизнес, 2011. – С. 296.

2. Ярошинская А.А. Философия ядерной безопасности. – URL: <http://www.souzchernobyl.org/?id=667>.

3. Смагин М.А. Ядерная смерть: философия стратегии уходящего века // Искусство умирания. Альманах «Фигуры Танатоса». Вып. 4 / под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 195–202. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/smagin-ma/yadernaya-smert-filosofiya-strategii-uhodyashchego-veka>.

4. Арбатов А.Г. Сокращение ядерного оружия и стратегическая стабильность // Стенограмма лекции А.Г. Арбатова, состоявшейся 21 октября 2004 г. в Московском физико-техническом институте для слушателей курса «Режим нераспространения и сокращения оружия массового поражения и национальная безопасность». URL: <http://www.armscontrol.ru/course/default.htm>.

5. Московченко А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: монография. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2012. – С. 6.

Сибирь и западноевропейская экспансия на рубеже XVI–XVII вв.

И.С. Пшегорский
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается деятельность западноевропейских морских держав по включению в сферу своего влияния территории Сибири на рубеже XVI–XVII вв. Выделены характер и особенности колониальной политики Англии и Голландии в отношении сибирского региона, а также механизмы противодействия со стороны Московского царства. Обращено внимание на историю изучения данного вопроса в российской и зарубежной историографии.

Ключевые слова: Сибирь, экспансия, колонизация, экспедиция, первооткрыватели, Московская компания, путешественники, торговые отношения.

Siberia and Western European expansion at the turn of the 16th – 17th century

I.S. Pshegorsky
Siberian Federal University

The article deals with the activities of Western European maritime powers to include the territory of Siberia in the sphere of their influence at the turn of the 16th–17th century. Character and features of colonial policy of England and Holland regarding the Siberian region, as well as mechanisms of counteraction from the side of the Moscow kingdom, are singled out. Attention is drawn to the history of the study of this issue in Russian and foreign historiography.

Key words: Siberia, expansion, colonization, expedition, discoverers, Moscow company, travelers, trade relations.

Сибирь как кладезь богатств неоднократно на протяжении длительного времени существования в составе Российского государства являлась предметом нездорового интереса со стороны партнеров по политическому процессу, выраженного в уже ставшей апокрифом

фразе о том, что сибирские богатства не могут принадлежать одному государству, а должны принадлежать миру.

Независимо от того, произносила ли в действительности эти слова Мадлен Олбрайт – государственный секретарь США, является показательным комментарий российского лидера по этому вопросу [1]. Тем не менее данная проблема не находит отражения в сколько-нибудь серьезных дискуссиях, а особенно в последние несколько лет, когда в отношении России и Запада появились две новые кризисные точки – украинский и сирийские кризисы, затмившие многие другие вопросы.

Несмотря на это попытки, например, США навести мосты в направлении Сибири имеют вполне осязаемый характер. Так, в июле 2015 г. введен безвизовый режим для коренных жителей Чукотки и Аляски, чем был завершён очередной этап процесса по упрочнению влияния на этносы Берингии, начатый еще с передачи в пользование США части континентального шельфа на закате перестройки [2]. Это однозначно показывает преимущество политики США в сибирском и дальневосточном вопросах на протяжении как минимум последних 25 лет. Но история самого вопроса гораздо старше.

О глубоких исторических корнях претензий наших западных соседей к сибирской *terra incognita*, ее просторам и недрам, уходящих еще в XVI в., и пойдет речь далее.

Пионером в исследовании данного вопроса, который по-прежнему в современной исторической науке остается дискуссионным [3], по праву считается И.И. Любименко, специалист по англо-русским торговым связям. И.И. Любименко, имея в распоряжении уникальные документы Британского спецхрана, еще в начале прошлого века в нескольких статьях ввела в научный оборот ценнейшие документы, красноречиво повествующие о планах английской экспансии в период русской Смуты. Секретные сведения для английского короля о боярах, жаждущих передать власть в руки самого справедливого из монархов, планы по освоению дикого края, подсчеты необходимых военных контингентов его величества [4]. В 1917 г. в научный оборот был введен «План Штадена» – план военной оккупации России от Колы до Онеги под руку Рудольфа II [5]. В 1941 г. вышла еще одна статья И.И. Любименко [6], затрагивающая тему английского проекта, к сожалению, эта тема не нашла продолжения в отечественной историографии [3].

Противоположной точки зрения на «неудобный» для англичан вопрос придерживается британский исследователь Чарльз Даннинг (Charles Dunning), автор, возможно, единственной зарубежной

серьезной научной статьи на рассматриваемую тему [7]. Даннинг в своей работе 1989 г. высказывает мнение о том, что так называемый проект английского протектората являлся инициативой частных лиц, встревоженных событиями в России, которая была очень быстро забыта. Так или иначе, по мнению исследователя А.В. Головнева, настрой англичан и голландцев на освоение российских окраин исходил из искренней убежденности в том, что весь мир подлежит европейской колонизации [8].

Бурная европейская военная колонизация, охватившая в XVI в. все ранее неизвестные европейцам земли, или известные, но представления о которых были чрезвычайно скудны, а в соответствии с культурными традициями эпохи – сказочные. Такой «сказочной» и неизведанной землей являлись и восточные просторы Евразии. Неудивительно, что в таких условиях у предприимчивых англичан, французов, голландцев, несправедливо, на их взгляд, обделенных Папой римским, поделившим все новые земли между Португалией и Испанией, а также имевших давние морские традиции, возникла идея посмотреть на восток в надежде найти более короткий морской путь в Азию, нежели переход вокруг Африки, кишачий португальскими судами и факториями [8].

Более короткий путь неизменно означал более выгодный путь; именно этот фактор способствовал активизации голландских и английских экспедиций. С высоты сегодняшнего дня идеи отважных первооткрывателей были чрезвычайно наивны: путешественники предполагали, что, пробившись через северные воды и льды северного побережья Московского государства, они встретят теплые моря и богатые диковинным товаром китайские и индийские земли.

Для реализации грандиозных планов в будущей «кузнице мира» – Лондоне было организовано общество «купцов-первооткрывателей». Первая экспедиция из трех кораблей и 116 человек закончилась гибелью большей части ее участников – через год после начала экспедиции, в мае 1554 г., поморы обнаружили два корабля, стоящие на приколе с мертвым экипажем, в том числе и тело капитана Хью Уиллоби (Hugh Willoughby). Второй корабль, возглавляемый Ричардом Ченслором (Richard Chancellor), пристал в устье Северной Двины. Доставленные к холмогорскому воеводе Феофану Макарову иноземцы представились послами английского короля Эдуарда VI, потребовав представить их царю Ивану IV, во владениях которого, как выяснилось, они оказались. Таким образом, в 1553 г. Ченслор смог посетить Москву.

В результате бесславное путешествие и гибель двух кораблей обернулись аудиенцией царя Ивана IV, после чего английские купцы получили право торговли с Россией. По-новому оценив сложившуюся ситуацию и осознав вполне ощутимую выгоду от торговли «здесь и сейчас», компания «купцов-первооткрывателей» превратилась в Московскую компанию, получившую широкие торговые привилегии.

Амбиции и пыл английских дельцов были изрядно умерены суровыми условиями арктического мореплавания, но не сошли на нет; экспедиции продолжались и в последующие годы, но были уже менее затратными. В 1555 г. под руководством капитана Стивена Берро была организована экспедиция на маленьком судне с красноречивым названием «Ищи наживь». Берро полагался исключительно на опыт поморов, присоединившись к их промысловой флотилии. В записях самого Берро постоянно упоминается о посильной помощи русских рыбаков, в различных ситуациях на пути до устья реки Печеры [9]. Один из поморов даже провел для него нечто вроде экскурсии на капище островных самоедов. Также Берро обещали, что если погода не испортится, то англичан сопроводят на Обь, но приближение холодов не позволило этого сделать [9].

В этот период экономическое присутствие англичан в России крепло, беспрепятственная торговля с Персией через Москву озолотила Московскую компанию в буквальном смысле: даже было разрешено чеканить английскую монету в столь далеких от Ла-Манша краях. К тому же англичане получали концессии на разработку руд на русском севере, им разрешалось пользоваться русскими портами. Была издана жалованная грамота, запрещающая всем, кроме судов компании, ходить на Обь, Двину и Печеру.

В условиях нарастающего англо-голландского торгового соперничества к концу века идея проложить путь по Северному ледовитому океану захватила и Голландию. В 1596 г. Генеральные штаты объявили высокую награду любому, кто успешно пройдет Северным путем. В одной из таких экспедиций, застрявшей во льдах Карского моря, в 1597 г. погиб известный путешественник Виллем Баренц.

Чем же объяснить столь настойчивое стремление англичан и голландцев плыть на восток к Оби и дальше? Во многом это связано со сложившимися картографическими представлениями на многих европейских картах, что именно Обь вела в Самарканд [10], а также к сказочно богатому городу Канбалык (так именовался Пекин) [11].

Получаемые от русских географические данные еще более обостряли желание европейцев построить через Сибирь торговый путь

в Индию и Китай. При создании своих карт европейцы, как правило, хотели подчеркнуть свой несомненный приоритет в открытии неизвестных северо-восточных и юго-восточных территорий [10].

Интересовали перспективы морских путешествий и Польшу, которая с помощью Лжедмитрия I планировала несколько экспедиций к берегам Индийского океана. Стоит вспомнить фламандца Оливье Брюнеля, или, на русский манер, Алферия-голландца, который искал путь в Китай то на деньги Якова и Григория Строгановых, то на деньги принца Оранского [12].

Начало XVII в. для России ознаменовалось сильнейшими социальными потрясениями – периодом Смуты (именно периодом Смуты датируются документы, к которым обращалась И.И. Любименко). Лейтмотивом этих документов является якобы нескрываемое желание русского дворянства пойти под руку английского короля. Переговоры велись через доверенных лиц и представителей торговых интересов, в частности Джона Смита, главы Московской компании [4].

Переломный момент в ходе затяжного социально-политического кризиса в Московском царстве произошел с воцарением новой династии, разрушив планы предприимчивых «гостей». Годы правления Романовых совпали с активным освоением русскими сибирских просторов в первые десятилетия XVII в. В 1601 г. тобольскому воеводе был дан указ не пускать в Сибирь торговые экспедиции, создана Верхотурская таможня. Как мы видим, по мере укрепления в русских в Сибири укрепляются и меры защиты от «посторонних глаз».

В 1601 г. заложен деревянный острог легендарной Мангазеи, давней поморской фактории на реке Таз. Организован сбор ясака с аборигенного населения на тысячи километров. Мангазея для русских стала форпостом для дальнейшего освоения Сибири с севера, процветали торговля и промысел, но царским указом в 1616 г. неожиданно был запрещен морской ход в Обскую губу волоком через Ямал. Одной из версий причин запрета был так называемый английский след, то есть страх Московской власти и богатого купечества проникновения Англии и Голландии в русские владения на Севере и в Сибири. Закрытием морского пути купировали проблему потери своего влияния и территории, превратив «мангазейский геополитический плацдарм» в «мангазейский геополитический барьер» [11].

Тобольский воевода Иван Семенович Куракин сигнализировал в Москву о настойчивых, непрекращающихся попытках европейцев найти морской путь в Сибирь, используя опыт поморов, и просил запретить морской путь. Правительство во главе с Михаилом Федо-

ровичем, имея весьма смутные представления о географии Сибири и ситуации на местах, запретили морской путь. Вообще очень часто воеводам «сибирских городов» виделась «немецкая угроза» [8].

Так ли реальна была угроза для сибирских владений Московского царства, или, может быть, это была ловкая попытка Куракина замкнуть на себе весь сибирский товарообмен, попытка выслужиться, чтобы, наконец, вернуться из почетной ссылки. Но было бы лишним сказать, что в Москве поверили письму, испугались и немедленно согласились, вероятно, этому сопутствовали достаточные обстоятельства, а именно опыт Смутного времени, когда после захвата поляками Москвы, английская торговая компания переместилась в Вологду. Вологда стала новым центром деловой активности. Пользуясь прямыми контактами с отдельными населенными пунктами, англичане получали до 90 % прибыли от всей торговли на Севере [3]. По словам академика С.Ф. Платонова, англичане «старались воспользоваться Смутой и благодаря упадку в Смутные годы правительственного надзора вытягивали с Русского Севера все, что только удавалось» [3].

Поэтому, так или иначе, но «европейская угроза» отозвалась политикой закрытых дверей в Арктике, восприятием западных соседей не только как торговых партнеров, но и как конкурентов.

Подводя итоги, можно уверенно говорить о нескольких вещах: во-первых, коммерческий интерес европейских гостей непременно порождал реальные планы по увеличению прибыли и максимальной эксплуатации природных ресурсов Сибири. Во-вторых, любая закончившаяся удачей экспедиция иностранцев, претенциозно называлась открытием какой-нибудь новой земли, даже если там издавна находились русские поселения, подготавливая идеологическую основу для колониального натиска.

В-третьих, интерес к российским, в частности к сибирским, природным богатствам имеет давнюю историю, историю, где очевидны аналогии с сегодняшним днем. В результате активность европейцев повлияла на то, что Московское царство на долгий период времени фактически превратилось в метрополию Сибири.

Литература

1. Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») // Официальный сайт Президента РФ, 18 октября 2007 года.
2. Кусок Берингова моря разделит судьбу Аляски // Коммерсантъ-Власть, 1991. – № 38.

3. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011. – 272 с.
4. Любименко И.И. Планы английской интервенции в России в начале XVII ст. // Советская наука. – 1941. – № 2. – С. 12–27.
5. Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. Публикации. – М.: Древнелехранилище, 2008. – 584 с.
6. Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал, 1914. – № 5. – С. 1–16.
7. Dunning Ch.S.L. A Letter to James I Concerning the English Plan for Military Intervention in Russia // SEER. 1989. – Vol. 67. – № 1. – P. 94–108.
8. Головнев А.В. Европейские мореходы на Русском Севере // Вестник Северного федерального университета. – 2015. – № 3. – С. 11–22.
9. Скрынников Р.Г. Ермак. М.: Молодая гвардия, 2008. – 272 с.
10. Осипов И.А. Антоний Дженкинсон и карта России 1562 года [Электронный ресурс]. Кольские карты. [2008]. URL: <http://kolamap.ru/library/txts/osipov.html> (дата обращения: 15.04.2017).
11. Захаренко И.А. Русские географические исследования и освоение Сибири в XVII веке // Вопросы истории. – 2009. – № 2. – С. 40–50.
12. Марков С.Н. Земной круг. – М.: Современник, 1976. – 623 с.

УДК 94(47)

Иркутский миссионерский съезд 1910 г.

А.А. Терскова
Сибирский федеральный университет

В статье представлены события Иркутского миссионерского съезда, который прошел в 1910 г., впервые собрав всех миссионеров Сибири, и помог обсудить основные проблемы внутренней православной миссии на востоке страны. Миссионерские всероссийские съезды также способствовали ак-

тивизации и реформированию миссионерской деятельности в Енисейской епархии.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Иркутский миссионерский съезд, духовенство, Енисейская епархия.

Irkutsk Missionary Congress of 1910

A.A. Terskova
Siberian Federal University

The article presents the events of the Irkutsk missionary Congress, which was held in 1910, and for the first time brought together all the missionaries in Siberia. The Congress helped to discuss the major problems of the Siberian Orthodox mission. All-Russian missionary Congress also contributed to the revitalization and reform of domestic missions in the Yenisei Governorate.

Key words: missionary activity, Irkutsk missionary Congress, clergy, Yenisei Governorate.

Вопрос о миссионерской деятельности Русской православной церкви на территории Сибири на рубеже XIX–XX вв. сегодня активно обсуждается историками. Этой проблеме посвящены работы историков А.В. Дулова, А.П. Санникова, В.А. Федорова [1; 2]. Значительный интерес представляет диссертация Н.М. Векшиной, которая характеризует миссионерскую деятельность РПЦ в Сибири и на Дальнем Востоке [3]. В работах Е.В. Выдрина подробно проанализирована миссионерская деятельность в Енисейской губернии [4; 5]. Проблема внутренней миссии в Сибири на рубеже веков только начинает обсуждаться историками и поэтому пока остается еще много нераскрытых вопросов. Одним из таких вопросов был Иркутский миссионерский съезд, который впервые дал анализ миссионерской деятельности в Сибирском регионе. Упоминание о миссионерских съездах содержится в статье Д.С. Ермаковой [6]. Цель данной статьи – осветить работу Иркутского миссионерского съезда и участие в нем депутатов от Енисейской епархии, а также показать влияние съезда на внутреннюю миссию в регионе.

Необходимо отметить, что миссионерская деятельность православной церкви в Енисейской губернии была мирной. Священники видели свое предназначение не в насильственном обращении в веру, но в способствовании просвещению и развитию духовной жизни

иноверческого населения отдаленных уездов, расширению и укреплению их контактов с русскими. Миссию на территории Енисейской губернии можно разделить на южную, которая включала в себя Минусинский уезд и Урянхайский край и касалась христианизации хакасов, и на северную, которая охватывала Туруханский край, слабо заселенный и отличающийся суровыми климатическими условиями. Миссионерской деятельностью в регионе к началу XX в. руководил Комитет Православного миссионерского общества, находящийся под контролем епископа. Подобные Комитеты были созданы во всех губерниях по решению Синода. В Приенисейском регионе он возник в 1871 г.

Вопрос о реорганизации и улучшении миссионерской деятельности в Сибири стал активно обсуждаться в начале XX в., особенно в связи с притоком населения в регион, революционными событиями и принятием закона о веротерпимости. В Сибирь в начале XX в. вместе с переселенцами с юга и центра России устремились представители евангельских и баптистских общин, мусульмане и раскольники. Закон о веротерпимости 1906 г. позволил развернуть представителям этих конфессий более широкую агитацию среди населения. Православная церковь, обеспокоенная расцветом в России евангельских религиозных общин, начинает больше внимания уделять миссионерской работе. Летом 1908 г. прошел Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве¹. Статьи о Киевском миссионерском съезде печатались в епархиальной прессе [7–10]. Депутатом от Енисейской епархии был Владимир Кузьмин, а также на съезде присутствовал священник Иннокентий Орфеев. С 25 июня по 30 июня 1908 г. по решению XXXVII общеeparхиального съезда духовенства было созвано епархиальное миссионерское совещание в г. Красноярске. Председателем на нем был священник Владимир Кузьмин. Совещание поставило задачу обсудить вопросы миссио-

¹ Первый Всероссийский миссионерский съезд прошел в Москве в Никольском единоверческом монастыре с 29 июня по 13 июля 1887 г. Согласно определению Синода от 12 мая 1887 г. на данный съезд должны были прибыть противораскольничьи миссионеры или лица, знакомые с состоянием раскола всех епархий, за исключением сибирских (как объяснялось – им далеко ехать). Второй Всероссийский миссионерский съезд состоялся также в Москве в Никольском мужском единоверческом монастыре в 1891 г. На этот раз его участниками стали 157 человек, в том числе представитель от Тобольской епархии миссионер Евгений Кельцев. Третий Всероссийский миссионерский съезд прошел в г. Казани с 22 июля по 6 августа 1897 г. На съезде присутствовало 196 человек. Председателем был избран ректор Казанской духовной семинарии архимандрит Антоний (Храповицкий) [6].

нерской деятельности в губернии и лучше подготовиться к Киевскому всероссийскому съезду. На епархиальном миссионерском съезде обсуждали вопросы о бедственном положении Туруханской миссии, о сложном положении миссионеров на юге региона – Абаканской миссии, обсуждали вопросы об истинном пасторском служении [11].

Киевский съезд, проходивший со 2 по 26 июля 1908 г., отметил, что изменилась религиозная ситуация в стране в связи с принятием закона о веротерпимости, обсуждались вопросы о борьбе с сектантством, расколом, исламом. Было принято решение провести миссионерские совещания епархий восточных и центральных регионов России и впервые организовать съезд миссионеров Сибири, Китая, Японии и Кореи.

Следующий общероссийский миссионерский съезд прошел в г. Казани с 13 по 26 июня 1910 г. Он объединял 22 восточных региона Российской империи. Рассматривали вопросы противодействия язычеству, исламу, развития школьного и миссионерского образования, перевода религиозной литературы [12]. В это же лето с 24 июля по 5 августа 1910 г. прошел Сибирский миссионерский съезд в Иркутске. Организатором его по распоряжению Синода был епископ Тихон, который ранее управлял Енисейской епархией. На съезд был отправлен вновь Владимир Кузьмин, где он выступил с докладом о Минусинской миссии, сам являясь руководителем Аскизского прихода. О Туруханской миссии на съезде докладывал игумен Иринарх. Также самостоятельно на съезд приехали от епархии священники В. Рождественский и Д. Вологодский.

На Иркутском съезде присутствовало 95 человек, среди которых 63 были с решающим правом голоса. Съезд посетили шесть архиереев и командированные от Синода миссионеры и проповедники В.М. Скворцов и И.И. Восторгов. Председателем на Иркутском съезде был Преосвященный Макарий, епископ Томский и Алтайский [13]. На съезде обсуждали вопросы по расколу и сектантству, успехи работы внешних миссий – Китая, Японии, Кореи, вопросы организации работы миссии на Дальнем Востоке, обсуждали проблемы перевода и издания литературы, благотворительности и управления миссией. На съезде был поставлен вопрос о том, чтобы учредить при Синоде специальный миссионерский комитет, потому что миссионерам не к кому обратиться со своими проблемами. Также на съезде прозвучало, что наиболее сложными территориями в Сибири, заселенными сектантами, является Омская, Благовещенская и Красноярская епархии [14, с. 18]. Решением съезда, полезным для Енисейской

епархии, было предложение выделить самостоятельную Минусинскую миссию, объединяющую все инородческие приходы, а также создать церковно-учительские школы в Туруханске и Минусинске. Было предложено вести проповедь среди инородцев только на родном языке, во всех приходах миссий ввести должность катехизатора. Съезд обсуждал вопрос и о том, чтобы во главе миссий в регионе поставить руководителей из местных миссионеров, которые бы подчинялись епископу, и не перемещать их на иные места, потому что частые перемещения вредят успеху дела [15; 13, с. 7–17]. Журналы Казанского и Иркутского съездов публиковались в «Миссионерском обозрении», «Иркутских епархиальных ведомостях», в нашем регионе – в «Енисейских епархиальных ведомостях». Решения миссионерских съездов были зафиксированы в определениях Святейшего Синода, согласно которым даже разрешалось создавать миссионерские приходские советы.

11 августа 1910 г. в 6 часов вечера состоялось собрание в епархиальных покоях, причиной которого стал приезд в Красноярск видных миссионеров России (они возвращались с Иркутского миссионерского съезда), среди которых был В.М. Скворцов, оренбургский миссионер-священник Дмитрий Александров, пермский миссионер А.Г. Кушелев. На собрании гостей с иркутского миссионерского съезда также звучала озабоченность распространением в России, особенно в Сибири в связи с массовым переселением в этот регион, различных сектантов, раскольников, баптистов и евангелистов. По инициативе В.М. Скворцова при Братстве Рождества Пресвятой Богородицы (позднее переименовано в Братство Иннокентия Иркутского чудотворца), которое располагалось при кафедральном соборе в Красноярске, образовали особый Миссионерский Совет, который ведал делами внутренней миссии в Приенисейском регионе. Председателем был избран священник Дмитрий Вологодский, членами стали начальница епархиального женского училища Л.А. Троепольская, кафедральный протоиерей Михаил Лотоцкий, епархиальный наблюдатель В.П. Антонинов, преподаватель А.С. Богданов, священники Иннокентий Орфеев, Василий Рождественский, секретарь Варсанофий Захаров [16, с. 19].

В целом, решения сибирского миссионерского съезда были очень своевременны и прогрессивны, а миссионерская деятельность в регионе приобрела значительные масштабы. С 1910 г. при Братстве действовали 2 окружных миссионера и 2 помощника миссионера, которые разъезжали по епархии, проводили беседы, лекции, распро-

страняли литературу. Также в приходах Аскызском Петро-Павловском (населен хакасами и русскими) и в Спасском железнодорожном приходе в Красноярске (среди рабочих железной дороги активно агитацию вела секта баптистов) были учреждены миссионерские церковно-приходские советы [17]. Предполагалось создание других приходских миссионерских организаций. Братство Рождества Пресвятой Богородицы сосредоточило в своих руках всю миссионерскую работу в епархии.

Литература

1. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2006. – Ч. 1. – 293 с.; Ч. 2. – 319 с.
2. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М., 2003. – 480 с.
3. Векшина Н.М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2014. – 22 с.
4. Выдрин Е.В. Миссионеры Туруханского края в 1850–1870-е гг. // XV Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. – Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь», 2015. – С. 318–322.
5. Выдрин Е.В. Миссионерская деятельность на севере Приенисейской Сибири в 1871–1917 гг. // Енисейский Север: история и современность. Сборник научных трудов. – Красноярск, 2016. – С. 70–85.
6. Ермакова Д.С. Всероссийские миссионерские съезды и единение в конце XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pora.zavantag.com/stati/odnim-iz-glavnih-sposobov-privlecheniya-starobryadcev-k-pravo/main.html>.
7. Кузьмин В. Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (заметки депутата) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1908. – № 9. – С. 17–19.
8. Кузьмин В. Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (заметки депутата) (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1909. – № 1. – С. 19–21.
9. Кузьмин В. Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (заметки депутата) (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1909. – № 2. – С. 18–21.
10. Кузьмин В. Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (заметки депутата) (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1909. – № 3. – С. 20–22.

11. Богданов А. О миссионерском съезде Енисейской епархии, бывшем в г. Красноярске с 25 по 30 июня 1908 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1908. – № 1. – С. 24–29.

12. А.Б. Итоги Казанского миссионерского съезда // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 15. – С. 33–41.

13. В.К. Иркутский миссионерский съезд (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 18. – С. 7–21.

14. В.К. Иркутский миссионерский съезд (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 19. – С. 14–20.

15. В.К. Иркутский миссионерский съезд (заметки депутата) // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – С. 19–28.

16. Богданов А. Хроника Епархиальной жизни // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – С. 16–19.

17. Хроника Епархиальной жизни // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910. – № 22. – С. 9–11.

УДК 91: 69.002.5; 67.03 «1960/1965»

Подземная артерия Западной Сибири: история запуска нефтепровода Шаим – Тюмень (1960–1965 гг.)

К.Г. Трихаева
Сибирский федеральный университет

Статья посвящена особенностям возникновения нефтегазопровода, соединяющего месторождение с основной нефтегазовой провинцией Западной Сибири. Рассмотрен социальный аспект взаимодействия между структурными единицами в ходе строительства. В статье рассмотрены мемуары рабочих, а также публицистические материалы, посвященные юбилею запуска нефтегазопровода.

Ключевые слова: нефтегазопровод, Западная Сибирь, нефть, газ, строительство, общество, месторождение.

History of the launch of the oil pipeline Shaim – Tyumen (1960–1965 years)

K.G. Trikhaeva
Siberian Federal University

The article is devoted to the features of the emergence of the oil and gas pipeline, which unites the field with the main oil and gas province of Western Siberia. The social aspect of interaction between structural units in the course of construction is considered. The article reviews memoirs of workers, as well as journalistic materials devoted to the anniversary of the launch of the oil and gas pipeline.

Key words: *Gas and oil pipeline, Western Siberia, gas, oil, building, field, social institution.*

Нефтегазовая отрасль является составной частью топливно-энергетического комплекса и представляет собой сложную систему связанных между собой предприятий, которые выполняют особую, ответственную им роль, будь то разведка, добыча, переработка или транспортировка продуктов нефти и газа. Все это представляется возможным лишь при четкой организации деятельности каждой из составляющих отрасли. С точки зрения исторического движения недостаточно исследованы социальные факторы в развитии отрасли, в том числе и в направлении, связанном с транспортировкой нефтепродуктов.

21 декабря 1965 г. впервые был запущен нефтепровод, соединяющий Шаимское месторождение с Тюменью [2]. Позднее журналисты окрестили его «трассой мужества». И это неслучайно, так как действовать приходилось в условиях заболоченной почвы, в тайге, где не было никаких дорог, нужно было преодолеть десятки рек, чтобы соединить в магистрали новую нефтегазовую провинцию с ближайшим крупным городом. Рабочим пришлось столкнуться с тяжелейшими погодными условиями при отсутствии какого-либо опыта строительства подобных сооружений.

Еще в 1932 г. академик Губкин предрекал таежным просторам великое нефтяное будущее [3]. Речь шла о необходимости планомерных поисков нефти на восточном склоне Уральского горного хребта. Комплексная комиссия по нефти и газу при президиуме Академии наук СССР приняла постановление «О перспективности нефтеносности Западной Сибири» уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны, 4 июля 1945 г. [4]. К тому времени были установлены основные

черты геологического строения и перспективы нефтеносности. В апреле 1948-го в Министерстве геологии СССР был издан приказ о развитии геолого-разведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири [5]. В конце 50-х гг. прошлого века стала работать геолого-разведочная экспедиция треста «Запсибнефтегеология», позже появилась «Главтюменьгеология». Весной 1959-го недалеко от села Шаим начала бурение бригада бурового мастера, будущего Героя Социалистического Труда Семена Урусова. 25 апреля 1960 г. из скважины № 7 Мулымьинской площади впервые в Тюменской области получена промышленная нефть. 4 октября 1959 г. «Тюменская правда» сообщила: «25 сентября 1959 г. на Мулымьинской структуре, вблизи села Шаим, на глубине 1405 м был открыт нефтеносный пласт, суточный дебит которого по предварительным данным составляет свыше 1 т легкой нефти» [6].

По мнению академика РАН Алексея Эмильевича Конторовича, еще в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века закладывалась основа парадигмы Губкина – Байбакова – Трофимука, согласно которой шло последовательное освоение новых нефтегазоносных провинций, двигаясь с Запада на Восток, при этом главный упор делался на открытие и освоение в первую очередь крупных и гигантских месторождений [7].

В то время ученые обратили внимание на сходство геологического строения нефтеносной Аппалачской впадины в Северной Америке с аналогичной впадиной в Западной Сибири. Целых тридцать лет понадобилось, прежде чем в 1960 г. у поселка Шаим ударил первый нефтяной фонтан.

Вот как это было. Из книги тюменского журналиста Вячеслава Гончарова «Первый сибирский» [10]: «Буровой мастер Семен Урусов и его бригада год за годом штурмовали толщу тюменской земли, прощупывали каждый километр, но нефти не нашли. Бурильщики не раз спрашивали своего «вожака»: «Ну где же «черное золото»? В один из таких дней Урусова вызвал в Тюмень начальник геологического управления Юрий Эрвье.

– Говорят, в Тюмени нет нефти? Не верьте нытикам. Сейсморазведка обнаружила в верховьях реки Конды нефтегазоносные структуры. На их открытие хотим послать вас.

Вернувшись в бригаду, мастер был краток:

– Наш новый адрес – Шаим. Кто согласен, собирайтесь.

В тайгу отправились 12 человек. Лесная глухомань надолго стала для них и домом, и рабочим местом. И вот наконец, когда в одной из скважин пробурили 1,5 км, долото уперлось в кристаллические

породы. Выкачали воду. Бригадир волновался, ждал, что же будет. Как только забрезжила заря, оправился на буровую. Приходит и видит: скважина полна воды, а из нее пробиваются блестящие черные пузырьки. И Урусов что было мочи закричал:

– Нефть! Нефть!

Тотчас на буровую прибежали все. Обнимались, жали руки. В июле 1960 г. маленькая радиостанция бригады передала долгожданную весть: забил мощный фонтан с дебитом 300 т в сутки.

Так была открыта большая сибирская нефть.

Поначалу ее доставляли на Большую землю баржами, но с ростом объемов встал вопрос о необходимости строительства нефтепровода. Тюменский промышленный обком КПСС в 1964 г. постановил: нефтяная магистраль Шаим – Тюмень считать важнейшим для области объектом.

Началась грандиозная стройка. В результате проведения проектных работ была установлена примерная протяженность трассы, которая составляла чуть больше 400 км. Четыреста километров сплошного массива тайги, болот и полного отсутствия какой бы то ни было дороги ставили в тяжелейшие условия рабочих, техников и инженеров. Полгода – именно такой срок отвели на окончание работ по всей протяженности трассы. Для такого рода изысканий требовалось обычно гораздо большее время с учетом всех природно-климатических факторов. Зимой 1964 г. началось непосредственное строительство нефтепровода, которое осложнялось весенним паводком, особенностью почвы. Часто приходилось искать нестандартные решения во избежание серьезных проблем с прочностью нефтепровода в заболоченных участках трассы. Нефтяная магистраль должна была соединить рабочих с противоположных ее краев, только тогда работа считалась бы оконченной. По ходу расположения основных участков образовывались небольшие поселения, состоящие из вагончиков. Жили даже с семьями. Женщины трудились наравне с мужчинами, хотя подчас отношение было весьма снисходительным. Однако снисходительность сменилось уважением перед стойким и крепким характером первой женщины-прораба Валентины Беляевой» [11].

В 1965 г. закончилось строительство, оставалось наладить основные процессы. Были созданы ключевые станции, которые подчинялись Тюменскому нефтепроводному управлению.

Проверка трассы, проведенная АО «Транснефть-Сибирь», показала наличие лишь незначительных дефектов, что говорит о невероятном качестве строительства того времени.

Таким образом, можно сказать, что качество строительства в 60-х гг. прошлого столетия при имеющемся уровне технологической оснащенности и недостаточности профессионального опыта и навыков в достаточной степени продемонстрировало стойкость и выносливость рабочей группы как важного элемента социального аспекта нефтегазовой отрасли в целом.

Подземная артерия Западной Сибири еще долго будет пульсировать, даруя жизнь нефтяной отрасли России.

Литература

1. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mining-enc.ru/b/bitumoidy/>.
2. Грасмик К.И. Промышленная политика государства как фактор модернизации реального сектора экономики России: дис. ... канд. эконом. наук. – Омск, 2007. – С. 18.
3. Козеняшева М.М. Экономическое развитие нефтяного комплекса Российской Федерации в условиях глобализации мирового нефтяного хозяйства (теоретические и методологические аспекты): автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. – М., 2011. – С. 37.
4. Бодров Е.В., Каликов В.В. и др. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации: монография. – М., 2014. – С. 50–51.
5. Глобальные проблемы нефти и газа и новая парадигма развития нефтегазового комплекса России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.academy.org/>.
6. Парламентская газета «Тюменские известия»: Триумф 1965 года: шаимская нефть пришла в Тюмень [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.t-i.ru/>.
7. Степанов В.А. История становления и развития нефтегазового направления в России. – СПб., 2009. – С. 42.
8. Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991. – М., 2007. – С. 43.
9. Курятников В. «Обком должен накипидарить строителей...» Как строился газопровод Бугуруслан – Куйбышев // Родина. – 2009. – № 10. – С. 37.
10. Славкина М.В. Четыре лика советского нефтяного экспорта: основные тенденции развития в 1922–1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 7 (261). История. Вып. 49. – С. 56–64.

11. Щелкачев В.Н. История управления разработкой и история разработки нефтяных месторождений СССР и России. – М., 1998. – С. 59–62.

УДК 908

Документы Комитета грамотности как источники изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии конца XIX в.

В.В. Чернышов

КГКУ «Государственный архив Красноярского края»

В статье рассматривается значение документов Комитета грамотности как источников изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии конца XIX в. Созданный в 1890 г. как совещательный орган при енисейском губернаторе, Комитет грамотности стал местом рассмотрения многих проектов, направленных на улучшение образования среди крестьянского населения.

Ключевые слова: енисейский губернатор, народное образование, школа грамотности, церковно-приходская школа.

Documents literacy Committee as sources for the study of processes occurring in the system of public education of the Yenisei province late XIX century

V. V. Chernyshov

KGKU “State archive of the Krasnoyarsk territory”

The article discusses the importance of the documents of the literacy Committee, as sources for the study of processes occurring in the system of public education of the Yenisei province late XIX century. Established in 1890 as an Advisory body in the Yenisei Governor, the literacy Committee became a place

of consideration of many projects aimed at improvement of education among the peasant population.

Key words: *Yenisei Governor, people's education, school literacy, parochial school.*

Образованность, грамотность населения является важнейшей составляющей жизни общества. Вот почему вопросы, связанные с народным образованием, проблемы, возникающие в этой сфере, всегда были в центре внимания государственных и общественных институтов. В этом можно убедиться, изучая документы досоветских фондов Государственного архива Красноярского края, в частности документы Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете.

Начало деятельности Комитета грамотности положила ознакомительная поездка губернатора Леонида Константиновича Теляковского по Енисейской губернии летом 1890 г. Из разговоров с крестьянами и сельскими должностными лицами вступивший в свою должность 1 января 1890 г. енисейский губернатор сделал вывод, что образование среди крестьянского населения губернии стоит на чрезвычайно низком уровне. «Даже можно сказать, что его почти вовсе нет», – констатировал позже губернатор на заседании особой комиссии по образованию [1].

Особенно поразило губернатора Л.К. Теляковского, человека глубоко верующего, то, что не только крестьяне, но и практически ни один встретившийся ему сельский староста или волостной старшина не могли правильно прочесть молитвы на память, а если и были такие, которые старались прочесть, то они читали сбивчиво «без всякого выражения смысла» [2]. Зато дома, отведенные под школы, распродавались под питейные заведения, в чем губернатор лично убедился, обнаружив в здании одной из школ кабак – «которых в селе четыре, а школы ни одной» [3].

Под впечатлением от увиденного уже через несколько месяцев после поездки, в ноябре того же 1890 г., губернатор Л.К. Теляковский создает комиссию по вопросу о распространении грамотности среди населения губернии. Членами комиссии стали: директор Красноярской учительской семинарии И.Т. Савенков, инспектор народных училищ Енисейской губернии М.А. Заостровский, красноярский окружной исправник К.И. Знаменский, член-секретарь Енисейского губернского статистического комитета Г.А. Хотунцов, епископ Енисейский и Красноярский Тихон. В комиссию также вошли пред-

седатель попечительского совета Красноярской женской гимназии О.П. Витошинский и представитель Енисейского епархиального училищного совета К.А. Успенский [4].

Первое и единственное заседание комиссии состоялось 5 ноября 1890 г. [5]. Убедившись на этом заседании в сложности вопроса организации народного образования на селе, в наличии разных мнений по этим вопросам и важности регулярного обмена такими мнениями, губернатор предложил образовать из членов комиссии постоянный Комитет грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете [6], председателем которого он являлся.

В Государственном архиве Красноярского края на хранении находятся протоколы заседания Комитета грамотности от его первого заседания 5 ноября 1890 г. до заседания, состоявшегося 3 ноября 1893 г.. Несмотря на небольшое количество документов, эти материалы представляют, на наш взгляд, интерес для исследователей, занимающихся историей народного образования Енисейской губернии досоветского периода. Ведь члены Комитета на своих заседаниях рассматривали разные вопросы, такие, как учреждение попечительств, ремонт школьных зданий, обеспечение пособиями нуждающихся учащихся, отведение земель под школы, открытие и закрытие учебных заведений.

Немаловажно для исследователя и то, что разработка Комитетом различных мер принималась на основе документальных и статистических сведений, непосредственно предоставляемых в Комитет организациями, учреждениями, частными экспертами, а также докладов, донесений, представлений разных местных чиновников, переданных губернатором. И эти документы содержат интересные факты по тем или иным вопросам, связанным с народным образованием. Так, из доклада минусинского окружного исправника можно узнать, что собравшиеся на сход выборные от населения Абаканской инородческой управы отказались от устройства на территории управы передвижных школ, ссылаясь как на невозможность населения содержать такие школы из-за бедности, так и на то, что такое обучение не может увенчаться успехом. Последние выборные аргументировали тем, что дети инородцев совершенно не знают русский язык и не понимают то, что им объясняет учитель, а учителя местного языка не знают. Ярким примером бесполезности такого обучения являлась Усть-Абаканская школа, пока туда не был назначен учитель Райков, выходец из местного населения, знающий язык [7]. А из данных, предоставленных красноярским окружным исправником,

видно, что среди крестьянского населения Красноярского округа наблюдалось желание обучать своих детей грамоте, и из-за нехватки школ в округе практиковалось частное обучение, когда крестьяне за определенную плату нанимали учителей из ссыльных и поселенцев. Так, в деревне Серебряковой Частоостровской волости частным порядком обучалось 6 мальчиков и 2 девочки, в деревнях Шошкиной и Малобалчугской – 6 детей, в деревне Воробьиной – 11, в деревне Высотиной – 2, в селе Атамановском – 10 [8].

В этой связи нужно отметить и оперативность рассмотрения документов, поступающих в Комитет. Это видно из случая с тем же докладом минусинского окружного исправника об инородческих школах. Переписка по этому достаточно важному вопросу в ином случае продолжалась бы длительное время. Но, попав в Комитет, доклад был быстро рассмотрен, и выборным от Абаканской инородческой управы предложили направить на работу в Усть-Абаканскую школу преподавателей, знающих местный язык, при условии, если управа согласится оплачивать проживание учеников при школе [9].

Однако самым важным и обсуждаемым вопросом для Комитета грамотности, как видно из его документов, стал вопрос об организации такой системы начального образования сельского населения, которая бы охватила наибольшее количество детей. Существенная роль в разработке этого вопроса принадлежала красноярскому ученому и педагогу Ивану Тимофеевичу Савенкову. Именно И.Т. Савенков, знающий реальное положение дел в народном образовании не понаслышке, с первых дней существования Комитета обратил внимание его членов на ту негативную тенденцию, которая сложилась в сфере начального образования в 1880-е гг. и которая не очень ясно прослеживалась в официальных документах. По данным И.Т. Савенкова, к концу 1883 г. по всей Енисейской губернии (включая Туруханский край) действовало 50 начальных училищ, где обучалось 1500 учащихся. Через шесть лет, к концу 1889 г., число таких училищ возросло до 142, что дало возможность обучать в них уже 3530 человек, то есть число учащихся в губернии увеличилось вдвое. Но при этом в 1883 г. в начальной школе обучалось всего только 2,34 % детей школьного возраста (от 7 до 14 лет) из крестьянского населения, то есть из 100 детей обучалось только двое. А в 1889 г. число учащихся крестьянских детей увеличилось до 5 %. То есть из 100 детей стали обучаться только пять человек. Изучив данные статистики, И.Т. Савенков сделал неутешительный вывод, что увеличение числа крестьянских детей, получающих начальное образование, связано не

столько с увеличением числа учебных заведений, сколько с увеличением за этот период численности населения губернии. То есть дело народного образования в губернии, несмотря на официальные хорошие показатели, практически не развивается [10]. Мнение И.Т. Савенкова было подтверждено и другими материалами, поступившими в Комитет. Например, по данным красноярского окружного исправника К.И. Знаменского, также члена Комитета, в достаточно благополучном по числу образовательных учреждений Красноярском округе 70 населенных пунктов не имели школ [11].

Учитывая такие сведения, члены Комитета посчитали необходимым расширение именно первичного звена школьного обучения, в виде школ грамотности [12], то есть школ, где ученики обучались основам чтения, письма, счета, Закона Божьего. Однако, как и где создавать такие школы, чтобы они охватили наибольшее количество крестьянских детей, его члены долго определить не могли, что и вызвало оживленные дискуссии. В этой связи достаточно интересны различные идеи относительно создания системы начального образования, которые нашли свое отражение в протоколах Комитета.

Так, один из активнейших членов Комитета епископ Енисейский и Красноярский Тихон предложил основой начального образования сделать церковно-приходскую школу. Данные школы, по мнению Преосвященного Тихона, необходимо первоначально учреждать в крупных селах, что позволит охватить обучением не только детей из самого села, но и детей из окрестных деревень. Способные ученики таких школ после окончания обучения могут остаться при школе в качестве практикантов, а впоследствии быть направлены для самостоятельной работы в деревни в качестве наставников в школах грамотности. По воскресным и праздничным дням такие наставники вместе со своими учениками будут обязаны являться в село к церковному богослужению. Здесь, в селе, они могут обращаться за советами и разъяснениями как к учителю сельской школы, так и к местному священнику. В обязанности последнего и входит общее наблюдение как за преподаванием в церковно-приходской сельской школе и в деревенских школах грамотности, так и за нравственно-религиозным воспитанием детей. Для достижения этих целей учитель сельской церковно-приходской школы и законоучитель должны поочередно посещать школы грамотности прихода [13].

Оживленные дискуссии вызвал и вопрос, связанный с преподавательскими кадрами вновь открываемых школ, который не мог не перейти в обсуждение подготовки учительских кадров в целом,

что нашло свое отражение в рассматриваемых документах. Ведь, как отмечалось в протоколах Комитета, учащиеся, окончившие Красноярскую учительскую семинарию, в основном не распределялись на учительские должности. Причем значительная часть тех, которые получали такую должность, после окончания определенного законом для стипендиата срока службу учителя оставляли и переходили на чиновническую или частную службу. Особенно характерно это было для сельской местности. Причинами этому являлись незначительное количество учеников семинарии из крестьян и недостаточная обеспеченность службы учителя [14].

Конечно же, создание и деятельность Комитета грамотности представляли собой всего лишь реакцию властей на негативные явления, сложившиеся в системе народного образования Енисейской губернии. И решить какие-либо основные практические вопросы в этой сфере Комитет самостоятельно не мог, да и не ставил перед собой таких задач. Ведь важность его работы заключалась в донесении до властей самых насущных проблем народного образования, выработки определенных мер, направленных на увеличение грамотности населения. И именно поэтому документы Комитета, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, на наш взгляд, являются важным историческим источником, без которого понимание процессов, сложившихся в системе народного образования Енисейской губернии конца XIX в., будет не совсем полным.

Литература

1. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 1 об.
2. КГКУ «ГАКК». Там же.
3. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 2.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.
5. КГКУ «ГАКК» Там же.
6. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 5 об.
7. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 10.
8. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 8.
9. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 11.
10. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 12.
11. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 8.
12. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.
13. КГКУ «ГАКК». Ф. 31. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.
14. КГКУ «ГАКК». Там же.

Языковая ситуация и положение отдельных народов Речи Посполитой в конце XVI – XVII в.

К.С. Шилейкис
Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются языковые особенности Речи Посполитой в период с 1569 по 1696 г.: характеристика языков в контексте их социальной иерархии и распространения. Для многонациональной Речи Посполитой была характерна мультилингвальность – ее населяли несколько автохтонных народов и этнических диаспор.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Польша, Литва, Русь, польский язык, западнорусский язык.

Language question and particular languages status within Polish-Lithuanian Commonwealth in the late 16th and 17th century

K.S. Šileikis
Siberian Federal University

The article considers Polish-Lithuanian Commonwealth lingual specifics in the period of 1569–1696: languages characteristics in terms of their social status and usage. The multicultural Commonwealth featured multilingualism as it was inhabited by several aborigine ethnic groups and ethnic diasporas.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, Poland, Lithuania, Ruthenia, Polish language, Ruthenian language.

Речь Посполитая – весьма неординарная для своего времени держава, образованная в итоге навязанной в 1569 г. Польшей федеративной унии Литовско-Русскому государству. Отдельные историки сравнивают эту «Республику обоих народов» с современным Европейским союзом ввиду конфедеративности, многонациональности и относительной демократичности («шляхетская демократия») строя. Была ли она, как может показаться, примером равновесия между языками Короны и Литвы, или языковая ситуация в держа-

ве была гораздо более комплексная и противоречивая, чем кажется на первый взгляд?

Цель нашей работы – изучить языковую ситуацию, статус и диспозицию отдельных языков государства, понять, как они уживались друг с другом в границах Республики (прямой перевод «Речи Посполитой»). Хронологически мы ограничимся периодом истории до XVIII в., после которого усилились тенденции к монокультуризации.

Латынь. С X в. и до образования Речи Посполитой ведущим языком в Польше была латынь. На ней писалась богатая литература, поэзия, ею пользовалась канцелярия, двор, дворянство. Она (наряду с польским) оставалась официальным языком Польши (и в первую очередь церкви) вплоть до ее окончательной ликвидации в 1795 г. И, несмотря на усиление позиций польского, «латынь по-прежнему открывала дверь в мир европейской культуры и дипломатии, давала даже определенное чувство собственного превосходства... оставалась необходимым элементом обучения и воспитания» [1]. Латынь продолжает активно использоваться высшим классом до XVIII в.

Польский (среднепольский). В начале XVI в. польский язык начинает постепенно вытеснять латинский в качестве главного языка Польши. Первые польские книги стали выпускаться только в начале XVI в. Когда в политической и хозяйственной жизни государства лидером стала шляхта, настроенная против церкви и в большинстве не владевшая латынью, то польский язык оказался исключительно востребован: «Польский язык в XVI в. проникает во все области общественной и культурной жизни страны, вытесняя в ряде случаев латынь. С 1543 г. сеймовые акты стали писать по-польски, в 1547 и 1548 гг. на польском языке был написан первый дневник (диарий) сейма, в 1559 г. на польский язык были переведены с немецкого труды по городскому праву» [1]. Польский переживает золотой век: он становится государственным, процветает проза и поэзия. Польский язык начинает также насаждаться на украинских землях после их присоединения к Польше в 1569 г. и становится основным языком всей многочисленной шляхты Республики. С 1696 г. – канцелярский язык Великого княжества Литовского.

Западнорусский. Сразу отметим, что «русский язык» Литовского княжества не соотносится с современным русским языком, преимущественно сформировавшимся в начале XIX в. Аутентичное самоназвание – «русский языкъ, руска мова» подчеркивает его преемственность литературному древнерусскому языку. В российской

историографии литовский извод русского языка получил название «западнорусского». Он был преемственен древнерусскому литературному варианту, в отличие от живых говоров населения, давших начало современным украинскому и белорусскому.

Западнорусский язык стал официальным языком Литовского государства, отчего в некоторых источниках он упоминается как «литовский» [2, с. 204]. Собственно литовский язык не обладал богатой терминологией, необходимой для языка развитого государства, не имел письменности и был совершенно неактуален на русских землях, составлявших 90 % Великого княжества. «Руский язык» был мощным фактором ассимиляции пришлых литовцев: даже великие князья говорили на нем как на родном. На нем был написан фундамент литовского права – Литовские статуты. В течение XVII в. в русских дворянских кругах окончательно возобладал польский язык, и «руский» язык приходит в упадок, становясь все более искусственным, во многих сферах уступая церковнославянскому языку [3, с. 18], поэтому в 1696 г. делопроизводство в Литве было переведено на польский язык.

Церковнославянский (украинско-белорусский извод) язык оставался традиционным языком православной церкви, но с XVI в. испытывал упадок: «О том, что церковнославянский язык был в те времена уже малопонятен простому народу, свидетельствует факт издания Симоном Будным катехизиса, где церковнославянские цитаты из Священного Писания объясняются по-белорусски» [4, с. 237]. В XVII в., противостоя давлению латыни и польского языка, православные полемисты пытаются упорядочить церковнославянскую грамматику по их примеру и выпускают на церковнославянском множество публицистических трудов.

Литовский. Литовские племена, основавшие Литовское княжество, не смогли, однако, полноценно колонизировать русские земли. Малочисленность и откровенная социально-культурная отсталость литовцев вела к постепенному обрусению государства. Западнорусский язык был официальным по той простой причине, что у литовского языка не было письменности вплоть до XVI века: первая литовская книга – катехизис Мартина Мажвида вышла только в 1547 г. На Виленщине литовский язык постепенно вытеснялся польским, западнорусским и идишем, но оставался крепким в Жямайтии: «Потеря литовского национального характера началась в первую очередь в юго-восточном языковом ареале, где знание западнорусского языка значительно поспособствовало овладению польским языком» [5].

«Разновидности» немецкого языка. Заселенные преимущественно немцами прусские земли (Прусское герцогство) стали вассальными владениями Польши еще в 1525 г. В составе Республики оно было, по сути, отдельным государственным образованием (в свою очередь состоявшим в унии с Бранденбургом с 1618 г.), так как весь вассалитет сводился к выплате дани польскому королю. В Пруссии (преимущественно сельской) был распространен нижнепруссский и верхнепруссский диалекты, входящие в группу восточнонижненемецких диалектов [6, с. 5].

Немцы также составляли большинство в городах Ливонии. Ливонская конфедерация была распущена в 1561 г. и стала (вся, кроме Северной Эстонии) вассалом Великого княжества Литовского, войдя напрямую в его состав, а с 1569-го стала condominiumом (совладением) Польши и Литвы. Диалектом остзейских (балтийских) немцев (преимущественно городских) служил средненемецкий, являвшийся лингва-франка городов Ганзейского союза: «Положение и значение нижненемецкого языка Ганзы для Северной Европы сопоставимо с ролью латыни как международного языка права, науки и религии» [7, с. 217].

К средненемецким диалектам немецкого языка относится **идиш** (его восточные диалекты) – язык европейских евреев. Подаренные польскими королями привилегии сделали польско-литовские земли крайне привлекательными для евреев со всего света: к моменту создания Речи Посполитой в государстве жило 80 % евреев мира, а к 1648 г. около 500 тысяч евреев составили 5 % населения Республики [8]. В некоторых городах (например, в Познани) было разрешено селиться исключительно евреям, а во многих других городах евреи составляли большинство или значительную долю населения. Евреи служили посредниками-арендаторами между шляхтой и крестьянами, за что их ненавидело простое население Украины (где евреев было особенно много). При переселении в Польшу евреи смогли сохранить свой язык, потому что «...в этот период (XII–XV) основным языком христианского населения крупнейших городов Польши был немецкий» [9].

Латышский, эстонский. Территории Латвии и Эстонии (Ливония) входили в состав Речи Посполитой с 1569 по 1621 г., а запад Латвии (Курляндия и Семигалия) – до конца ее существования. Автохтонные жители, представленные в подавляющем большинстве крестьянами, говорили на диалектах будущих латышского, латгальского и эстонского языков. В польско-литовский период выходили

первые книги на этих языках, такие как «Краткое наставление по освоенению основ христианского учения» Питера Каниса (1585), «Малый катехизис» (1586); «эти издания, отпечатанные за пределами Латвии, предназначались священникам-чужеземцам и служили религиозно-политическим целям» [10, с. 379].

Армянский. Центром армянской диаспоры был Львов. Армяне также были в привилегированном положении: имели самоуправление, армяне-купцы были приравнены в правах к католикам, армянский язык использовался в официальном обороте между армянами. После Брестской унии община начала приходить в упадок, а армяне стали массово переходить в католичество, особенно в 1630-е: «после обращения в католичество почти полностью был предан забвению и вышел из употребления армянский язык, на котором говорило и без того ограниченное количество людей, и армянский остался лишь языком церковных ритуалов и церемоний» [11].

Татарский. Татары впервые начали переселяться на север Литовского государства из улуса Джучи в XIV–XV. Татарские выходцы веками превосходно служили стране в качестве кавалеристов. Литовские татары (липки) не ассимилировались, однако утратили свой язык (а также арабский язык богослужения) в пользу западнорусского и польского к концу XVI в., чему причиной являлась «необходимость перевода на белорусский (западнорусский), а затем и польский язык религиозной литературы: сур Корана, непонятных литовским татарам арабских текстов молитв, легенд о пророке Мухаммеде» [12, с. 49].

Таким образом, в рамках обсуждаемого периода официальным языком Польши оставалась латынь и польский язык, постепенно превращающийся в *lingua franca* государства. В Литве официальный западнорусский язык постепенно сдавал позиции польскому языку, а статус языка публицистики уступил западнорусским изводам церковнославянского языка. Немецкий язык был официальным на вассальных территориях. Языками автохтонных народов были диалекты литовского, латышского и эстонского языков, на которых в обозначенный период только появляется первая литература. Армянский, идиш, иврит, татарский и арабский были языком национальных диаспор. Если на заре своего существования Речь Посполитая являла некоторый прообраз сосуществования народов и языков, то с XVII в. усиливаются тенденции всеобщей полонизации.

Литература

1. Тымовский М., Кеневич Я. История Польши. – М.: Весь мир, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1036241/10/Тымовский_-_Istoriya_Polshi.html (дата обращения: 26.03.2017).
2. Лопухин А.П., Глубоковский Н.Н. Православная богословская энциклопедия / Православная богословская энциклопедия. Т. 9. – 1911–1912. – 770 с.
3. Del Gaudio S. Роль «славеноросского языка» в истории развития украинского и русского языков. – Wiener Slawistischer Almanach, 64, 2009. – Р. 227–256.
4. Свежинский В. Языковая ситуация в ВКЛ при Ягеллонах // Деда. – № 9. – 2012. – С. 233–242.
5. Jerzy Ochmański. The National Idea in Lithuania from the 16th to the First Half of the 19th Century: The Problem of Cultural-Linguistic Differentiation», Harvard Ukrainian Studies. Vol. X. – № 3/4. – 1986. – Р. 314.
6. Bauer G. Baltismen im ostpreußischen Deutsch. In: Annaberger Annalen. – Nr. 13. – 2005. – Р. 5–82.
7. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
8. Mike Rosenzweig. History of the Jews in Poland – Early History, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zchor.org/heritage/history> (дата обращения: 26.12.2016).
9. Бейдер А. Еврейский немецкий как чудо унификации // Еврейский обозреватель. – № 09/261. – Сентябрь 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://jew-observer.com/eto-interesno/evrejskij-nemeckij-kak-chudo-unifikacii/> (дата обращения: 28.03.2017).
10. Упитис Я.М. История всемирной литературы. Т. 4. – М.: Наука, 1987. – 304 с.
11. Симаворян А. Армяне-католики Польши // 17.10.2011. Электронный ресурс]. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=6053 (дата обращения: 27.03.2017).
12. Мишкинене Г. Очерк истории и культуры литовских татар // Журнал «Диаспоры». – 2005. – № 2. – С. 40–62.

**Рапорты благочинных как ценный источник
реконструкции сельской приходской жизни
Енисейской губернии
второй половины XIX – начала XX в.**

Е.А. Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнева

В статье рассматриваются рапорты благочинных Русской православной церкви Енисейской епархии с точки зрения содержания в них материала для исторических исследований.

Ключевые слова: Енисейская епархия Русской православной церкви, благочинные, доклады и рапорты епархиальным властям, сельский приход.

**Reports of the deans, as a valuable source
about rural parish life of the Yenisei province
in the second half of XIX – early XX centuries**

E.A. Shushkanova

Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev

The article discusses the reports of subordinates of the Bishop of the Russian Orthodox Church of the Yenisei diocese, in terms of content of material for historical research.

Key words: The Yenisei diocese, Russian Orthodox Church, the deans, the reports and the reports of the diocesan authorities, the parish in the village.

В последние годы интерес к истории Русской православной церкви в отечественной историографии не упал. Напротив, тематика исследований только расширяется. Однако по-прежнему наименее изученной остается история жизни сельского церковного прихода. Это объясняется тем, что целостных архивных материалов сельских храмов сохранилось немного. Если городские церковные архивы (материалы консисторий, духовных правлений и пр.) как-то уцелели, то

в период, когда шло уничтожение храмов, подумать о сохранности сельских приходских документов было некому. В этой связи ценным источником для реконструкции истории сельской приходской жизни являются рапорты благочинных.

Как известно, благочинием в Русской православной церкви именуется часть епархии, объединяющая группу приходов, находящихся в территориальной близости друг от друга. После создания самостоятельной Енисейской епархии на ее территории к 1863 г. было создано 17 благочинных округов. Во главе каждого из них епископ назначал благочинного, становившегося посредником между приходами и епархиальной властью, в задачи которого входило управление церковной жизнью на местах. Особая достоверность информации, которая поступала от благочиний, определяется тем, что она основывалась на личных ревизионных поездках благочинных по своему округу. Кроме рапортов, которые благочинные регулярно отправляли в духовное правление или лично правящему архиерею, они нередко составляли путевые отчеты о своих поездках. Следует отметить, что какой-то строгой формы как для рапортов, так и для отчетов не существовало, поэтому в целом они лишены бюрократического штампа. Обратимся к информации, которую предоставляет данный исторический источник.

Как уже отмечалось, в задачи благочинных входило обозрение церковей своего округа прежде всего с целью установления общего состояния церковей: во-первых, насколько они прочны в физическом смысле (включая порядок иконостаса и церковного имущества), во-вторых, насколько исправно велось православное богослужение. Большинство рапортов свидетельствуют, что «в церкви найдено все в порядке» [1. Д. 7518. Л. 83], «во всех церквах Св. Дары и Св. Миро в достаточном количестве, без оскудения, доброкачественно и сохраняются с должным благоговением и в приличных сосудах» [1. Д. 7518. Л. 1]. Что касается богослужений, то обычно благочинные отмечали, что «богослужения отправляют неукоснительно, а требы духовные совершают безотлагательно» [1. Д. 7661. Л. 44]. Однако что касается религиозности прихожан, то немалая часть священников отмечала проблему маловерия, которая заметно нарастала с середины XIX в. К примеру, в рапорте благочинного 3 участка Красноярского округа владыке Евфимию в феврале 1901 г. содержится следующая характерная оценка: «В религиозном отношении население приходов стоит на довольно низком уровне развития. Христианский долг исповеди и Святого Причастия ежегодно

исполняется далеко не всеми прихожанами. Да и те, кои пребывают на таинстве исповеди и причастия, более-менее не обнаруживают ни надлежащего благоговения, ни ясного сознания силы и действия таинств» [1. Д. 4727. Л. 198].

Другой важной задачей благочинного при проверке состояния вверенных ему приходов был контроль за ведением делопроизводства. Сельские церковнослужители отвечали за надлежащее ведение множества документов: метрических книг, исповедальных росписей, клировых ведомостей, описей церковного имущества. И хотя в отчетах в основном указывалось, что «церковное письмоводство ведется удовлетворительно» [1. Д. 4637. Л. 11], в рапортах мы встречаем нередкие замечания по ведению документов. Наиболее часты были такие нарекания: не вполне аккуратная опись церковного и ризничного имущества (состояние описи и наличествующего имущества часто не совпадали друг с другом); не всегда в порядке находились архивные дела и метрические книги. Часто не было описей архивных дел, или записи в книгах велись небрежно. Например, немало упреков вызвали так называемые брачные обыски – обязательный документ для вступления в брак, где указывались полные имена, возраст, сословие и чин, семейное положение вступающих в брак. К слову, очень строго спрашивали епархиальные власти за случаи венчания брака «несовершенных в летах» (т.е. не достигших совершеннолетия). Известны даже случаи церковного суда над священниками Енисейской епархии за венчание таких браков. Проводя инспекцию приходов, благочинные обращали внимание и на состояние церковных кладбищ: чтобы соблюдался внешний порядок и могилы копались «в указанную меру» (т.е. не мелко).

Предметом особого внимания благочинных было состояние церковного клира (служителей). Как правило, отзывы на этот счет были самые положительные: «священники, диаконы и причетники все здоровы, живут кротко, мирно и ведут жизнь трезвую, назидательную и во всем приличную служителям алтаря» [1. Д. 7518. Л. 1]. Представляется, что по большей части так оно и было, и подобные оценки вовсе не означали желания угодить церковным властям, потому как в рапортах мы иногда находим указания на неблаговидные поступки священнослужителей. О масштабах нарушений свидетельствуют данные отчета енисейского епископа Александра за 1893 г., в котором указано, что за год о «предрасудительных поступках» духовенства производилось 37 дел, а подвергнуто взысканиям было 15 лиц [1. Д. 4637. Л. 12]. Если учесть, что в указанный период всех

священно- церковнослужителей в епархии состояло 460, то процент серьезных проступков был ничтожный. Наиболее распространенным было взыскание за винопитие. Сам владыка Александр прокомментировал свои наблюдения так: «Кроме того, в нравственном отношении духовенство вообще удовлетворительно, хотя в то же время нельзя умолчать о несчастной привычке многих из духовенства к излишнему употреблению опьяняющих напитков» [Там же].

Рапорты благочинных не содержат анализа причин указанной проблемы. Мы предполагаем, что корень ее был в несоответствии статуса священнослужителя с реальным жизненным уровнем последнего. Духовенство (включая сельское), которое с уверенностью можно отнести к интеллигенции, испытывало потребность более разноплановых статей расхода, чем рядовой сельский обыватель: на чтение литературы, на обучение детей, на поездки, не говоря уже об определенном уровне бытового уклада. Однако реальный жизненный уровень сельского причта часто делал это невозможным. Не вдаваясь подробно в тему уровня жизни сельского духовенства, которая является самостоятельным предметом исследования, заметим, что материальное состояние духовенства и церковнослужителей – это нарастающая по остроте проблема, по крайней мере, с середины XIX в.

Материальное содержание причта складывалось главным образом из трех основных источников: казенного жалования, содержания от прихода (хлебная руга) и сборов за совершение треб (молебны, панихиды, отпевание, освящение домов и др.). Поскольку казенное жалование было невелико, жизненный уровень клира напрямую зависел от участия прихожан. Между тем интерес прихожан к вспоможению падал. Это заметно, например, по динамике отчисления руги из хлебных магазинов (складов) в пользу причтов. Вот типичное замечание благочинного в 1868 г.: «Духовенство всех церквей терпит крайнюю нужду в ружном хлебе, вовсе не выдаваемом в настоящем году» [1. Д. 7518. Л. 87]. То же самое охлаждение прихожан к нуждам клира наблюдается и на примере сокращения свечных доходов, и на суммах от треб.

Однако в сложившейся системе хозяйственного обеспечения духовенства существовала иная и гораздо более важная проблема: такая «материальная» в широком смысле слова зависимость священников от сельчан вступала в грубое противоречие с пастырской, наставнической деятельностью духовенства. На это обращали внимание сами енисейские владыки. Так, после поездки по епархии

в 1871 г. епископ Павел хотя и не нашел больших лишений в материальном положении сельских священников, заключил, что «необходимо вообще улучшить быт духовенства, поставив его в более независимое положение от прихожан, чрез что оно может быть влиятельнее на них» [2. Д. 546. Л. 40].

Говоря о значении рапортов благочинных как уникальном источнике исследования сельской приходской жизни, следует заметить, что благочинные состояли посредниками не только между сельскими жителями и церковными властями, но и имели постоянный контакт с гражданским начальством. Причем вовлеченность духовенства в мирские проблемы общественной жизни к началу XX в. усиливалась. Сюда можно отнести роль приходов как средств массовой информации (в храмах зачитывались важнейшие государственные указы и манифесты); участие причтов в оспопрививательной деятельности; в собирании статистических сведений; в развитии сельского кредита и пр. и пр. вплоть до сообщений от благочиний «о заразившихся соленой рыбой в минувшем году» [1. Д. 7518. Л. 88].

Нередко гражданские власти обращались в епархию и к благочинным для, как сейчас говорят, мониторинга общественного мнения. К примеру, в 1892 г. енисейский губернатор Л.К. Теляковский обратился к енисейскому владыке Александру с просьбой обратить внимание на то, что у крестьян установилось много праздников помимо двенадцатых (двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии), в которые они якобы предаются «разгулу, пьянству, разврату и праздности». Для ответа на это обращение в Енисейской духовной консистории стали собирать рапорты сельских священников по существу дела, которые позволяют оценить значение православных праздников в жизни крестьян. Интересно, во-первых, что практически в каждом селении были свои, особо чтимые праздники. Например, в с. Нахвальском и с. Таскинском жители отмечали девятую пятницу по Пасхе: причем объяснить природу этого праздника не могли даже старожилы. В д. Береш особо почитали икону святой мученицы Параскевы, к которой на богомолье приходили даже из дальних сел. Или в д. Карымской особо почитался день памяти Дмитрия Солунского, хотя своей церкви там не было и на службу жители ходили за 8 верст в храм Святой Параскевы. Во-вторых, христианские праздники по отчетам священников отмечались крестьянами более благоговейно, чем прочие. Хотя после обязательного моления в храме сельчане

и устраивали шумные застолья, переходя из дома в дом большими компаниями, но вели себя прилично, а «непристойных песен и сквернословия мужчины воздерживаются произносить» [1. Д. 2636. Л. 17]. В ответной записке к губернатору особо указывалось, что более всего разгулы и попойки замечены священниками на сельских сходах, где обычно решались общественные дела (выборы сельских старост, разделы земель и покосов и пр.), а не в дни православных торжеств.

Таким образом, рапорты благочинных позволяют расширить и углубить исследования не только в сфере церковной жизни Енисейской епархии, но и в области культуры и быта сельских жителей, взаимоотношений церковных и гражданских властей, проблем жизни ссыльнопоселенцев (которыми также занимались благочиния), вопросов землепользования и многих других.

Литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 674. Оп. 1. Енисейская Духовная Консисто́рия.
2. ГАКК. Ф. 592. Оп. 2. Красноярское духовное правление.

УДК 930.85

Книга В.Б. Бояринцева «Мы – хиппи» как исторический источник для изучения движения хиппи в СССР

Ю.В. Элтеко
Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается книга В.Б. Бояринцева «Мы – хиппи» как исторический источник для изучения движения хиппи в Советском Союзе. Была проанализирована информативность подобного вида источников, структурирована полученная информация. На основании выявленных данных сделаны выводы об определенных особенностях контркультуры хиппи.

Ключевые слова: хиппи, контркультура, источники, Советский Союз, СССР.

V.B. Boyarintsev's book «We are Hippies» as a historical source for studying the hippy movement in the USSR

Y.V. Elteko
Siberian Federal University

The article reviews V.B. Boyarintsev's book «We Are Hippies» as a historical source for the study of the hippy movement in the Soviet Union. The information content of this kind of sources was analyzed, the information received was structured. Based on the findings, conclusions about certain characteristics of the hippy counterculture are drawn.

Key words: *hippies, counterculture, sources, the Soviet Union, the USSR.*

Каждое событие на протяжении исторического пути оставляет след. Так человек, его менталитет, стиль жизни, культурное обличие и т.д. формируется посредством событийной цепи. Теми, кем мы сейчас являемся, нас сделало прошлое. Революция, железный занавес, КПСС, оттепель, появление разного рода культурных, молодежных движений. Множество явлений, следующих друг за другом. Я бы хотела особо остановиться на одном из них, пришедшем из США и существовавшем на протяжении 70-х – 90-х гг. в СССР – движении хиппи.

Движение хиппи в СССР уникально тем, что оно было первой контркультурой в государстве, они первые начали вести себя свободно в «несвободной стране». Если говорить о термине «контркультура», то он впервые был предложен Т. Роззаком в труде «Становление контркультуры» и обозначал упорядоченное, идеологически целостное мировосприятие, совокупность ценностных установок, определяющих нетрадиционный стиль поведения и образа жизни [1].

На данный момент существует очень много разного рода источников по движению хиппи: об их культуре, образе жизни, повседневности. Но исследований, посвященных данной тематике, крайне мало, можно сказать, практически нет.

Как уже говорилось, источники представлены разного формата: манифесты, продукты творческой деятельности, дневники, книги, написанные как в период событий, так и после них. Каждый источник по-своему уникален, в каждом из них можно почерпнуть информацию определенной направленности. Например, если будем рассматривать манифесты, то, вероятнее всего, получим информацию

о требованиях хиппи, об их философии, а если возьмем дневник, то больше узнаем историю повседневной жизни, быт.

Для того чтобы рассмотреть движение более обзорно, с разных ракурсов, я выбрала такой тип источников, как воспоминания, а именно книгу Василия Бояринцева «Мы – хиппи».

Таким образом, цель данной работы – проанализировать произведение Василия Бояринцева «Мы – хиппи» как источник для изучения движения хиппи. Важными задачами исследования при этом являются оценка информативности источника и систематизация полученной информации.

Василий «Лонг» Бояринцев – один из знаменитых хиппи Советского Союза. Василий Бояринцев родился в 1953 г. Расцвет хиппи-движения в России пришелся как раз на его юность. Он являлся внештатным корреспондентом газеты «День», а в 1990-х гг. был директором рок-магазина «Давай! Давай!». В более зрелом возрасте, приобретя домик в Оптиной Пустыни, Василий Лонг занялся литературой, стал членом Козельского Общества русских литераторов и Союза писателей России. В 2001 г. издал сборник рассказов о советских хиппи «Мы – хиппи» [2].

Данная книга похожа на дневниковые записи, состоит из нескольких рассказов, не связанных друг с другом по сюжету, но все они рассказывают о жизни хиппи. В качестве предисловия – вступительная статья Гарика Сукачева. В конце книги – отдельная глава «Словарь сленга», где представлена популярная лексика советских хиппи.

Данную книгу можно отнести к источникам личного происхождения. Рассмотрим, что конкретно можно из нее узнать о движении хиппи в СССР.

Начнем с внешних признаков представителей движения, описываемых Василием Бояринцевым. Хиппи (как парни, так и девушки) носили длинные волосы, на голове был хайратник: «светлый хайр ниже плеч с неизменным расшитым хайратником». Были обычные майки, вельветовые попиленные джинсы и сандалии. Вообще о внешности упоминает редко.

Автор также рассказывает, как питались хиппи: часто еды не было никакой, и приходилось есть что найдут, голодали, недоедали, приходилось воровать, но постоянно были алкогольные напитки, особенно часто упоминаются портвейн и вино: «На флэту пропито все, жратвы никакой – намедни проснулись среди ночи, так батла четыре стоят, и не крошки. А так и не лезет уже портвешок, кошмар!

Ну и поперлись мы под утро тырить еду с подоконников. Они, оказывается, давно так живут, поднаторели уже, однако я чуть не сдох со смеху, когда один застрял в форточке с кастрюлей супа – внутри шебуршание, видно, перепугал кого-то до полусмерти, а этот выдрался со скрежетом, прыг с окна и бежать. Суп, правда, кажется, собачий был, да слопали все равно за милую душу».

Существовали встречи в особых местах для какой-то определенной группы людей, для избранных, которые назывались пикники. Они были нечасты, но к ним готовились заранее: «строго просчитывалась компания во избежание любых обломов. Затем покупалась (обязательно!) минимальная закуска, типа плавленых сырков, колбаса или банка рыбных консервов. Непременно должна была быть газета и нож, чтобы можно было все красиво разложить и аккуратно порезать. Запас бухла обязан был быть таким, чтобы не бегать потом туда-сюда, как последние му, и не засветить место».

Немного упоминается об отношениях власти и хиппи. Например, в Литве власти относились к данному движению очень негативно: «А хиппей литовских, которых, к слову, там было тогда уже великое множество, власти начали бить и брить. Именно так: сначала дубасили, потом брили налысо, а уже потом и документы спрашивали». О каких-то серьезных столкновениях хиппи и власти именно в России не упоминается. Если и случались какие-либо инциденты, то заканчивались они более или менее мирно. Кроме одного яркого события – антиамериканской демонстрации 1 июня 1971 г. в День защиты детей, поводом к которой была Вьетнамская война: «Московская тусовка была к тому времени уже достаточно представительной, чтобы тоже как бы произвести впечатление. Юрка Солнце, наш главный рулевой, вроде бы даже ходил в Моссовет за разрешением, и якобы ему там выдали список рекомендуемых лозунгов типа: «Почему плачет вьетнамский ребенок?», «Янки, гоу хоум», разумеется, пацифик, перечеркнутые бомбы и пр. Сама эта демонстрация, не успев сделать с «психодрома» и пару шагов – а собралось там тысяч несколько народу, – закончилась такими неприятностями, что до сих пор вспоминается с содроганием. Кое-кто в итоге даже поплатился жизнью, многие загремели в дурки, иных повышибали с работы и учебы, а сами тусовки в Москве на долгое время стали делом сугубо партизанским. Спустили с цепи комсомольские оперотряды, предварительно убедив тех, что пацифик – это один из вариантов свастики, по флэтам забегали участковые». В этом же отрывке упоминается глава всех советских хиппи – Системы – Юрий Солнце.

К Системе относили «старых» хиппи, можно сказать основателей, «Система до того все-таки была одним организмом, традиции только-только рождались», впоследствии образовывалось много различных групп, не связанных друг с другом.

Особое место, как и в других книгах о хиппи, уделяется путешествиям автостопом. Можем выделить города, республики, которые наиболее часто посещали хиппи. Это Литва, Латвия, Эстония, Крым, Санкт-Петербург и постоянное место проживания – Москва.

Достаточно много внимания уделяется местам в Москве, где хиппи обычно проводили время. Начиная с послевоенных времен самой главной улицей, где собиралась разная молодежь еще до хиппи (стиляги, штатники, битники), была улица Горького, которую хиппи называли просто «Стрит». Она как будто бы была отдельно от всей Москвы, обыватели там бывали редко, только по праздникам, там не было посторонних лиц, все свои, здесь были и «системные старички». Вторая по значению «Калина» – возникший недавно проспект Калинина. «Юная Калина сияла первозданной чистотой и манила не засыпающую после программы «Время» московскую тусовку поскорее обжить ее гостеприимные прелести». Из конкретных мест можно выделить «Октобер» – бар кинотеатра «Октябрь», «Маяк», «Плешку», «Крючки».

Хиппи любили собираться большими «тусовками» и петь песни под гитару. Некоторые из них сочинялись самостоятельно. Были песни о счастье, мире, веселье, улыбках, о том, что не все могут их понять. Также хиппи любили ходить на концерты.

Если говорить о достоверности данного источника, то мы не можем судить о том, были или нет в действительности описываемые истории, ситуации, но конкретные описания хиппи, их внешности, отношений, мест и так далее можно расценивать как правду, сопоставив с информацией из других источников.

Таким образом, из данного источника была получена информация об отношении власти к хиппи, о местах их пребывания, путешествиях, о том, как они питались, чем занимались. Источники такого рода достаточно информативны и могут использоваться для дальнейшего изучения данной проблематики, отдельных ее аспектов. Для более полного и глубокого изучения нужно использовать комплекс разных источников. Так, например, в данной художественной по характеру книге отсутствует всякое упоминание о целях движения, требованиях, психологии и философии хиппи, но мы можем получить данную информацию из других видов источников, в частности из их манифестов.

Литература

1. Чибисова О.В. От хиппи до хипстеров: эволюция контркультуры // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №2. – С. 225–228.

2. Бояринцев В.А. Мы – хиппи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://para-lesha.ru/lib/vasily-boyarinzev-my-hippie> (дата обращения: 20.03.2017).

Сведения об авторах

Бармина Екатерина Владимировна, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Бехлер Александр Евгеньевич, студент радиотехнического факультета Красноярского филиала Санкт-Петербургского университета гражданской авиации.

Вититнева Елена Владиславовна, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Галкина Елена Ивановна, старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Горелова Валерия Вячеславовна, студент Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета.

Евстратчик Анна Андреевна, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Елизов Александр Георгиевич, канд. ист. наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского университета гражданской авиации.

Журибеда Константин Олегович, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Задорин Артем Викторович, ассистент кафедра истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Ильин Роман Андреевич, соискатель кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Исакова Татьяна Владимировна, студент Института управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета.

Каланчукова Алина Альфредовна, студент Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета.

Канцерева Дарья Николаевна, студент Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета

Керн Ирина Сергеевна, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Ковалев Евгений Андреевич, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Кокоулин Владислав Геннадьевич, д-р ист. наук, доцент кафедры истории России Новосибирского государственного университета.

Колесник Эдуард Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Кондратьева Анастасия Александровна, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Кушнаренко Елена Евгеньевна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Лисина Евгения Александровна, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Максимов Сергей Владимирович, д-р филос. наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Матвеева Дарья Николаевна, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Мыльникова Елена Валентиновна, канд. филос. наук, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Новосельцев Николай Рзавич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Ноздренко Елена Анатольевна, канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Пантелеева Ирина Анатольевна, канд. филос. наук, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Песковец Иван Дмитриевич, соискатель кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Пшегорский Илья Сергеевич, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Тарасов Михаил Георгиевич, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Терскова Аида Александровна, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Тимаков Никита Игоревич, студент Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета.

Трихаева Ксения Геннадьевна, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края».

Шилейкис Кирилл Станиславович, магистрант Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Шушканова Елена Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева.

Элтеко Юлия Викторовна, студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Яценко Михаил Петрович, д-р филос. наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального университета.